ПАМЯТИ ПОГИБШИХЪ

ПАРИЖЪ
1929

KT

ПАМЯТИ ПОГИБШИХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

Н. И. АСТРОВА, В. Ф. ЗЕЕЛЕРА, П. Н. МИЛЮКОВА, кн. В. А. ОБОЛЕНСКАГО, С. А. СМИРНОВА и Л. Е. ЭЛЬЯШЕВА.

ПАРИЖЪ

1929

Настоящая книга набрана и отпечатана въ количествѣ тысячи пятидесяти шести экземпляровъ, изъ коихъ пятьдесятъ нумерованныхъ на бумагѣ Vergé Hollande и шесть именныхъ на той же бумагѣ типографіей Societé Nouvelle d'Editions Franco-Slaves въ октябрѣ мѣсяцѣ тысяча девятьсотъ двадцать девятаго года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Настоящій сборникъ посвящается памяти членовъ партіи Народной Свободы, убитыхъ большевиками въ періодъ революціонной анархіи, разстрѣлянныхъ по распоряженію коммунистической власти, по ея наущенію и при ея содѣйствіи. Установить число нашихъ партійныхъ друзей и товарищей, погибшихъ отъ руки большевиковъ, невозможно, но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что погибли изъ нихъ сотни, а можетъ быть, и тысячи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ октябрьскаго переворота, 28-го ноября 1917-го года, большевики издали декретъ, объявлявшій, что «члены руководящихъ учрежденій партіи кадетовъ, какъ партіи враговъ народа, подлежатъ аресту и преданію суду революціонныхъ трибуналовъ». Декретъ этотъ не только въ провинціи, но и въ столицахъ, толковался большевицкими властями распространительно, и фраза — «кадеты объявлены внѣ закона» — стала очереднымъ лозунгомъ. А это понималось такъ: «кадетовъ нужно уничтожать». И ихъ уничтожали...

Первыми жертвами пали Шингаревъ и Кокошкинъ, а затѣмъ стали убивать «кадетовъ» во всей Россіи.

Борьба, которую партія Народной Свободы вела съ большевиками еще при Временномъ Правительствѣ, не прекратилась послѣ этого, а приняла лишь иныя формы. Многимъ изъ активныхъ членовъ партіи удалось пробраться на югъ Россіи или въ Сибирь, гдѣ они приняли участіе въ политической жизни и въ организаціи начавшагося тогда бѣлаго движенія, но многіе остались въ той части Россіи, которой управляли большевики.

Имъ пришлось вести борьбу съ большевиками въ самыхъ трудныхъ и страшныхъ условіяхъ, когда большая часть рус-

ской интеллигенціи, обезсиленная неравной борьбой, подчинилась коммунистической власти. Они, однако, не сдавались. Горячая любовь къ родинѣ и ненависть къ ея поработителямъ поддерживали ихъ силы. Они боролись до конца, превосходно зная, что попавшись въ руки большевиковъ, они не уйдутъ отъ смерти. И почти всѣ погибли...

Во всякой большой политической партіи активные политическіе борцы составляютъ меньшинство. Партія Народной Свободы въ этомъ отношеніи не составляла, конечно, исключенія. Большинство ея членовъ, въ особенности провинціальныхъ, принадлежало къ людямъ другого склада. Это были научные работники, судебные дѣятели, дѣятели земскихъ и городскихъ самоуправленій. Политика не была ихъ профессіей. Оказавшись подъ властью большевиковъ, они продолжали по мѣрѣ силъ работать каждый въ своей области, спасая культурное достояніе Россіи отъ коммунистическаго хаоса и разрушенія. Если они боролись съ большевиками, то не столько на политическомъ, сколько на культурномъ фронтѣ. По самому характеру своей дѣятельности они не должны были и не могли скрываться. А многимъ и въ голову не приходило, что жизни ихъ угрожаетъ опасность.

Между тѣмъ, среди жертвъ большевицкаго террора такіе люди — видные или скромные культурные работники — составляютъ подавляющее большинство. Особенно много погибло ихъ въ первый, анархическій, періодъ большевицкой власти, когда въ подвалахъ мѣстныхъ Ч.К. пачками разстрѣливали людей только за то, что они «буржуи», «кадеты», или «контръ-революціонеры», — клички, часто не имѣвшія никакого внутренняго содержанія. Названіе «кадеты», ассоціировавшееся въ представленіи полуграмотныхъ большевицкихъ комиссаровъ и начальниковъ военныхъ отрядовъ съ представленіемъ о военныхъ, участникахъ гражданской войны, сыграло роковую роль въ трагической судьбѣ многихъ нашихъ товарищей по партіи.

Наконецъ, не малое число молодыхъ членовъ партіи пошло добровольцами въ бѣлыя арміи и погибло на фронтѣ.

Большинство статей Сборника посвящено болѣе виднымъ дѣятелямъ партіи Народной Свободы, убитыхъ боль-

шевиками. Смерть ихъ не могла пройти незамѣтно. О нѣкоторыхъ изъ нихъ даны довольно полные біографическіе очерки, относительно другихъ, за отсутствіемъ въ эмиграціи лицъ, близко ихъ знавшихъ, пришлось ограничиться краткими характеристиками, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже лишь самыми общими, формальными свѣдѣніями. Есть категорія лицъ, о которыхъ составители Сборника могли установить только то, что они были членами партіи и разстрѣляны большевиками. И все-таки въ Сборникѣ собраны свѣдѣнія лишь о нѣсколькихъ десяткахъ нашихъ партійныхъ товарищей.

Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ было приступлено къ собиранію матеріаловъ для Сборника, и все продолжаютъ поступать новыя свѣдѣнія, увеличивая число извѣстныхъ намъ жертвъ. О многихъ и многихъ погибшихъ скромныхъ провинціальныхъ дѣятеляхъ у насъ свѣдѣній совершенно нѣтъ. Даже имена ихъ намъ не извѣстны. Но мы хотѣли бы, чтобы читатели Сборника вспомнили и о нихъ и мысленно преклонились передъ ихъ памятью. Намъ память о нихъ такъ же дорога, какъ и память о людяхъ извѣстныхъ, въ Сборникѣ перечисленныхъ. Когда-то всѣ вмѣстѣ они на разныхъ поприщахъ боролись за право и свободу, служили культурѣ и прогрессу нашей общей родины.

Часть нашихъ партійныхъ товарищей оказалась за границей, внѣ предѣловъ досягаемости большевицкихъ палачей, и не раздѣлила участи оставшихся въ Россіи. Но живые и мертвые, всѣ мы связаны въ прошломъ борьбой за лучшее будущее родины.

Наши идеи временно потерпѣли пораженіе, но мы вѣримъ, что въ новой Россіи онѣ, обновленныя, возродятся вновь. Залогъ ихъ жизненности въ томъ, что за нихъ умирали.

Да послужитъ же нашъ Сборникъ скромнымъ памятникомъ надъ братской могилой умершихъ.

Перечисляя нашихъ героевъ и мучениковъ, не можемъ не вспомнить и о тѣхъ, кто безвременно погибъ насильственной смертью, хотя и не отъ руки большевиковъ.

Прежде всего, помянемъ извѣстнаго земскаго дѣятеля, пылкаго оратора и пламеннаго патріота, Александра Михайлови-

ча Колюбакина. Когда началась мiровая война, А. М., бывшiй кадровый офицеръ, не былъ мобилизованъ изъ за политической неблагонадежности. А. М., имѣвшiй большую семью, казалось, долженъ былъ бы радоваться такой неожиданной для себя «льготѣ». Онъ, однако, почиталъ своимъ профессiональнымъ и нравственнымъ долгомъ защищать отечество съ оружiемъ въ рукахъ. Получивъ рѣшительный отказъ быть зачисленнымъ въ армiю отъ военнаго начальства, онъ обратился непосредственно къ Государю, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914-го года былъ по Высочайшему повелѣнiю назначенъ въ одинъ изъ Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и немедленно, простившись съ нѣжно любимой семьей и многочисленными петербургскими друзьями, отбылъ въ дѣйствующую армiю.

Черезъ два мѣсяца, ведя свою роту на штурмъ нѣмецкихъ окоповъ, онъ былъ убитъ.

Не можемъ не помянуть двухъ выдающихся членовъ партiи Народной Свободы, членовъ 1-ой Государственной Думы: крупнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, члена редакцiи «Русскихъ Вѣдомостей», Михаила Яковлевича Герценштейна, руководившаго въ Думѣ работой по составленiю земельнаго законопроекта, и извѣстнаго публициста, тоже члена редакцiи «Русскихъ Вѣдомостей», Григорiя Борисовича Iоллоса. Оба пали жертвами праваго изувѣрства. М. Я. Герценштейнъ былъ убитъ въ 1906 году въ Финляндiи, въ Терiокахъ, гдѣ проводилъ лѣто, во время прогулки, на глазахъ жены и малолѣтней дочери. Г. Б. Iоллоса убили въ 1907 году, въ Москвѣ, на улицѣ, на пути изъ редакцiи «Русскихъ Вѣдомостей».

Наконецъ, уже въ эмиграцiи, тоже правыми изувѣрами былъ убитъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ и выдающихся членовъ центральнаго комитета партiи, Владимiръ Дмитрiевичъ Набоковъ. Пуля, сразившая его въ Берлинѣ, въ 1922-мъ году, на лекцiи П. Н. Милюкова, предназначалась не ему. Онъ палъ жертвой своего благородства и мужества, бросившись обезоруживать убiйцу, стрѣлявшаго въ П. Н. Милюкова. Но другой убiйца выстрѣлилъ ему въ спину и убилъ на мѣстѣ. Такъ умеръ благородный Набоковъ, пожертвовавъ своей жизнью за другую человѣческую жизнь.

В ѣ ч н а я п а м я т ь в с ѣ м ъ п о г и б ш и м ъ...

I. Первыя жертвы

ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КОКОШКИНЪ

I

Мысленнымъ взоромъ окидывая жизнь Ф. Ф. Кокошкина и стараясь уловить господствующую черту его личности, я прихожу къ заключенію, что этой господствующей чертой была — *грація*. Вѣдь *грація* состоитъ въ способности достигать значительнѣйшихъ результатовъ при наименьшихъ видимыхъ усиліяхъ. Эта именно способность и лежала въ основѣ духовной природы Кокошкина. Онъ жилъ кипучей и чрезвычайно разносторонней духовной жизнью. Менѣе всего онъ замыкался въ какой-нибудь одной узко-опредѣленной сферѣ. Онъ обладалъ страстнымъ темпераментомъ, душой въ высшей степени отзывчивой на впечатлѣнія бытія, на глубокіе вопросы права и морали, на волнующую прелесть поэзіи и искусства, на повелительные призывы гражданскаго долга. И каждая изъ этихъ стихій его душевнаго міра достигала въ немъ чрезвычайной значительности и глубины своего внутренняго содержанія. При томъ эта живая разносторонность его духовныхъ интересовъ соединялась въ немъ съ чарующей талантливостью натуры и, благодаря этому,

всѣ тѣ мысли, которыя онъ высказывалъ письменно или устно, и всѣ тѣ поступки, которые онъ совершалъ въ частномъ или общественномъ жизненномъ обиходѣ, неизмѣнно сверкали блескомъ яркой одаренности.

Вотъ почему онъ былъ одновременно крупнымъ ученымъ, блестящимъ ораторомъ, несравненнымъ политическимъ дебатеромъ, яркимъ публицистомъ, самоотверженнымъ и стойкимъ гражданиномъ, знатокомъ поэзіи, тонкимъ цѣнителемъ всего прекраснаго.

Какой громадный душевный грузъ! При такой исключительной многосодержательности иной человѣкъ оказался бы слишкомъ тяжелымъ для окружающихъ, слишкомъ преисполненнымъ собственной значительности, напыщеннымъ и чопорнымъ. Ни малѣйшаго намека на чопорность и напыщенность не было въ натурѣ Кокошкина. Онъ былъ прежде всего *граціозенъ* въ своемъ духовномъ складѣ, онъ умѣлъ *носить* свою духовную значительность легко и свободно, никому не наступая на ноги, безъ малѣйшаго намека на педантизмъ, — этого злѣйшаго врага граціозности.

Видя Кокошкина въ первый разъ въ обществѣ, вы могли принять его просто за чрезвычайно живого и талантливаго добраго малаго, — такъ онъ былъ простъ, непринужденъ и духовно-подвиженъ, такъ онъ былъ чуждъ всякой наклонности подавлять другихъ своимъ авторитетомъ. Но вотъ, въ теченіе разговора затрагивался какой-нибудь серьезный научный или общественный вопросъ, и вдругъ этотъ «добрый малый» приводилъ васъ въ изумленіе такой тонкостью мысли, неотразимой убѣдительностью аргументаціи и глубочайшей эрудиціей, что вы, широко раскрывъ глаза отъ неожиданности, могли только сказать себѣ: «Такъ вотъ онъ каковъ!». А онъ, между тѣмъ, уже опять велъ непринужденную бесѣду о пустякахъ, сверкая остротами, заливаясь яснымъ смѣхомъ, цитируя какіе-нибудь юмористическіе стихи такъже легко и граціозно, какъ за минуту передъ тѣмъ разбиралъ передъ вами тончайшія юридическія или политическія проблемы.

Есть люди, которые въ своихъ рѣчахъ стараются показать больше, чѣмъ имѣютъ въ умѣ и за душой. Это — педанты, пустопорожнія слова которыхъ такъ же несносны, какъ натужный крикъ безголосаго пѣвца. Есть люди, которые даютъ ровно столько, сколько имѣютъ въ умѣ и за душой. И послѣ одного-двухъ разговоровъ съ ними вы чувствуете, что они уже цѣликомъ истощены и съ ними уже скучно. Но есть и такіе люди, въ которыхъ, — чѣмъ вы больше сходитесь, — тѣмъ яснѣе раскрывается передъ вами все большая душевная глубина. Къ такимъ-то людямъ и принадлежалъ Кокошкинъ. Онъ много давалъ окружающимъ и всегда въ немъ самомъ оставался еще значительный избытокъ. Когда онъ прославился какъ политическій дѣятель, людямъ, восхищавшимся его талантами политическаго бойца, навѣрно не приходило и на мысль, что этотъ глубокій юристъ, знающій всѣ конституціи міра, какъ свои пять пальцевъ, можетъ цѣлыми часами толковать съ Вячеславомъ Ивановымъ о тончайшихъ тайнахъ стихосложенія, вникая въ ихъ эстетическую прелесть. Такихъ потаенныхъ уголковъ въ лабиринтѣ его души было много. Не сомнѣваюсь въ томъ, что многіе и многіе, рукоплескавшіе Кокошкину на политическихъ митингахъ и восторгавшіеся его выступленіями въ Государственной Думѣ, были убѣждены, что вся его душа цѣликомъ ушла въ вопросы о всеобщемъ избирательномъ правѣ, о парламентаризмѣ и т. п. И какъ бы они были изумлены, узнавъ, что Кокошкинъ съ неменьшимъ увлеченіемъ предавался изученію богословскихъ вопросовъ и каноническаго права! Недаромъ, когда въ 1917-мъ году конституц.-демократич. партія настойчиво выдвигала Кокошкина на разные министерскіе посты, онъ, долго отказываясь отъ всѣхъ этихъ предложеній, наконецъ, заявилъ, что въ крайности пошелъ бы на постъ... оберъ-прокурора Синода. Черезъ нѣсколько дней ему сообщили, что духовные члены Синода сомнѣваются — достаточно ли онъ религіозенъ. Кокошкинъ улыбнулся и замѣтилъ: «Если-бъ они знали, что въ этомъ отношеніи я превосхожу нѣкоторыхъ изъ нихъ»...

Такая кипучая и богатая разнородность духовныхъ интересовъ можетъ получить характеръ разбросанности, если въ натурѣ человѣка нѣтъ того основного стержня, на который нанизываются отдѣльныя устремленія и порывы души.

Былъ ли такой стержень у Кокошкина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ очеркѣ его жизни.

II

Кокошкинъ родился въ 1871-мъ году. Онъ былъ внукомъ извѣстнаго въ исторіи русскаго театра драматурга и директора Московскихъ государственныхъ театровъ въ первой половинѣ XIX ст., Ф. Ф. Кокошкина. Не отъ дѣда ли унаслѣдовалъ внукъ тяготѣніе къ литературѣ и поэзіи, эстетическій вкусъ и художественные интересы, которые служили такимъ чарующимъ и для многихъ неожиданнымъ дополненіемъ къ его юридической эрудиціи и къ его политическому темпераменту?

Итакъ, Кокошкинъ происходилъ изъ московской дворянской семьи. Но родился онъ не въ Москвѣ, а въ г. Холмѣ, Люблинской губерніи, гдѣ его отецъ служилъ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Отецъ умеръ, когда Кокошкинъ былъ младенцемъ, и помнить себя Кокошкинъ сталъ уже въ г. Владимірѣ, гдѣ его мать, по смерти мужа, занимала мѣсто начальницы земской женской гимназіи.

Недавно скончавшійся въ Бельгіи Влад. Фед. Кокошкинъ оставилъ намъ интересныя воспоминанія о дѣтскихъ годахъ своего брата. (Онѣ были напечатаны въ «Послѣднихъ Новостяхъ» за 1928-ой годъ, № 2493). Въ тѣхъ фактахъ, которые приведены въ этихъ воспоминаніяхъ, выпукло выступаютъ передъ нами нѣкоторыя черты характера, дающія ключъ къ пониманію послѣдующей дѣятельности Кокошкина. Это — во-первыхъ, чрезвычайная живость характера, чрезвычайная и физическая и духовная подвижность, соединенная съ кипучей работой творческаго воображенія, и, во-вторыхъ, врожденное стре-

мленіе къ независимости, постоянные протесты противъ всякихъ попытокъ подчинить его сторонней опекѣ, стремленіе во всемъ и всегда быть совершенно самостоятельнымъ.

Когда къ дѣтямъ была приставлена француженка-бонна, маленькій Федя прежде всего побѣжалъ къ матери съ вопросомъ, какъ сказать по-французски: «я самъ». И тотчасъ вслѣдъ затѣмъ заявилъ боннѣ: «А одѣваться я буду всегда moi-même». Онъ спѣшилъ этимъ сразу оградить свою самостоятельность, пуще всего боясь стать предметомъ манипуляцій бонны, одна мысль о которыхъ заранѣе уязвляла его младенческое самолюбіе. Такимъ и остался онъ на всю жизнь, — по справедливому замѣчанію автора этихъ воспоминаній, — «Съ самыхъ малыхъ лѣтъ и до самой своей смерти онъ не любилъ ни въ чемъ помощи, всегда дѣйствовалъ «moi-même».

Нерѣдко люди, усиленно дорожащіе собственной независимостью, не терпятъ проявленія этой черты въ другихъ людяхъ и даже бываютъ склонны деспотически властвовать надъ окружающими... Кокошкинъ былъ отъ природы совсѣмъ иного душевнаго склада.

При прохожденіи гимназическаго курса во Владимірской гимназіи онъ учился блестяще и неизмѣнно былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Но ему были какъ нельзя болѣе чужды обычныя черты типическаго «перваго ученика». Онъ не былъ любимчикомъ начальства и никогда не становился въ высокомѣрную позу «модели» для толпы товарищей. Всегда онъ являлся душою класса и наиболѣе дружилъ съ самыми отчаянными, но живыми и способными товарищами.

Смѣлость, даже озорство, оригинальность и независимая самостоятельность — вотъ что плѣняло его въ людяхъ, какъ нѣчто родственное основамъ его собственной натуры.

Я обращаю вниманіе читателя на эту его черту, потому что она, на мой взглядъ, объясняетъ многое въ его политической дѣятельности. Онъ былъ страстнымъ борцомъ за принципы свободы, ограждающей достоинство

человѣческой личности, не потому, что такъ написано въ популярныхъ политическихъ прописяхъ, и не потому, что онъ умозрительнымъ путемъ создалъ себѣ теоретическій идеалъ политическихъ требованій, чуждыхъ подлиннымъ наклонностямъ его природы, какъ это бываетъ у людей, у которыхъ «умъ съ сердцемъ не въ ладу», а именно потому, что любовь къ свободѣ и независимости коренилась глубоко въ интимнѣйшихъ нѣдрахъ его души.

Что же касается «теоретическихъ построеній», то они то какъ разъ первоначально повлекли Кокошкина на пути, отклонившіе его отъ природныхъ влеченій его натуры.

Какъ ни увлекался юный Кокошкинъ поэзіей и литературой, какъ ни обширна была уже тогда его литературная эрудиція, но, по окончаніи гимназіи, онъ поступилъ на *юридическій* факультетъ Московскаго Университета. Изъ напечатанныхъ послѣ смерти Кокошкина писемъ его къ пріятелю, мы узнаемъ, что въ этомъ выборѣ факультета играла роль та же эстетика. Кокошкина, прежде всего, привлекала къ себѣ *красота* послѣдовательно-законченныхъ построеній юридической мысли.

Юридическій факультетъ онъ прошелъ блестяще. Профессора немедленно оцѣнили его дарованія и поняли, какой неподдѣльный брилліантъ получитъ въ его лицѣ русская наука. Въ 1893-мъ году Кокошкинъ, окончивъ университетскій курсъ, былъ оставленъ при кафедрѣ государственнаго права для подготовки къ профессурѣ. И вотъ, я отчетливо помню, какъ въ серединѣ 90-хъ годовъ на московскихъ профессорскихъ журфиксахъ все чаще стало упоминаться имя Кокошкина, какъ подающаго большія надежды блестящаго государствовѣда, и, — это особенно любопытно, — всегда при этомъ прибавлялось, что Кокошкинъ принадлежитъ къ той группѣ молодыхъ юристовъ, которая обнаруживаетъ склонность къ политическимъ взглядамъ *праваго* оттѣнка.

Да, на первыхъ порахъ никто не предполагалъ, что Кокошкину предстоитъ въ будущемъ стать однимъ изъ лидеровъ ярко-оппозиціонной партіи. И, дѣйствительно, въ университетѣ и тотчасъ по окончаніи университетска-

го курса, Кокошкинъ былъ далекъ отъ политическаго радикализма. Въ юриспруденцiи его первоначально привлекала не стихiя общественности, а формальная красота теоретическихъ построенiй, дававшая удовлетворенiе его ясному уму и эстетическому чувству. И онъ влекся къ тѣмъ холоднымъ, формально-теоретическимъ конструкцiямъ, которыя имѣютъ такую обаятельную силу въ сферѣ отвлеченной игры ума и которыя рвутся, какъ паутина, при малѣйшемъ соприкосновенiи съ запросами реальной жизни.

Но мы уже знаемъ, что въ натурѣ Кокошкина глубоко были заложены прирожденные инстинкты чести, стремленiе къ независимости личности, къ свободѣ. И достаточно было немногихъ импульсовъ, чтобы эти инстинкты вырвались наружу и помогли Кокошкину «найти самого себя». Эти импульсы пришли съ двухъ сторонъ — и отъ науки, и отъ окружающей общественной среды. Въ 1897 и 1898 г.г. Кокошкинъ отправился заграницу, въ научную командировку, которую онъ такъ поэтически описываетъ въ упомянутыхъ выше письмахъ къ прiятелю. Тамъ у него завязалась дружеская связь съ Iеллинекомъ. Тамъ его научная мысль, вырвавшись на просторъ изъ круга идей, преподававшихся съ московской кафедры государствовѣдѣнiя весьма «охранительно» настроенными профессорами, стала лицомъ къ лицу съ новыми проблемами, освѣщавшими глубокую связь юриспруденцiи съ подлинными жизненными интересами. А, возвратившись въ Москву къ началу 1900-го года, Кокошкинъ попалъ въ атмосферу разгоравшагося общественнаго движенiя, направленнаго какъ разъ на завоеванiе свободы и общественной справедливости. И вотъ, кабинетный ученый превратился въ политическаго борца, и требованiя общественной правды, ворвавшись въ тишину его ученаго кабинета, вызвали въ немъ глубокiй пересмотръ и научнаго его мiровоззрѣнiя.

Обычно, люди въ отношенiи измѣненiя своихъ политическихъ взглядовъ и настроенiй продѣлываютъ путь — отъ юнаго радикализма къ умѣренности зрѣлаго возра-

ста и къ старческому консерватизму. Но бываютъ и исключенія изъ этого психологическаго закона. Яркимъ примѣромъ такихъ исключеній можетъ служить Гладстонъ — консерваторъ въ началѣ своей политической карьеры и смѣлый и рѣшительный либералъ въ серединѣ и въ концѣ ея. Къ этимъ политикамъ гладстоновскаго типа принадлежалъ и Кокошкинъ. Кокошкинъ сталъ радикаломъ не потому, что въ юности, съ чужого голоса, затвердилъ радикальныя словечки и увлекся модными среди молодежи бунтарскими настроеніями, и не потому, что личныя невзгоды озлобили его противъ существующихъ порядковъ, а потому, что упорная самостоятельная работа мысли и серьезно пережитыя впечатлѣнія отъ общественнаго опыта освѣтили ему жизненную правду выдвигаемыхъ политическимъ радикализмомъ требованій. Такой радикализмъ, не навѣянный мимолетными впечатлѣніями юности, а выросшій изъ глубокой внутренней работы духа зрѣлаго возраста, прирастаетъ къ человѣку прочно и уже не спадаетъ съ него ни при какихъ частичныхъ и временныхъ разочарованіяхъ.

Съ 1900 года Кокошкинъ становится гласнымъ московскаго губернскаго земскаго собранія отъ Звенигородскаго уѣзда. Въ 1903-мъ году онъ избирается членомъ губернской земской управы и начинаетъ энергично работать во многихъ комиссіяхъ. Одновременно онъ беретъ на себя обязанности помощника секретаря московской городской Думы и вступаетъ въ полуконспиративный земскій кружокъ «Бесѣда», организованный Д. Н. Шиповымъ и кн. Долгоруковыми. Все это предрѣшаетъ дальнѣйшій путь его политической дѣятельности. Онъ читаетъ лекціи въ университетѣ, работаетъ надъ диссертаціей, но теперь онъ уже не только ученый. Чувство гражданскаго долга и темпераментъ политическаго борца вспыхнули въ его душѣ съ неудержимой силой, лишь только онъ соприкоснулся съ начинавшимся политическимъ движеніемъ, которое вскорѣ охватило всю Россію. Тѣсныя дружескія связи, основанныя на глубокой общности идей и стремленій, спаяли его теперь съ той груп-

Ф. Ф. КОКОШКИНЪ
1871 — 1918.

пой земскихъ и городскихъ дѣятелей, которая вступила тогда на путь политической борьбы подъ давнимъ лозунгомъ русскаго прогрессивнаго земства: демократическая конституція и глубокія демократическія соціальныя реформы.

Въ своей автобіографіи и въ своихъ рѣчахъ Кокошкинъ самъ называетъ Муромцева, Астрова, кн. Долгоруковыхъ, Н. Н. Щепкина, кн. Шаховского, Головина, какъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ прежде всего близко сошелся при первыхъ же шагахъ на поприщѣ общественной работы и которые пріобщили его къ группѣ земскихъ-конституціоналистовъ. А вступивъ въ эту группу, Кокошкинъ немедленно занялъ въ ней выдающееся положеніе одного изъ тѣхъ дѣятелей, на котораго съ полнымъ основаніемъ были возложены лучшія надежды. Его эрудиція въ области государствовѣдѣнія была изумительна. Его конституціонно-демократическія убѣжденія какъ нельзя болѣе отвѣчали стремленіямъ этой группы. Его несравненный талантъ политическаго дебатера выдвигалъ его въ первые ряды бойцовъ при полемическихъ схваткахъ съ противниками. И ко всему этому присоединялись открытый и благородный характеръ, живая общительность, вѣрность дружескимъ связямъ, готовность беззавѣтно служить общему дѣлу, способность загораться боевымъ энтузіазмомъ.

1904-1905 года были временемъ кипучаго участія Кокошкина въ «Союзѣ Освобожденія», въ организаціонномъ бюро, создавшемъ политическіе земскіе съѣзды, и въ самихъ этихъ съѣздахъ.

Вмѣстѣ съ Муромцевымъ Кокошкинъ составлялъ вносимые на обсужденіе этихъ съѣздовъ конституціонные проекты, не разъ выступалъ докладчикомъ по этимъ проектамъ и не разъ одерживалъ блестящія побѣды въ политическихъ дебатахъ при ихъ обсужденіи.

Тогда-то одинъ англійскій парламентарій, попавшій на засѣданіе одного изъ земскихъ съѣздовъ, пришелъ въ восторгъ отъ полемической діалектики Кокошкина и воскликнулъ: «Вотъ — прирожденный дебатеръ!».

Въ 1905-мъ году Кокошкинъ явился однимъ изъ основателей конституціонно-демократической партіи и, конечно, вошелъ въ составъ ея центральнаго комитета.

Когда въ 1906-мъ году открылась избирательная кампанія передъ выборами въ первую Государственную Думу, никто не сомнѣвался въ томъ, что Кокошкину предстоитъ блестящая роль въ первомъ русскомъ парламентѣ. Въ избирательной кампаніи 1906-го года онъ принялъ самое дѣятельное участіе, и каждое его выступленіе на политическихъ митингахъ было истиннымъ его тріумфомъ.

Какъ политическій ораторъ, Кокошкинъ по-истинѣ магнетизировалъ аудиторію. Кто слышалъ его впервые, тотъ въ началѣ его рѣчи испытывалъ недоумѣніе и спрашивалъ себя, на чемъ же основана слава этого оратора? Произношеніе Кокошкина было не чисто, онъ не выговаривалъ нѣкоторыхъ звуковъ, шепелявилъ; его голосъ былъ однообразно-крикливъ, лишенъ музыкальныхъ модуляцій. Казалось, въ первыя минуты, что такой ораторъ долженъ скоро утомить слушателей. А между тѣмъ черезъ нѣсколько секундъ послѣ начала его рѣчи вся аудиторія, хотя бы въ ней было немало и его политическихъ противниковъ, уже съ величайшимъ подъемомъ вниманія, не дыша отъ восхищенія, слѣдила за каждымъ его словомъ, готовая часами сидѣть, не шелохнувшись, подъ обаяніемъ его чаръ.

Въ чемъ заключалась тайна этого очарованія? Во-первыхъ, въ глубокой искренности каждаго слова Кокошкина; во-вторыхъ, въ необычайной ясности его мысли и, въ третьихъ, — въ неисчерпаемомъ богатствѣ тонкой и неотразимо-убѣдительной аргументаціи, которою каждая его мысль была обставлена. М. М. Винаверъ въ очеркахъ, посвященныхъ Кокошкину, совершенно правильно опредѣляетъ своеобразную особенность ораторскаго дарованія Кокошкина. Это былъ ораторъ-педагогъ. Онъ не ошеломлялъ слушателя неожиданными словесными эффектами, не опьянялъ его жгучими тирадами. Онъ бралъ слушателя въ плѣнъ такой ясностью и убѣдительностью

обильныхъ доводовъ, преподносимыхъ въ такой удобопонятной формѣ, что слушатели начинали испытывать чувство, какъ будто ораторъ воспроизводитъ ихъ собственныя мысли, которыя они всегда раздѣляли и только не могли ихъ выразить съ такимъ искусствомъ. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, рѣчи Кокошкина были преисполнены вовсе не ходячей монетой обыденныхъ воззрѣній, а весьма глубокой эрудиціей, которая всегда восходила къ сложнымъ отправнымъ идеямъ. И это умѣніе такъ легко и просто пріобщать аудиторію къ сложному міру своихъ идей вытекало именно изъ той присущей Кокошкину духовной граціи, о которой я говорилъ въ началѣ этого очерка.

За время избирательной кампаніи 1906-го года имя Кокошкина прогремѣло по всей Россіи, и онъ былъ избранъ въ члены первой Государственной Думы представителемъ отъ города Москвы вмѣстѣ съ Муромцевымъ, Герценштейномъ и Савельевымъ.

III

Депутатская дѣятельность Кокошкина стояла на высотѣ присущихъ ему дарованій и тѣхъ надеждъ, которыя были на него возложены избирателями. Во многочисленныхъ думскихъ комиссіяхъ онъ былъ авторитетнымъ и драгоцѣннѣйшимъ работникомъ въ силу своей глубокой освѣдомленности въ вопросахъ государственнаго права. А въ засѣданіяхъ конституціонно-демократической фракціи и на трибунѣ Государственной Думы развертывались во всемъ блескѣ тѣ его дарованія, которыя дѣлали его первоклассным парламентаріемъ. Ораторскіе тріумфы сопровождали его выступленія и на думской трибунѣ въ такой же мѣрѣ, какъ и на политическихъ митингахъ. Далеко не со всѣми ораторами бываетъ такъ. Различные роды краснорѣчія далеко не всегда соединяются въ одномъ лицѣ. Плевако — знаменитый златоустъ московской адвокатуры, гремѣвшій въ судахъ ораторскимъ вдохновеніемъ, совсѣмъ слинялъ на трибунѣ Государственной

Думы. И даже нѣкоторые политическiе ораторы, пользовавшiеся неизмѣннымъ успѣхомъ на политическихъ митингахъ, оказывались въ Государственной Думѣ блѣдными копiями самихъ себя.

Это объясняется тѣмъ, что парламентская рѣчь, въ противоположность митинговой, только тогда имѣетъ успѣхъ, когда ораторъ соединяетъ съ искусствомъ слова опредѣленную систему политическихъ убѣжденiй, ясный планъ своей политической работы, и когда всѣ и каждый чувствуютъ въ немъ не только виртуоза-оратора, но и государственнаго дѣятеля, служащаго не успѣху минуты въ пылу полемики, а твердымъ идеаламъ, освѣщающимъ ему весь его жизненный путь. Эти то именно свойства и обезпечивали Кокошкину подлинный успѣхъ въ его парламентской дѣятельности.

Наиболѣе крупныя его выступленiя на трибунѣ первой Государственной Думы были посвящены критикѣ министерской декларацiи Горемыкина, полемикѣ съ предложенiемъ группы трудовиковъ передать все обсужденiе аграрной реформы въ мѣстныя совѣщанiя и обсужденiю вопросовъ о неприкосновенности депутатовъ, о гражданскомъ равенствѣ и о равноправiи нацiональностей. Сила всѣхъ этихъ рѣчей состояла и въ находчиво-осторожномъ опроверженiи доводовъ противниковъ и — главное — въ умѣнiи гармонически сочетать практическую постановку каждаго вопроса, учитывающую реальныя потребности жизни, съ разъясненiемъ принципiально-идейной основы обсуждаемой проблемы. Такова, напримѣръ, была рѣчь его о гражданскомъ равноправiи, въ которой онъ, обсудивъ всѣ вопросы, связанные съ реформой положительнаго законодательства въ этой области, вдругъ поднялъ дебаты на идейную высоту основной политической задачи — создать единую нацiю изъ конгломерата отграниченныхъ другъ отъ друга отдѣльныхъ группъ населенiя. «Пока нѣтъ гражданскаго равноправiя, нѣтъ и нацiи. Создать нацiю — вотъ къ чему должна привести предлагаемая нами реформа».

Исходной точкой и краеугольной основой его поли-

тическаго міросозерцанія было требованіе созданія такого государственнаго порядка, который обезпечилъ-бы каждому гражданину возможность «достойнаго существованія». И путь къ этому, по его убѣжденію, лежалъ черезъ сочетаніе правомѣрной свободы съ глубокими демократическими соціальными реформами на основѣ матеріальныхъ жертвъ, которыя государство вправѣ потребовать отъ состоятельныхъ классовъ въ пользу обездоленной массы населенія во имя общегосударственнаго блага.

Парламентская дѣятельность Кокошкина такъ же, какъ и его товарищей по думской конституціонно-демократической фракціи, какъ извѣстно, была прервана роспускомъ первой Думы и закончилась подписаніемъ Выборгскаго воззванія. Московское дворянство поспѣшило исключить Кокошкина изъ своей среды по политическимъ мотивамъ. Въ связи съ приговоромъ по выборгскому процессу, онъ утрачивалъ право быть избраннымъ въ слѣдующія Думы. Тогда онъ вернулся къ преподавательской дѣятельности въ московскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но теперь онъ былъ уже крѣпко и неразрывно связанъ съ той политической партіей, въ первомъ ряду которой онъ велъ свою боевую политическую работу. Онъ былъ всецѣло захваченъ этой политической работой; въ центральномъ комитетѣ конституціонно-демократической партіи и въ ея Московскомъ городскомъ комитетѣ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдался съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ политической публицистикѣ. Въ теченіе непродолжительнаго времени онъ редактировалъ конституціонно - демократическую газету «Новь», а съ конца 1907-го года сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскихъ Вѣдомостей». И тутъ блестящій ораторъ оказался и не менѣе блестящимъ публицистомъ. За послѣднее десятилѣтіе его жизни эта публицистическая его дѣятельность заняла центральное мѣсто въ его существованіи. Двери парламента были передъ нимъ закрыты. И орудіемъ отстаиванія своихъ политическихъ идеаловъ онъ избралъ перо публициста. Онъ явился желаннѣйшимъ

сотрудникомъ этой лучшей русской прогрессивной газеты. Его статьи блистали всѣми достоинствами первоклассснаго публициста. Великолѣпный литературный языкъ, мѣткость и сокрушительная сила полемическихъ ударовъ всегда соединялись въ нихъ съ глубокимъ знаніемъ обсуждаемыхъ имъ вопросовъ и съ широтой политическаго кругозора. Форма его газетныхъ писаній была чрезвычайно разнообразна. Съ одинаковымъ блескомъ писалъ онъ и передовыя статьи на злобу дня и научно-публицистическіе трактаты по текущимъ вопросамъ политической жизни (здѣсь особенно надо отмѣтить чрезвычайно важныя статьи его о парламентаризмѣ, объ автономіи областей, о русско-финляндскихъ отношеніяхъ, о національномъ вопросѣ, о положеніи старообрядцевъ и пр.), а въ перемежку съ этими серьезными трактатами, онъ бросался въ пылкія полемическія схватки съ противниками и съ легкимъ и изящнымъ остроуміемъ мастерски наносилъ и парировалъ полемическіе удары; наконецъ , выступалъ онъ и въ роли политическаго сатирика, писалъ юмористическіе замѣтки и наброски, и горе было тому, кто при этомъ попадалъ на зубокъ его искрометнаго остроумія.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ его дѣятельности, сказалось кипѣніе его бурной и живой души и оставалось только удивляться тому, какой могучій и неисчерпаемый источникъ духовной энергіи таился въ его хиломъ организмѣ: его легкія никуда не годились, и онъ то и дѣло долженъ былъ укладываться въ постель на нѣсколько дней.

IV

Опредѣленная законченность политическаго міросозерцанія Кокошкина производила на людей, его знавшихъ, впечатлѣніе своего рода доктринерскаго оптимизма и чрезмѣрной вѣры въ единоспасительность конституціонныхъ учрежденій. Глубоко ошибочно было это впечатлѣніе. Внимательный и чуткій наблюдатель дѣйствительности, Кокошкинъ отлично сознавалъ тѣ сложныя

трудности, которыя выдвигаются реальной жизнью на пути политическаго прогресса. Когда въ разгаръ нашихъ военныхъ неудачъ во время міровой войны стало ясно чувствоваться приближеніе революціоннаго взрыва, и многіе радостно ожидали, что государственный переворотъ повыситъ боевую мощь Россіи, Кокошкинъ, — я отлично помню это, — вовсе не раздѣлялъ такихъ ожиданій и такой увѣренности. Онъ понималъ, что революціонный взрывъ становится все болѣе неотвратимымъ, но онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, какими величайшими опасностями можетъ быть чреватъ революціонный переворотъ при данныхъ условіяхъ.

И когда переворотъ совершился, онъ много разъ убѣжденно высказывался въ томъ смыслѣ, что временное правительство не устоитъ подъ напоромъ все усиливающагося революціоннаго урагана и намъ придется пройти черезъ всѣ стадіи революціоннаго процесса и испытать всѣ ужасы его крайнихъ выраженій.

Этотъ пессимизмъ не ослабилъ, однако, его готовности выполнить до конца свой гражданскій долгъ.

Когда въ іюлѣ 1917-го года, послѣ петербургскаго возстанія большевиковъ, коалиціонное правительство распалось и въ центральномъ комитетѣ партіи Народной Свободы шли горячіе споры о возможности вхожденія ея членовъ въ новое правительство подъ предсѣдательствомъ А. Ф. Керенскаго, Кокошкинъ рѣшительно высказывался противъ участія к.-д. въ правительствѣ. Однако, центральный комитетъ не согласился съ его мнѣніемъ. При этомъ было рѣшено, что именно онъ, Кокошкинъ, долженъ войти въ число министровъ, ибо именно ему партія хотѣла довѣрить руководство своей политикой въ правительствѣ. Кокошкинъ, всегда строго соблюдавшій партійную дисциплину, не счелъ себя вправѣ отказаться отъ возглагавшейся на него миссіи и, безъ вѣры въ ея успѣхъ, взялъ себѣ второстепенный министерскій портфель Государственнаго Контролера. Черезъ мѣсяцъ, въ связи съ возстаніемъ генерала Корнилова, онъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ другими министрами.

Въ воспоминаніяхъ М. М. Винавера хорошо описано, съ какимъ самоотверженіемъ работалъ Кокошкинъ, руководя выработкой Положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Когда, наконецъ, среди самыхъ мрачныхъ предзнаменованій, подошелъ моментъ созыва Учредительнаго Собранія, Кокошкинъ оказался въ числѣ малой кучки конституціоналистовъ-демократовъ, избранныхъ въ въ члены этого Собранія. Положеніе дѣлъ складывалось такъ, что судьба этихъ людей представлялась всѣмъ въ самомъ зловѣщемъ свѣтѣ.

Друзья уговаривали Кокошкина поберечь себя и не ѣхать въ Петербургъ на вѣрную смерть. Онъ отвѣчалъ съ простотой истиннаго героизма: «Я не могу не явиться туда, куда меня послали мои избиратели. Это значило бы для меня измѣнить дѣлу всей моей жизни».

Помню наше послѣднее свиданіе съ нимъ передъ его отъѣздомъ изъ Москвы въ Петербургъ. Безъ всякихъ фразъ, мы крѣпко обнялись и поцѣловались. Черезъ нѣсколько дней Москва узнала, что Кокошкинъ и Шингаревъ заключены въ крѣпость. Прошло еще немного времени, и получилась вѣсть, леденящая душу: толпа кровожадныхъ изувѣровъ, исполняя волю новыхъ повелителей, ворвалась въ больницу, куда только что были переведены изъ крѣпости Кокошкинъ и Шингаревъ, и звѣрски убила этихъ «враговъ народа».

Представленный бѣглый обзоръ жизни Кокошкина, кажется, даетъ достаточно опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ чемъ состояло основное средоточіе его многообразныхъ интересовъ и устремленій.

Всѣ его интересы — научные, литературно-художественные, общественные — сходились въ одномъ фокусѣ: въ высокой оцѣнкѣ достоинства человѣческой личности, въ горячей любви къ свободѣ, въ потребности служить всѣми силами благу и счастью родины. *Всѣми* силами!

А силы у Кокошкина, какъ мы только что видѣли, были громадны и многообразны.

Это былъ чудный цвѣтокъ, расцвѣтшій на плодоносной почвѣ русской культурной традиціи. Коса невѣжественной, тупой злобы и кровожаднаго политическаго изувѣрства скосила этотъ цвѣтокъ въ самомъ его расцвѣтѣ, и кто измѣритъ всю громадность утраты, понесенной при этомъ нашей несчастной родиной?...

А. Кизеветтеръ

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ШИНГАРЕВЪ

А. И. Шингаревъ оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи русской политической жизни, и его личность заслуживаетъ большой и подробной біографіи. Я не сомнѣваюсь, что такая біографія и будетъ со временемъ написана. Но я, просидѣвшій съ Андреемъ Ивановичемъ десять лѣтъ на одной скамьѣ Таврическаго дворца и въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи, слишкомъ хорошо знаю, какъ много надо и можно собрать матеріаловъ для этой біографіи — и какъ мало ихъ у меня подъ рукой. Я могу дать здѣсь лишь бѣглую характеристику, основанную на личныхъ долговременныхъ наблюденіяхъ и подкрѣпленную посмертнымъ человѣческимъ документомъ: тюремнымъ дневникомъ, который А. И. велъ въ теченіе десяти послѣднихъ недѣль своей жизни. *).

Мы сходились съ А. И. такъ долго и постепенно, что у меня въ памяти не сохранилось воспоминаній о нашихъ первыхъ встрѣчахъ. Это было, во всякомъ случаѣ, еще до созданія, въ октябрѣ 1905 года, партіи, въ которую мы оба вошли членами и въ которой А. И. постепенно перешелъ со скромной роли провинціальнаго дѣятеля на роль избранника столицы, популярнаго государственнаго дѣятля и одного изъ самыхъ вліятельныхъ «лидеровъ» центральнаго комитета к.-д. Въ Государственной Думѣ его роль была значительнѣе, чѣмъ въ партіи, и именно тутъ

---

*) «Какъ это было» (заглавіе дано самимъ А. И.), Дневникъ А. И. Шингарева. Петропавловская крѣпость 27, XI. 17 — 5. 1. 18. Изданіе комитета по увѣковѣченію памяти Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева, Москва, 1918.

онъ, по заслугамъ, пріобрѣлъ репутацію всероссійскаго печальника о нуждахъ милліонныхъ массъ русскаго народа. Эта репутація какъ нельзя больше шла къ его личности, къ его убѣжденіямъ стараго народника; онъ, можно сказать, слился съ своей общественной ролью. Въ общественномъ служеніи былъ весь Шингаревъ, и вся его жизнь стала общественнымъ служеніемъ.

Началось оно въ условіяхъ, необыкновенно характерныхъ для личности и убѣжденій Шингарева. Было общеизвѣстно, что А. И. былъ врачемъ въ глухомъ провинціальномъ захолустьи, что онъ написалъ книгу о вырожденіи народа, въ которой нарисовалъ ужасную картину условій быта въ русской деревнѣ, — быта, поистинѣ, звѣринаго, — «власти земли», какъ она изображалась нашими беллетристами, Глѣбомъ Успенскимъ, потомъ Бунинымъ, — и какъ мы, горожане, знали ее только по книгамъ. Мы знали, что, выйдя изъ этой гущи русской жизни, А. И. уже тамъ, въ провинціи, пробился на видную роль въ мѣстномъ земствѣ, сперва уѣздномъ, потомъ и губернскомъ. Эта первая арена дѣятельности оказалась прекрасной подготовкой къ тому, что потомъ пришлось А. И. дѣлать въ Государственной Думѣ. Именно потому, что онъ пришелъ отъ земли — и пришелъ съ тѣми убѣжденіями, которыя дали ему твердую нить для пониманія истинныхъ народныхъ интересовъ — именно онъ скоро сдѣлался незамѣнимымъ не только въ нашей партійной средѣ, но и среди разнообразнаго состава послѣднихъ Государственныхъ Думъ.

Все это такъ. Но только читая «Дневникъ» А. И., я лично понялъ, что скрывалось за этими внѣшними фактами біографіи А. И. Вотъ, что пишетъ онъ о своихъ взглядахъ и побужденіяхъ, опредѣлившихъ въ ту раннюю пору его жизни сознательный выборъ карьеры. Въ этомъ признаніи мы узнаемъ народника, — но не народника семидесятыхъ годовъ. А. И. не идеализируетъ обстановки, въ которой ему придется дѣйствовать. Онъ уже «сынъ» младшаго поколѣнія, отказавшагося отъ иллюзій отцовъ. И тѣмъ болѣе славы ему за избранное имъ

— какъ увидимъ, совершенно сознательно — рѣшеніе. Онъ пишетъ: «Въ основѣ русской государственности, которую недаромъ мы называли колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, лежали темныя народныя массы, лишенныя государственной жизни, пониманія общественности и идеаловъ интеллигенціи, лишенныя часто даже простого патріотизма. Поразительное несоотвѣтствіе между верхушкой общества и его основаніемъ, между вождями государства въ прежнихъ его формахъ, а также вождями будущаго, и массой населенія — меня поразило еще съ юности, съ первыхъ лѣтъ университетской жизни. Оно представляло собой не только опасность для существующаго порядка. Это было бы не бѣда: оно представляло громадную опасность для государства. Тогда эти мысли привели меня къ заключенію о необходимости сближенія верха съ низомъ, установленія связи прочной и реальной. Тогда мнѣ казалось все безполезнымъ: наука, искусство, политика, если они не преслѣдовали только эту цѣль. *Вотъ почему тогда я бросилъ* свои первоначальные планы отдаться наукѣ, которая меня притягивала, и пережилъ свой *первый кризисъ,* бросивъ занятія ботаникой и поступивъ на медицинскій факультетъ, чтобы *уйти въ народъ врачемъ.* Отвергнувъ *второе искушеніе* — остаться при клиникѣ у Остроумова, я пошелъ *даже не земскимъ врачемъ:* я думалъ, что это *отдаляетъ отъ народа* по положенію, *а просто вольнымъ врачемъ*».

Цѣльность настроенія, съ которымъ приносится эта двойная жертва, напоминаетъ идейныя побужденія, заставлявшія идти «въ народъ» молодежь 1874 года. Но пребываніе вольнопрактикующаго врача въ самой гущѣ народной жизни положило основу всей дальнѣйшей дѣятельности А. И. Именно оно толкнуло А. И. отъ медицинской практики среди народа въ политику, преслѣдовавшую благо этого самаго народа. «Долгіе годы потомъ — дополняетъ А. И. прерванную фразу — показали мнѣ, какъ трудно что-либо сдѣлать на той дорогѣ, на которую я пошелъ, и какъ старый режимъ заграждалъ тысячами препятствій эту дорогу, по которой и безъ его упрямаго

и безумнаго сопротивленія можно было двигаться лишь очень медленно и съ огромнымъ трудомъ. Тѣ же мысли, тѣ же соображенія всегда руководили мной и въ политической работѣ. Вотъ почему я всегда стоялъ за эволюцію, хотя она идетъ такими тихими шагами, а не за революцію, которая можетъ, хотя и быстро, но привести къ неожиданной и невѣроятной катастрофѣ, ибо между ея интеллигентскими вожаками и массами — непроходимая пропасть».

Эти опредѣленныя заявленія объясняютъ не только, почему А. И. погрузился въ политику, сдѣлавшуюся его настоящей стихіей, но также и то, почему онъ выбралъ именно тотъ видъ политики, который наиболѣе отвѣчалъ полученному имъ житейскому опыту. Для русскаго интеллигента тѣхъ годовъ выборъ политической партіи, хотя и ставившей цѣлью благо народа, но не называвшей себя соціалистической, былъ нелегокъ. Въ моментъ созданія такой партіи многіе отошли въ сторону. А. И. пришелъ — и остался. Онъ сдѣлался неумолимымъ противникомъ «фантазій дѣтей, желающихъ поймать звѣзды своими ручонками». Возражать такимъ образомъ приходилось тогда не только противъ одного большевизма.

На этой почвѣ началась наша совмѣстная работа съ А. И., потомъ уже не прекращавшаяся до конца. Еще не выдвинувшись въ первые ряды парламентскихъ дѣятелей, А. И. сдѣлался самымъ цѣннымъ участникомъ политическихъ митинговъ и предвыборныхъ собраній. Много политическихъ боевъ провели мы съ нимъ вмѣстѣ. Обстановка, въ которой приходилось вести эту борьбу, не всегда была для насъ благопріятна. Противъ насъ боролись не идеи, а настроенія. Нашими противниками рѣдко оказывались серьезные политическіе дѣятели изъ лѣваго лагеря. Большей частью это были натасканные митинговые «ораторы», говорившіе по «шпаргалкѣ», или безусые юнцы, вродѣ знаменитаго впослѣдствіи «товарища Абрама» (Крыленки). Зажигало толпу не то, *что* они говорили. Возбуждала ее и передавалась ей страсть, съ которой они нападали на «буржуевъ», безпардонная демаго-

гія съ самыми примитивными призывами къ классовой борьбѣ противъ «капиталистовъ и помѣщиковъ». Нашимъ оппонентамъ ничего не стоило свести споръ на личную почву, объявивъ меня самымъ крупнымъ помѣщикомъ, а Шингарева самымъ крупнымъ капиталистомъ въ Россіи. Вотъ въ такихъ схваткахъ, гдѣ можетъ подѣйствовать — если вообще можетъ что-нибудь — такое же горячее слово и полная искренность, которую даже многолюдное собраніе умѣетъ, въ концѣ концовъ, ощутить и оцѣнить, — участіе А. И. было незамѣнимымъ, а его манера спорить — неподражаемой. Отъ серьезнаго спора онъ умѣлъ перейти къ убійственной шуткѣ и сарказму, столь знакомымъ впослѣдствіи его думскимъ противникамъ. Опровергнувъ теоретическіе доводы, онъ переходилъ къ горячимъ призывамъ, не столько популярнымъ по содержанію, сколько внутренне убѣдительнымъ, заставлявшимъ смолкать даже самыхъ ярыхъ фанатиковъ. Въ результатѣ мы иногда побѣждали даже тамъ, куда, казалось, и придти «кадету» было невозможно, напримѣръ, на собраніяхъ Выборгской стороны, среди чисто фабричнаго населенія. Съ крестьянами А. И. былъ совсѣмъ въ своей сферѣ: онъ всегда умѣлъ затронуть ихъ душевныя струны.

А. И. попалъ отъ Воронежской губерніи уже во вторую Думу. Но тамъ ему было негдѣ развернуться. Онъ еще стушевывался передъ столичными ораторами, старыми бойцами партіи. Его истинно-замѣчательная и выдающаяся дѣятельность начинается въ третьей государственной Думѣ.

Положеніе партіи въ началѣ сессіи этой Думы было нелегкое. Наши лучшія, испытанныя и опытныя силы были устранены Столыпинымъ съ арены политической борьбы: они были лишены избирательныхъ правъ за подписаніе выборгскаго манифеста. Дорвавшіяся до положенія большинства, правительственныя партіи пылали ненавистью къ «революціонерамъ», къ которымъ, конечно, причисляли и партію к.-д. Бурными демонстраціями этой ненависти они спѣшили выслужиться у начальства. Искус-

ственно подобранные демократическіе элементы, крестьянство и низшее духовенство правыхъ партій, трусливо молчали и голосовали по приказу. Выступленія членовъ партіи к.-д. заглушались свистомъ и гамомъ, умышленно организованными подъ дирижерскую палочку Павла Крупенского. И по существу нелегко было заставить себя слушать въ этой Думѣ, которая не терпѣла политическихъ рѣчей и подрядилась дѣлать «дѣло», проводя правительственные законопроекты и голосуя «вермишель». Дѣйствительная серьезная работа передвинулась изъ общихъ засѣданій въ многочисленныя комиссіи. Чтобы что нибудь значить въ этой Думѣ, надо было стать на одну почву съ ея большинствомъ и показать свою силу въ детальной, «дѣловой» работѣ.

Шингаревъ именно въ этой обстановкѣ снова оказался незамѣнимымъ. Земская работа пріучила уже его и къ подобной же средѣ и къ соотвѣтствующей сторонѣ общественной дѣятельности. Всѣ мы соглашались съ его любимой мыслью, что дѣйствительную силу народное представительство можетъ получить именно путемъ участія въ детальной работѣ по бюджету, пользуясь своимъ «правомъ кошелька» и провѣряя правительство въ каждой статьѣ его расхода, какъ бы ничтожна она ни была. Съ этого, такъ сказать, задняго крыльца проходила передъ нами вся государственная жизнь во всѣхъ своихъ подробностяхъ. При желаніи, поводовъ къ критикѣ было сколько угодно. И, такъ какъ въ бюджетной комиссіи, а потомъ и въ общихъ собраніяхъ, при обсужденіи бюджета проходили поочередно смѣты всѣхъ вѣдомствъ, то, при всей «забронированности» бюджета отъ народныхъ представителей, всегда сохранялась возможность поставить на обсужденіе Думы, не въ формѣ необязательныхъ для правительства запросовъ и вопросовъ, а въ формѣ, связанныхъ съ голосованіемъ кредитовъ, — любую тему въ области внутренняго управленія и внѣшней политики. Но при этомъ нужно было соблюсти одно обязательное условіе; нужно было *знать* вопросъ и говорить *дѣло*. Оба эти качества заранѣе отрицались у оппозиціи.

Прежде всего, чтобы показать знаніе дѣла, нужно было еще заставить себя слушать. По необходимости, члены фракціи, не очень многочисленной — всего до полусотни членовъ — должны были распредѣлить между собою работу по спеціальностямъ. На самую отвѣтственную изъ этихъ спеціальностей — по вопросамъ экономики и финансовъ — у насъ не хватало людей. Я помню трудное положеніе фракціи, когда ей пришлось выступать съ первой бюджетной рѣчью и когда нашъ единственный знатокъ — Н. Н. Кутлеръ — отказался отъ выступленія по разнымъ причинамъ. Пришлось сооружать эту рѣчь общими силами, а говорить ее пришлось мнѣ, какъ предсѣдателю фракціи. Естественно, что всѣ мы были очень рады, когда за слѣдующій бюджетъ вплотную принялся А. И. Онъ развернулъ въ этой работѣ огромную трудоспособность, дисциплину труда и какую-то особую въѣдчивость, если можно такъ выразиться. Онъ принялся за изученіе смѣтъ каждаго отдѣльнаго вѣдомства, и передъ каждымъ засѣданіемъ бюджетной комиссіи выуживалъ тѣ отдѣльныя ассигновки, въ которыхъ не все было благополучно и можно было прижать вѣдомство. Передъ засѣданіями мы съ нимъ отмѣчали эти пункты и распредѣляли выступленія. Конечно, большинство этихъ выступленій приходилось на его долю. Надо сказать, что при всей своей неутомимости, и онъ не могъ бы совладать съ этимъ дѣломъ, если бы не одно, особое, обстоятельство. Замѣтивъ неукротимость молодого депутата въ доискиваніи корней и въ обнаруженіи закулисныхъ тайнъ каждаго вѣдомства, сами чиновники соотвѣтствующихъ вѣдомствъ стали приносить ему документы и дѣлать соотвѣтствующія указанія. Такимъ образомъ, всѣ нерѣшенные или рѣшенные неудачно внутривѣдомственные споры получали возможность вновь появиться при публичномъ обсужденіи на думской трибунѣ. Кромѣ либеральныхъ экспертовъ-добровольцевъ, тутъ, конечно, появилась масса лицъ заинтересованныхъ. Для иного человѣка, чѣмъ А. И., такое положеніе могло оказаться опаснымъ и рискованнымъ. Кое-кто изъ членовъ большинства

А. И. ШИНГАРЕВЪ

1869 — 1918.

Думы на этомъ построилъ не только свою парламентскую карьеру, но и личное благополучіе. По отношенію А. И. всѣ такія попытки — и всѣ соотвѣтствующія подозрѣнія — сразу отпадали. Безусловная честность и неподкупность его, не только какъ члена оппозиціи, къ которой подобныя подозрѣнія вообще не приставали, но и какъ личности съ опредѣленными общественными убѣжденіями и привычками, были выше всѣхъ попытокъ клеветы и инсинуацій. Такимъ образомъ, положеніе, созданное себѣ А. И., было поистинѣ исключительнымъ. На этой почвѣ онъ заставилъ всю Думу прислушиваться къ себѣ, а потомъ и цѣнить себя. Націоналистъ гр. Бобринскій, желая уязвить виднаго противника, какъ-то назвалъ А. И. кадетскимъ «Мюръ и Мерилизомъ». При той быстротѣ, съ которой приходилось работать, при огромномъ разнообразіи темъ, чередовавшихся по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства, естественно, что ни А. И. — ни кто-либо другой на его мѣстѣ — не имѣлъ возможности пріобрѣсти спеціальныхъ познаній въ каждомъ вопросѣ. Но мнѣ вспоминается отзывъ одного пріятеля француза, поговорившаго полчаса съ А. И. во время нашей заграничной думской поѣздки: какая свѣтлая голова! Дѣйствительно, А. И. выработалъ въ себѣ замѣчательную способность быстро оріентироваться и, по необходимости, погружаясь въ мельчайшія детали, никогда не выпускать изъ вида главнаго, основного. Его длинныя думскія рѣчи по бюджету были, обыкновенно, цѣлой энциклопедіей отмѣченныхъ имъ и подобранныхъ фактовъ: можно было сказать, что для доказательства ихъ дано слишкомъ много, но никогда нельзя было утверждать, что они не характерны. Все изложеніе всегда было связано одной красной нитью, всѣ фактическія данныя были разставлены по подходящимъ мѣстамъ.

Авторитетъ А. И. быстро росъ въ глазахъ всей государственной Думы уже потому, что въ скоромъ времени бюджетные вопросы въ самомъ дѣлѣ стали вопросами, интересовавшими все народное представительство. Партіи большинства поняли, что это — та единственная поч-

ва, на которой даже они могутъ оказаться силой и заставить считаться съ собой. Такимъ образомъ, знанія, пріобрѣтенныя А. И., обоснованность аргументаціи, которой не могли подкопать оффиціальные эксперты, упорная защита народнаго достоянія, — все это какъ-бы становилось общей собственностью всей государственной Думы. А. И. становился до извѣстной степени, *своимъ* человѣкомъ у членовъ Думы, какъ онъ сталъ, въ извѣстномъ смыслѣ, своимъ человѣкомъ среди вѣдомственной оппозиціи. И опять таки, это исключительное положеніе, которое для иныхъ могло бы оказаться слишкомъ соблазнительнымъ, ничуть не отразилось на политической позиціи А. И. Онъ никогда не заискивалъ передъ политическими противниками, и очень часто говорилъ имъ съ кафедры горькія истины. Можно сказать, что онъ импонировалъ имъ именно этой своей прямотой и искренностью. А. И. былъ однимъ изъ немногихъ членовъ лѣвой оппозиціи, не возбуждавшихъ ни въ комъ чувства личной злобы. Политическая страсть какъ-то падала и смолкала, приближаясь къ нему. Какъ извѣстно, дѣло кончилось тѣмъ, что въ четвертой Думѣ, уже передъ раскатами революцціоннаго грома, вся Дума выбрала А. И. на почетный постъ предсѣдателя военной комиссіи государственной Думы въ тотъ моментъ, когда надо было все вниманіе Думы сосредоточить на томъ, на чемъ оно было сосредоточено въ странѣ: на недостаткахъ военной самообороны. Не было больше рѣчи о сомнительности патріотизма партіи Народной Свободы, о «бомбочкахъ въ карманѣ» и объ антигосударственныхъ стремленіяхъ оппозиціи. Именно личность А. И. и его неусыпная дѣятельность сдѣлали возможнымъ созданіе того настроенія четвертой Думы, которое привело къ «прогрессивному блоку» и къ возможности въ первые дни революціи взять руководство ею въ руки думскаго комитета.

Но не въ одныхъ только бюджетныхъ вопросахъ сказался авторитетъ А. И. Завоеваннымъ имъ положеніемъ онъ воспользовался для того, чтобы проводить наши общіе оппозиціонные взгляды. Особенно ярко выразилась

эта его дѣятельность въ вопросѣ, къ которому онъ тоже былъ подготовленъ своей дѣятельностью среди крестьянства. Я разумѣю столыпинскіе аграрные законы, встряхнувшіе крестьянскую Русь и — увы! — заслужившіе потомъ такое одобреніе самыхъ разнообразныхъ партій. Мнѣ пришлось вмѣстѣ съ А. И. провести думскую кампанію противъ этихъ законовъ. Ни для одного изъ насъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ искусственности и насильственности столыпинскаго законодательства, въ его очевидной политической цѣли — отвратить вниманіе крестьянства отъ помѣщиковъ и поссорить крестьянъ между собой, выдѣливъ изъ ихъ среды кандидатовъ на пополненіе дворянскихъ списковъ, слишкомъ порѣдѣвшихъ во многихъ губерніяхъ. И я долженъ сказать, что если бюджетная дѣятельность А. И. явилась высшей точкой его вліянія въ Думѣ, то борьба за интересы обдѣляемой крестьянской бѣдноты явилась зенитомъ его всероссійской извѣстности. Я не могу забыть, какая масса ходоковъ и письменныхъ обращеній потянулась къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи, узнавъ о нашей оппозиціи столыпинской ставкѣ на «крѣпкаго мужика». Хотя намъ не удалось отвратить бѣды, но, все-же, первоначальныя предположенія правительства были нѣсколько смягчены, измѣнены и дополнены въ силу возраженій оппозиціи.

А. И. ни за что не хотѣлъ снять съ себя громаднаго груза, упавшаго на его плечи. Онъ даже очень ревниво относился къ попыткамъ друзей снять съ него часть этой тяжести. Онъ какъ-будто чувствовалъ, что никто другой, не участвовавшій вмѣстѣ съ нимъ въ установленіи личныхъ связей, обогатившихъ его матеріаломъ и основанныхъ на личномъ довѣріи, не могъ бы удержать работы на достигнутомъ имъ уровнѣ. И члены фракціи, иногда немного ворча, подчинились его авторитету. Становясь смѣлѣе по мѣрѣ сознанія своего положенія и своей отвѣтственности, А. И. иногда шелъ своей дорогой, напоминавшей о народническихъ истокахъ его убѣжденій. Но тутъ былъ главный нервъ его работы, и отдѣлять его техническія знанія отъ его идейныхъ выводовъ никому

не приходило въ голову. А. И., таковъ, какимъ онъ былъ, представлялъ слишкомъ цѣльную и крупную фигуру, чтобы можно было пытаться раздѣлить въ немъ исполнителя отъ инициатора. Къ тому же, чѣмъ болѣе входилъ онъ въ работу, стоившую ему столькихъ усилій, тѣмъ нетерпѣливѣе становился къ возраженіямъ людей, остававшихся за порогомъ святилища, въ которомъ онъ зналъ всѣ входы и выходы.

Нѣкоторая нетерпѣливость къ возраженіямъ была, впрочемъ, также послѣдствіемъ возраставшей нервозности А. И. Этотъ необыкновенно уравновѣшенный человѣкъ, никогда не страдавшій излишнимъ самолюбіемъ, весь погруженный въ дѣло и не замѣчавшій людей, аскетъ по природѣ и по привычкѣ, чрезвычайно строгій къ себѣ, переносилъ какъ-то автоматически ту же строгость требованій и на другихъ. Человѣкъ необыкновенной доброты, исключительно мягкій сердцемъ, окруженный дружбой и цѣнившій личныя привязанности, онъ въ общественной работѣ часто напускалъ на себя суровость, которая обманывала иныхъ, не знавшихъ его близко. Ему пришлось, уже въ силу своей перегруженности работой, нѣсколько ограничить доступность свою для всякаго нуждавшагося въ его совѣтѣ или въ поддержкѣ вліятельнаго депутата. Нужно припомнить, что въ послѣднюю Думу онъ вошелъ уже какъ представитель столицы, чтобы представить себѣ, какую обузу составляло для него удовлетвореніе желаній всѣхъ, кому было не лѣнь и не совѣстно, потревожить немногія минуты остававшагося у него досуга. Уже семьѣ пришлось тутъ установить предѣлы, которыхъ никакъ не могъ установить самъ А. И. Было вообще интересно наблюдать, съ какимъ трудомъ этотъ природный демократъ осваивался съ внѣшними послѣдствіями занятаго имъ вліятельнаго положенія.

Пріятной неожиданностью для друзей А. И. было въ это время открытіе, что народникъ-аскетъ, принципіально преслѣдовавшій малѣйшее употребленіе алкогольныхъ напитковъ и никогда не участвовавшій въ товарищескихъ пирушкахъ, казавшійся многимъ типичнымъ образцомъ

Базаровскаго или Рахметовскаго типа, вовсе не чуждъ утонченныхъ и благородныхъ удовольствій, доставляемыхъ искусствомъ. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ сильно дѣйствовала на А. И. музыка, хотя онъ и не былъ технически знакомъ съ ней. Момню также наслажденіе, съ которымъ во время нашей парламентской поѣздки по Италіи А. И. предавался новому для него ознакомленію съ сокровищами стараго классическаго и итальянскаго искусства. Рано утромъ въ день нашего отъѣзда изъ Рима, когда вся делегація уже собралась ѣхать на вокзалъ, А. И. запросилъ маленькой отсрочки: ему непремѣнно хотѣлось видѣть статую Венеры вновь открытаго типа, о которомъ разсказалъ ему сопровождавшій насъ профессоръ. Болѣе извѣстно его увлеченіе красотами природы. Въ тюремномъ дневникѣ онъ не забываетъ отмѣтить цвѣтъ облаковъ при заходѣ солнца, — «искристыя шапки пушистаго снѣга, словно разубранныя въ праздничный нарядъ», кусочекъ голубого неба, видный изъ его камеры. Надо было видѣть, съ какой любовью во время прогулокъ за городомъ онъ останавливался на разныхъ сортахъ растеній, разсказывая о нихъ своимъ спутникамъ: остатки первоначальной любимой профессіи, которою онъ пожертвовалъ сознанію общественнаго долга.

Мы замѣчали, къ сожалѣнію, и другое. Годы усиленнаго труда прошли для А. И. недаромъ. Его молодое лицо въ нѣсколько лѣтъ пожелтѣло и покрылось глубокими бороздами. Нависли брови надъ добрыми голубыми глазами; затуманился ихъ блескъ. Отяжелѣла легкая поступь, пропала гибкость движеній. Уже въ камерѣ А. И. написалъ строки, которыя показываютъ, что, какъ докторъ, онъ не могъ не замѣчать постепеннаго разрушенія своего организма. Но это его не останавливало въ трудной, подъятой на себя, работѣ. «Въ камерѣ очень надоѣдаютъ мнѣ сердцебіенія, — пишетъ онъ. — Прежде они были такъ рѣдки, теперь, видимо, процессъ склероза за послѣдніе два мѣсяца очень подвинулся впередъ. Это такъ понятно. Первые сѣдые волосы появились у меня

послѣ смерти О. Теперь очередь за сердцемъ. Богъ съ нимъ. Я ничего не имѣлъ бы противъ прекращенія его неугомонной работы. Я никогда не боялся смерти. Два раза она заглянула мнѣ въ глаза, и я оставался спокойнымъ. А теперь... Я спокойно кончилъ бы свое земное бытіе, но дѣти»... И А. И. просилъ у судьбы десятка лѣтъ, пока они выростутъ. «Больше мнѣ *лично* ничего не надо».

А. И. писалъ эти строки подъ вліяніемъ смерти любимой жены. Онѣ такъ не идутъ къ его обычной жизнерадостности. Секретъ ея заключался именно въ томъ, что интересъ къ жизни для А. И. далеко не ограничивался личнымъ кругомъ. Тотъ огромный общественный процессъ, въ которомъ онъ лично участвовалъ и игралъ видную роль, глубоко интересовалъ его. Онъ хотѣлъ, какъ мы видѣли, не революціи, а эволюціи для русской жизни. Но онъ принялъ революцію, какъ нѣчто ставшее неизбѣжнымъ и уже не зависящее отъ личной воли. Нечего и говорить, что онъ заранѣе принималъ главные результаты революціи. Въ дневникѣ онъ отвѣчаетъ на вопросъ, ему предлагавшійся (самъ онъ едва-ли даже поставилъ бы его): «стоило-ли дѣлать революцію, если она привела къ такимъ послѣдствіямъ»? Онъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ: «Наивно и близоруко думать, что революцію можно *дѣлать или не дѣлать:* она происходитъ и начинается внѣ зависимости отъ воли отдѣльныхъ людей... Теперь, когда революція произошла, безцѣльно говорить, хорошо это или плохо. Съ весны 1915 года она стала роковой необходимостью, и это я увидѣлъ осенью 1916 года, и въ этомъ направленіи я тогда впервые пошелъ. Правда, многіе, и я въ томъ числѣ, мечтали лишь о переворотѣ, а не о революціи такого объема; но это было проявленіе нашего желанія, а не реальной возможности. Теперь, когда революція произошла въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ направленіи, какого тогда никто не могъ предвидѣть, я все же говорю — лучше, что она уже произошла. Лучше, когда лавина, нависшая надъ государствомъ, уже скатилась и перестала ему угрожать.

Лучше, что до дна раскрылась пропасть между народомъ и интеллигенціей — и стала, наконецъ, наполняться обломками прошлаго режима... Лучше — потому, что только теперь можетъ начаться реальная созидательная работа: замѣна глиняныхъ ногъ русскаго колосса достойнымъ его и надежнымъ фундаментомъ. Вотъ почему я не жалѣю о происшедшемъ, *готовъ повторить его* и не опасаюсь будущаго... Я не боюсь этихъ экспериментовъ буйной юности мысли и незнанія собственнаго народа и чужой исторіи. Чужой опытъ всегда плохо используется, и лучшая наука — собственныя ошибки... Этотъ примиряющій аккордъ для меня имѣетъ теперь первенствующее значеніе... Вотъ почему я пріемлю революцію, и не только пріемлю, но и привѣтствую, и не только привѣтствую, но и утверждаю».

Эта «примиряющая» точка зрѣнія, такъ хорошо отвѣчавшая природному оптимизму Шингарева, примѣняется имъ и къ сужденію объ ошибкахъ отдѣльныхъ лицъ въ процессѣ революціи. Онъ вовсе не былъ фаталистомъ. Но онъ сознавалъ безсиліе отдѣльной личности передъ этимъ паденіемъ «лавины». «Всѣ, кто себя упрекаетъ или собою гордится за время революціи, — пишетъ онъ въ «Дневникѣ», — могутъ это дѣлать лишь по отношенію себя самихъ... Сожалѣніе, раскаяніе, упреки и обвиненія интересны и, быть можетъ, умѣстны въ индивидуальной жизни, въ личныхъ характеристикахъ или личныхъ переживаніяхъ. Для революціи они — ничто; они такъ же безцѣльны, какъ гаданія на тему, что было бы, если бы то-то и то-то не случилось, или если бы такой-то не сдѣлалъ того-то... Измѣненіе ихъ поведенія ничего не смогло бы измѣнить въ ходѣ развитія революціи».

Однако, самъ А. И. тутъ же оговорился, что «это не фатумъ и не детерминизмъ», это только выводъ изъ «логическаго развитія событій въ громадномъ масштабѣ подъ вліяніемъ громадной силы движущихъ силъ». И нельзя сказать, чтобы А. И. въ этомъ процессѣ заранѣе зачеркивалъ свою собственную волю. Я былъ свидѣтелемъ его поведенія во временномъ правительствѣ, и дол-

женъ сказать, что изъ всѣхъ моихъ коллегъ по партіи онъ меньше всего мирился съ пассивной отдачей себя на волю стихійнаго процесса. Онъ поддерживалъ меня во всѣхъ моихъ попыткахъ, — увы! безсильныхъ, — предупредить наростаніе инерціи падавшей лавины. Но онъ пошелъ дальше меня въ подчиненіи неизбѣжному. Онъ принялъ и возложилъ на себя и этотъ тяжкій трудъ, какъ принялъ съ самаго начала не тотъ министерскій постъ, къ которому стремился. Онъ сдѣлалъ это, сознавая, что дѣло ведется по ложному пути. Но онъ хотѣлъ остаться частью того цѣлаго, которое, силою обстоятельствъ или ошибками лицъ, влеклось къ обрыву.

Это проявленіе какой-то особой примиренности и мудрости рельефно сказалось, когда вопросъ зашелъ о жизни или смерти — послѣ выбора А. И. въ члены Учредительнаго Собранія. Его «Дневникъ» начинается словами: «И дома, и въ Воронежѣ, и въ Москвѣ мнѣ отсовѣтовали ѣхать въ Петроградъ, такъ какъ большевики меня навѣрное арестуютъ. Мнѣ самому казалось, что это должно случиться; но я и въ ЦК и всѣмъ остальнымъ говорилъ: я долженъ ѣхать. Бываютъ минуты, когда личная безопасность политическаго дѣятеля должна отступить передъ его общественнымъ долгомъ. На 28-ое (ноября) назначено открытіе Учредительнаго Собранія. Я и другіе избранные въ члены Собранія *должны* быть въ назначенное время на мѣстѣ».

Въ числѣ уговаривавшихъ А. И. не ѣхать былъ и я, видѣвшій его въ послѣдній разъ, въ ноябрѣ, въ Ростовѣ, куда онъ заѣхалъ, между Воронежемъ и Москвой. Онъ уговаривалъ и меня ѣхать, и прилагалъ ко мнѣ свое строгое осужденіе въ случаѣ отказа. И тщетны были всѣ мои убѣжденія, что, напротивъ, онъ не имѣетъ права идти на несомнѣнную и безполезную жертву, что онъ долженъ, не отказываясь отъ своего депутатскаго долга, выждать хотя бы нѣсколько недѣль, чтобы выяснить, сможетъ ли онъ выполнять свои обязанности. Я увѣрялъ его, что Учредительное Собраніе сразу же будетъ разогнано большевиками. Онъ остался при своемъ — и поѣхалъ. «Пусть на-

селеніе знаетъ, — писалъ онъ въ начальныхъ строкахъ «Дневника», — кто срываетъ Учредительное Собраніе, кто насилуетъ свободу народа. Изъ нашего задержанія должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознаніе». «Какую-бы рѣчь вы сказали сегодня въ Учредительномъ Собраніи?» — спросилъ его, шутливо, кн. Павелъ Долгоруковъ, арестованный одновременно съ нимъ. «Я сказалъ бы рѣчь о томъ: какъ русская революція сама себя убиваетъ».

А. И., какъ и всѣ, не предвидѣлъ, какъ долго затянется существованіе побѣдившаго режима. Но онъ прекрасно сознавалъ съ самаго начала, что, дорвавшись до власти, «этотъ режимъ» «дешево ее не отдастъ», что «онъ не изжилъ ни своей идеологіи, ни своего, увы, обаянія для темной массы, . . . а потому онъ циничнѣе и храбрѣе» самодержавія. «Ему все нипочемъ». А. И. негодуетъ на безстыдство новыхъ завоевателей, на «безуміе хозяевъ Смольнаго», «думающихъ, что нанесли смертельный ударъ капитализму», «разрушивъ и частный, и государственный кредитъ». А. И. приходитъ въ ужасъ при зловѣщей мысли: «выдержитъ-ли государство, которое мнѣ дорого и цѣлость котораго для меня есть главное основаніе его будущаго разцвѣта и силы»? «Вотъ вопросы, которые не даютъ мнѣ покоя и разрѣшеніе которыхъ темно для меня». Но и тутъ оптимизмъ А. И. побѣждаетъ. «Вѣра въ государство, въ народъ, несмотря ни на что, во мнѣ преобладаетъ». «Масса, рано или поздно, образумится. Солдаты возвратятся домой, рабочіе изстрадаются отъ голода и отъ безработицы большевицкой разрухи и извѣрятся въ своихъ безумныхъ вождей; уголовные постепенно снова попадутъ въ тюрьмы. . ., германцы уйдутъ nach Vaterland или будутъ эксплоатировать новую колонію, и только идеологи и безумцы никогда не поймутъ, что они сдѣлали и чьимъ орудіемъ они были... Они дрожжи, и какъ дрожжи должны первые погибнуть».Этотъ прогнозъ касался ближайшаго будущаго, и теперь его надо понимать mutatis, mutandis. Но, сдѣлавъ его, А. И. дѣлаетъ любопытное прибавленіе, характеризующее его неумираю-

щую вѣру въ людей. «Одного не понимаю — то, чего не могъ понять никогда. Какъ это вѣра въ величайшіе принципы морали, общественнаго устройства можетъ совмѣщаться съ низостью насилія надъ инакомылящими, съ клеветой и грязью. Тутъ или величайшая ложь своему собственному богу, или безграничная глупость, или то состояніе, наконецъ, которое англійскіе психіатры опредѣляютъ понятіемъ moral insanity, — нравственное помѣшательство, неспособное различить добро и зло, слѣпота и глухота къ низкому, подлому, преступному». Преступленіе есть болѣзнь: въ этой мысли А. И. ищетъ спасенія для своей вѣры, которую донесъ отъ юныхъ лѣтъ до сѣдины. Для него, морально-здороваго, насквозь чистаго, многое было непонятно въ житейской грязи.

А. И. не сомнѣвался въ конечномъ паденіи большевизма. Но и тутъ удручала его мысль, характеризующая его чистую душу. «Сколько горя предстоитъ еще странѣ» даже въ случаѣ благополучной развязки. Караульный въ тюрьмѣ говоритъ А. И. про большевиковъ: «Пропадутъ они съ своимъ социализмомъ». «Да, конечно, пропадутъ, — записываетъ А. И., — но сколько пропадетъ помимо нихъ ни въ чемъ неповинныхъ, темныхъ, несчастныхъ людей, которымъ сулили рай на землѣ, миръ на фронтѣ, а повели къ гражданской войнѣ и къ новымъ убійствамъ»...

Занятый этими мыслями, А. И. меньше всего думалъ о себѣ въ тюрьмѣ. Онъ отказался отъ привилегированнаго режима, тяготился дружескими посѣщеніями, и не трогалъ принесенныхъ запасовъ. Онъ и тутъ примѣнялъ свой аскетическій режимъ, не замѣчая ни холода, ни голода. Уединеніе ему даже нравилось.

Не въ добрый часъ перевезли А. И. и Кокошкина изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ къ нимъ стража привыкла, въ Маріинскую больницу. Въ Петербургѣ царило волненіе, вызванное покушеніемъ на Ленина. Красногвардейцы были проникнуты чувствами злобы и мести. А. И. прочелъ въ «Правдѣ» кровожадную статью, въ которой за каждую голову «народныхъ вождей» требовалось «сто

головъ» противниковъ. До него доходили слухи, что «среди нашего гарнизона будто-бы рѣшено, въ случаѣ несчастья въ Смольномъ (т. е. смерти Ленина), расправиться съ нами». Самъ А. И. наблюдалъ у своихъ сторожей «скорѣе, обратное настроеніе», и по поводу предстоявшаго перевода писалъ: «Не знаю, лучше ли это, или хуже». Сестрѣ онъ передавалъ, что кое-кто изъ сторожей его предупреждалъ: «Мы слышали, что вы переводитесь въ больницу; зачѣмъ вы это дѣлаете: вѣдь у насъ хорошо, а тамъ будутъ красногвардейцы». И самъ А. И., видимо, раздѣлялъ эти опасенія. Но переводъ былъ рѣшенъ домашними, замѣчавшими быстрое ухудшеніе здоровья А. И. и увѣренными въ преимуществахъ больницы передъ тюрьмой. Переводъ былъ исхлопотанъ въ качествѣ исключительной милости у начальства.

Вечеромъ 6-го января 1918 года А. И. былъ перевезенъ въ помѣщеніе Маріинской больницы. Въ 10 часовъ вечера его посѣтилъ старшій врачъ больницы; около полуночи А. И. заснулъ — впервые послѣ двухъ съ лишнимъ мѣсяцевъ — въ теплой комнатѣ, на чистой и мягкой постели. Онъ собирался воспользоваться невольнымъ досугомъ, чтобы полѣчиться, а то «если бы меня выпустили, я бы сразу началъ работать; некогда бы было лѣчиться, а теперь поневолѣ попью іодъ и еще что нибудь».

Начать этой новой трудовой жизни А. И. не пришлось. Черезъ полчаса послѣ того, какъ онъ затушилъ лампу, пришли красноармейцы подъ предводительствомъ солдата Басова, подъ предлогомъ смѣны караула. Часть ихъ вошла въ комнату А. И.. Басовъ свѣтилъ, а другіе тремя выстрѣлами въ лицо, грудь и животъ нанесли смертельныя раны А. И. Онъ, видимо, пытался бороться; былъ живъ, не сразу потерялъ сознаніе. Онъ просилъ не дѣлать перевязки, вспрыснуть морфій. Его послѣднія слова были: «Дѣти, несчастные дѣти». Часа черезъ полтора онъ умеръ.

Только 12-го января ужасная вѣсть дошла до меня въ Ростовъ. Весь городъ былъ пораженъ двойнымъ убійствомъ Шингарева и Кокошкина. Шингарева въ особен-

ности знали и любили. И весь городъ пришелъ на панихиду, наполнивъ всю площадь передъ соборомъ. Если бы знала и могла, вся Россія въ эти дни сдѣлала бы то же самое.

Не могли вы спасти Шингарева. Его смерть, какъ онъ того и хотѣлъ, стала символической. Осуществится и его увѣренность, что этой смерти не забудутъ. Лишняго обличенія, послѣ всего того, что пережила Россія въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, эта смерть, конечно, не принесетъ. Но она будетъ напоминать массамъ, для которыхъ работалъ Шингаревъ, съ какой прямой дороги свернула революція, имъ признанная и одобренная; кто были ихъ истинные друзья, чего они хотѣли и на какую дорогу Россія должна вернуться, чтобы продолжать свое историческое шествіе по правильному, широкому, хотя и долгому, пути къ осуществленію тѣхъ идеаловъ, для которыхъ Шингаревъ жилъ, во имя которыхъ умеръ.

П. Милюковъ

II. Убитые въ 1918 году

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. А. ВИЛЕНКИНѢ

Зимой 1907-го года меня посѣтилъ въ Москвѣ незнакомый мнѣ молодой человѣкъ съ письмомъ П. Н. Милюкова. Въ этомъ письмѣ Милюковъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, рекомендовалъ подателя, Александра Абрамовича Виленкина, члена петербургской организаціи партіи Народной Свободы, и просилъ принять его въ число моихъ помощниковъ.

Не понравился мнѣ Виленкинъ. Стройный, изящный, красивый, онъ мнѣ показался неестественнымъ, слишкомъ «петербургскимъ», что насъ, москвичей, поклонниковъ простоты, всегда отталкивало. Не понравился мнѣ его монокль, а также то, что онъ въ разговорѣ особенно подчеркнулъ, что отбывалъ воинскую повинность въ Гусарскомъ Сумскомъ полку. Однако, сдѣлавъ все возможное, чтобы отклонить Виленкина отъ намѣренія вступить въ составъ моихъ помощниковъ, которыхъ было въ то время больше, чѣмъ слѣдовало, я все же зачислилъ его своимъ помощникомъ.

Первое время наши отношенія налаживались съ трудомъ, и новый помощникъ долгое время не могъ сойтись со средой своихъ коллегъ по сословію и товарищей по партіи. Однако, мало по малу я присмотрѣлся къ нему, и

сталъ все болѣе убѣждаться, что подъ его фатоватою внѣшностью кроются выдающіяся способности, блестящее образованіе (онъ зналъ въ совершенствѣ нѣсколько языковъ), а главное, твердыя и самостоятельно выработанныя убѣжденія и доброе и отзывчивое сердце. И Виленкинъ, мало по малу, сдѣлался однимъ изъ близкихъ моихъ сотрудниковъ и участникомъ ежедневныхъ собраній моихъ помощниковъ за столомъ, во время завтрака, гдѣ оживлялъ дружескую бесѣду своимъ блестящимъ остроуміемъ. Участіе его въ нѣсколькихъ большихъ процессахъ, къ которымъ я его привлекъ, сразу показало, что изъ него выйдетъ большой адвокатъ и выдающійся ораторъ.

Вотъ краткія біографическія о немъ свѣдѣнія. Родился Виленкинъ въ Царскомъ Селѣ 5-го іюня 1883 года. Въ 1900-мъ году окончилъ Царскосельскую гимназію съ золотой медалью, и поступилъ на Историко-Филологическій факультетъ Петербургскаго Университета. По окончаніи его, онъ поступилъ на Юридическій факультетъ того же Университета, который и окончилъ въ 1906-мъ году. Во время событій 1905-1906 годовъ, Виленкинъ, еще въ Университетѣ, будучи однимъ изъ старостъ, примкнулъ къ студенческой организаціи партіи к.-д., которая въ то время въ Университетѣ была на самомъ крайнемъ правомъ флангѣ студенческихъ группировокъ. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ студенческихъ ораторовъ, и не только въ Университетѣ, но и на городскихъ митингахъ постоянно выступалъ противъ соціалистовъ и, въ частности, противъ молодого большевицкаго оратора «товарища Абрама», нынѣ всѣмъ извѣстнаго своей жестокостью прокурора Крыленко. Вообще, Виленкинъ всегда подчеркивалъ умѣренность своихъ политическихъ взглядовъ и относился отрицательно къ крайнимъ теченіямъ.

Въ Москвѣ онъ такъ и не принялъ большого участія въ политической и общественной работѣ партіи. Не знаю, что тутъ было причиной: трудность ли для него сойтись съ чуждыми ему москвичами, или онъ просто переживалъ полосу своей жизни, когда цѣликомъ отдался профессіо-

нальной работѣ, которая обѣщала ему большіе успѣхи и въ адвокатурѣ, и въ жизни.

Война застала меня заграницей. Возвратившись послѣ большихъ мытарствъ въ Москву, я обнаружилъ, что большая часть моихъ сотрудниковъ оказалась уже на фронтѣ. О Виленкинѣ я узналъ, что немедленно по объявленіи мобилизаціи, онъ вступилъ въ свой родной кавалерійскій Сумской полкъ, который участвуетъ въ бояхъ гдѣ-то въ Восточной Пруссіи.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и за моимъ столомъ въ порѣдѣвшемъ кругу помощниковъ появился Виленкинъ въ формѣ нижняго чина своего полка и съ солдатскимъ георгіевскимъ крестомъ. Какъ и всегда, онъ былъ жизнерадостенъ, бодро и остроумно разсказывалъ о жизни полка и боевыхъ приключеніяхъ. Онъ былъ раненъ и эвакуированъ для лѣченія, а теперь опять рвался на фронтъ. Виленкинъ былъ, однако, не тотъ. Онъ сохранилъ ту же блестящую внѣшность, но видно было, что глубокій внутренній переворотъ произошелъ въ его душѣ и что-то иное шевельнулось въ тайникахъ его сознанія. Виленкина теперь не интересовала ни адвокатура, ни политика, ни общественная, или свѣтская жизнь. Всѣ его помыслы были на фронтѣ. Полкъ замѣнилъ для него все, и одна мысль владѣла всѣмъ его существомъ, — это мысль объ исходѣ войны, о торжествѣ русскаго дѣла и о полной побѣдѣ, въ которой для него не было никакихъ сомнѣній. Вскорѣ онъ уѣхалъ снова на фронтъ.

Послѣ этого еще два раза былъ раненъ Виленкинъ. Онъ имѣлъ полное право эвакуироваться въ тыловыя учрежденія, какъ нѣсколько разъ раненый. Но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ боялся только, хватитъ-ли у него здоровья продолжать боевую жизнь. Послѣдній разъ, незадолго до революціи, Виленкинъ былъ у меня, уже украшенный тремя солдатскими георгіевскими крестами. По прежнему остроумный, бодрый, увѣренный въ близкой побѣдѣ и стремившійся скорѣе на фронтъ. Онъ возмущался тѣмъ тяжелымъ настроеніемъ, которое было въ то время въ обществѣ, и громилъ тылъ за уныніе.

Въ разговорѣ съ нимъ я осторожно коснулся вопроса, не стѣсняетъ ли его то обстоятельство, что онъ, окончившій два факультета, неоднократно раненый, получившій три Георгія, имѣющій блестящія аттестаціи въ военныхъ приказахъ, все-же, какъ еврей, остается нижнимъ чиномъ? Но это его нисколько не смущало и не огорчало. Онъ не могъ нахвалиться своимъ начальствомъ и офицерскимъ составомъ полка. Главное, говорилъ онъ, воевать и довести войну до побѣды, а не все ли равно, будетъ ли онъ, Виленкинъ, нижній чинъ или офицеръ. Точно такъ же его какъ то мало трогало, что онъ, несмотря на окончаніе стажа, не можетъ получить званіе присяжнаго повѣреннаго изъ-за своего вѣроисповѣданія.

Послѣ февральской революціи я увидѣлъ Виленкина во время его пріѣзда въ Москву, весной или лѣтомъ 1917-го года. Онъ очень измѣнился. Нервничалъ и бранилъ временное правительство. Его огорчали развалъ, происходившій въ арміи, и остановка военныхъ дѣйствій. Но надежда на возстановленіе дисциплины его не покидала. Съ этой цѣлью онъ опять уѣхалъ на фронтъ, со всѣмъ своимъ пыломъ и энергіею бросился въ организаціонную работу и принялъ дѣятельное участіе въ создававшихся тогда армейскихъ комитетахъ, дойдя до должности, если не ошибаюсь, предсѣдателя комитета одной изъ армій. Единственной побудительной причиной работы въ комитетахъ была для него надежда, что этимъ путемъ будетъ остановлено разложеніе арміи, возстановлена ея боеспособность и одержана надъ нѣмцами побѣда. Онъ, однако, не видѣлъ въ комитетахъ какого-то новаго порядка воинской организаціи, который могъ бы замѣнить прежнюю систему.

Съ огорченіемъ говорилъ онъ о томъ, что ему пришлось записаться въ число народныхъ соціалистовъ, чтобы имѣть возможность выставить свою кандидатуру на выборахъ въ комитетъ, такъ какъ несоціалистическія партіи въ то время фактически были устранены отъ участія въ выборахъ. Но онъ подчеркивалъ свою преданность убѣжденіямъ партіи к.-д. «Вы меня знаете, — говорилъ

А. А. ВИЛЕНКИНЪ
въ Таганской тюрьмѣ
въ 1918 г.

онъ, — какой я соціалистъ». И, зная его, я въ этомъ не сомнѣвался.

Большевицкій переворотъ. Распадъ фронта и Брестъ-Литовскій миръ. Виленкинъ безъ замедленія и колебаній присоединяется къ тѣмъ остаткамъ русской арміи, которые рѣшаютъ продолжать борьбу съ оружіемъ въ рукахъ, и опять же во имя продолженія войны до побѣднаго конца. Теперь появился новый врагъ — большевики, и борьба должна быть направлена, прежде всего, противъ него. Одни офицеры съ этой цѣлью уходили на югъ, подымать гражданскую войну. Другіе подготовляли военное возстаніе въ центрѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Виленкинъ, вступившій однимъ изъ первыхъ въ организацію «Союзъ Защиты Родины и Свободы». Въ числѣ главныхъ дѣятелей этой организаціи былъ растрѣлянный большевиками полковникъ Перхуровъ, стоявшій во главѣ ярославскаго возстанія.

Организація была военная и безпартійная. Ея цѣли — сверженіе большевиковъ и продолженіе войны вмѣстѣ съ союзниками. Еу средства — вооруженная борьба.

Въ концѣ весны или въ началѣ лѣта 1918-го года Виленкинъ былъ арестованъ въ Москвѣ. Большевики сдѣлали все, чтобы переманить его на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, склонить выдать своихъ друзей, не останавливаясь даже передъ пытками. Излишне говорить, что это было безполезно.

Въ тюрьмѣ Виленкинъ былъ такой же блестящій, остроумный, бодрый, какъ и въ жизни. У его близкихъ сохранились письма, написанныя изъ тюрьмы за нѣсколько дней до смерти, когда ожидавшая его участь была уже несомнѣнна. Онъ ихъ успокаиваетъ, говоритъ, что у него нѣтъ страха смерти, проситъ подготовить отца къ печальному извѣстію. «Я погибаю, — пишетъ онъ, — за то, что люблю свою родину, люблю ее больше себя, больше своей семьи... Племянникамъ и племянницамъ своимъ я завѣщаю единственное, чего не можетъ отнять ни тюрьма, ни разстрѣлъ — это память о томъ, что и у насъ бываютъ люди, ставящіе честь выше жизни. Пусть они это-

го никогда не забываютъ, и тогда смерть моя не будетъ напрасной». Послѣднее свое письмо онъ заканчиваетъ экспромтомъ «На прощанье»:

«Отъ пуль не прятался въ кустахъ,
Не смерть, а трусость презирая,
Жизнь прожилъ съ шуткой на устахъ,
И улыбался умирая...
Прощайте...»

5-го сентября 1918-го года въ Москвѣ, повидимому, въ Пересыльной тюрьмѣ (что въ Бутыркахъ), большевики убили Виленкина.

Такъ погибъ этотъ герой, талантливый, блестящій, жизнь котораго только что начиналась и обѣщала, казалось, лишь радости и успѣхи. Онъ не только пламенно любилъ свою родину, но показалъ своей жизнью и смертью, какъ надо ее любить.

Н. В. Тесленко

АНДРЕЙ РОБЕРТОВИЧЪ КОЛЛИ

Въ октябрѣ 1915-го года въ Ростовъ на Дону былъ переведенъ Варшавскій Университетъ въ порядкѣ эвакуаціи. Среди профессоровъ Университета пріѣхалъ въ Ростовъ и Андрей Робертовичъ Колли, тогда уже извѣстный, блестящій по трудамъ своимъ, физикъ. Еще защищая свою первую работу при Московскомъ Университетѣ, Андрей Робертовичъ, ввиду ея выдающагося значенія, получилъ сразу степень доктора, минуя степень магистра.

Небольшого роста, коренастый, свѣтлый блондинъ съ голубыми глазами, онъ всегда производилъ какое-то удивительное впечатлѣніе, когда начиналъ говорить. Опытный профессоръ, прекрасный лекторъ, хорошій, простой и убѣдительный ораторъ, но всегда какъ-бы стѣсняющійся, скромный до предѣла, начиналъ говорить онъ въ большомъ видимомъ смущеніи, и весь заливался

краской. Первыя, немного извиняющіяся фразы, проходили, и рѣчь безъ аффектацій, скромная въ построеніи, но всегда цѣльная въ убѣжденности, послѣдовательно разворачивалась въ нѣчто значительное, нужное, и поставленная задача всегда разрѣшалась, необходимый результатъ всегда достигался.

Онъ сразу вошелъ въ нашу партійную работу, былъ выбранъ членомъ городского комитета, а впослѣдствіи, въ 1917-мъ году, прошелъ въ Городскую Думу по списку партіи к.-д. И въ этой работѣ, въ выступленіяхъ думскихъ, онъ, несмотря подчасъ на явное возбужденіе, на охватывавшее и его волненіе, оставался тѣмъ же спокойнымъ, ровнымъ, убѣдительнымъ и доказательнымъ ораторомъ, внося въ трактуемые вопросы необходимую ясность, освобождая ихъ отъ всего наноснаго, ненужнаго, какъ бы обчищая ихъ и показывая одну сущность, всѣмъ понятную.

Скроменъ въ обхожденіи онъ былъ до чрезвычайности, старался быть незамѣтнымъ и незамѣченнымъ, но въ отстаиваніи убѣжденій, въ поискахъ истины и правды, былъ твердъ и упоренъ: отстаивать справедливость онъ умѣлъ.

Пришелъ и тяжкій 1917-ый годъ. Скоро прошли первые дни общаго подъема, наступили тяжелыя времена напряженной, сдерживающей работы; нервныя, полныя постояннаго безпокойства. Андрей Робертовичъ, по натурѣ и по складу души своей не былъ борцомъ, но и онъ все это революціонное время былъ со всѣми нами, былъ въ самой гущѣ работы: уклониться отъ попытокъ сдержать уже намѣчавшееся разложеніе онъ не почелъ возможнымъ. И въ Думѣ, въ многочисленныхъ комиссіяхъ ея, и въ партійномъ Комитетѣ, и въ Университетѣ, въ отдѣльной физической аудиторіи (съ физическимъ кабинетомъ и лабораторіей), которая была всецѣло въ его вѣдѣніи — всюду былъ онъ дѣятельнымъ участникомъ работы, какимъ то никогда не утомляющимся, такимъ же ровнымъ, спокойнымъ, какъ всегда. Среди напряженной до предѣла атмосферы, среди крикливыхъ споровъ и об-

щаго возбужденія, когда у иныхъ терялось самообладаніе — ровная, такая простая и вразумительная рѣчь Андрея Робертовича была всегда чѣмъ-то отрезвляющимъ, приводящимъ въ себя не въ мѣру зарвавшихся противниковъ.

Онъ былъ выдающимся ученымъ, съ свѣтлымъ, хорошимъ умомъ; былъ прекраснымъ общественникомъ, выполнявшимъ отчетливо и безъ какихъ либо отклоненій свой гражданскій долгъ; былъ и незауряднымъ администраторомъ и организаторомъ. Въ Варшавѣ, по его почину, было возведено особое зданіе Физическаго Института, уже почти оборудованное подъ руководствомъ А. Р. въ годъ войны. Въ Ростовѣ его физическій кабинетъ и лабораторія были образцовыми по устройству и по веденію ихъ. Въ соблюденіи порядка и правилъ онъ былъ даже нѣсколько педантиченъ.

Съ твердостью отклонялъ онъ всѣ попытки низшаго персонала Университета мѣшать правильному теченію университетскихъ занятій и университетскаго бытія. Всѣ эти нелѣпыя и подчасъ до предѣла глупыя требованія, всѣ ультиматумы, наивные, но не безопасные — все отметалось имъ послѣдовательно и настойчиво. Онъ былъ призванъ охранять науку и стражемъ ея онъ былъ не за страхъ, а за совѣсть.

Насталъ лютый, морозный февраль 1918-го года. Героическія усилія Добровольческой Арміи не могли спасти Ростова: ужъ слишкомъ немногочисленны были эти доблестные бойцы противъ лавы наступавшихъ большевиковъ. Армія ушла въ холодныя степи, въ свой безпримѣрный «Ледяной походъ». Въ Ростовъ вошли красные побѣдители съ первымъ своимъ командиромъ Сиверсомъ. Упорно было сопротивленіе, много борьбы пришлось вынести озлобленнымъ, дошедшимъ до крайности въ своей слѣпой ненависти къ юнкерамъ и кадетамъ, краснымъ войскамъ. Это почувствовалъ Ростовъ съ перваго же дня внѣдренія большевицкой власти: безнаказанная разнузданность отдѣльныхъ воинскихъ бандъ и въ обыскахъ, въ вылавливаніи «офицерья» и разныхъ «контровъ», и въ

преступленіяхъ, въ надругательствахъ, въ убійствахъ. Много жизней отдалъ Ростовъ въ эти первые дни большевицкой тризны, много крови невинной было пролито не только въ подвалахъ чрезвычайныхъ комиссій... Вечеромъ 9-го февраля Добровольческая Армія покидала Ростовъ, а утромъ на другой день негодяй — служитель Физическаго кабинета, не поощренный въ свое время профессоромъ Колли въ своихъ «требованіяхъ», уже велъ пьяную банду солдатъ на Пушкинскую улицу, гдѣ жилъ А. Р. съ семьей (женой и двумя дѣтьми) для расправы съ «бѣлымъ профессоромъ» — «царскимъ офицеромъ»...

Случайно проходившій по улицѣ гласный Думы Р. видѣлъ, какъ тащили солдаты А. Р. изъ дверей на улицу — «въ судъ», видѣлъ схватившуюся съ солдатами обезумѣвшую жену А. Р-а, и побѣжалъ въ Думу за помощью, за защитой, чтобы не дать совершиться злому дѣлу...

Когда черезъ нѣсколько минутъ прибѣжали бывшіе въ Думѣ гласные — на улицѣ лежалъ звѣрски убитый Андрей Робертовичъ и надъ нимъ — бившаяся судорожно жена его...

Много дней «власти», убравшіе трупъ съ улицы, не давали разрѣшенія друзьямъ и семьѣ похоронить воспріявшаго мученическій конецъ профессора Колли.

Когда разрѣшеніе, наконецъ, было получено, хоронилъ А. Р-а весь городъ. Только панихида по убитымъ А. И. Шингаревѣ и Ф. Ф. Кокошкинѣ была схожа съ этими похоронами. Глубокое душевное потрясеніе вызвала у многихъ и многихъ эта ненужная смерть замѣчательнаго ученаго, хорошаго, добраго человѣка...

Такъ неожиданна, такъ безсмысленна и такъ ужасна была эта жертва, что до сихъ поръ безъ волненія, безъ щемящей тоски нельзя вспомнить чистый образъ голубоглазаго Андрея Робертовича...

Свѣтлая о немъ память сохранится у всѣхъ, кто его зналъ, кто съ нимъ работалъ, кто у него учился...

Влад. Зеелеръ

КОНДРАТЪ ЛУКИЧЪ БАРДИЖЪ

К. Л. Бардижъ, сынъ простого казака станицы Брюховецкой, Кубанской области, родился въ г. Екатеринодарѣ въ 1868-мъ году. По окончанiи начальной школы поступилъ въ Екатеринодарскую войсковую гимназiю, гдѣ учился до 8-го класса, но за мѣсяцъ до окончанія гимназiи былъ исключенъ изъ нея изъ-за политической неблагонадежности, безъ права поступленія въ высшія учебныя заведенія.

Въ 1886-мъ году онъ поступилъ въ Ставропольское юнкерское училище и окончилъ его въ 1888-мъ году съ отличiемъ.

По выходѣ изъ училища, К. Л. Бардижъ былъ зачисленъ хорунжимъ въ 1-ый Полтавскій конный полкъ, стоявшій на персидской границѣ.

Возвратившись черезъ три года на льготу, служилъ во 2-мъ Черноморскомъ полку, въ ст. Брюховецкой, гдѣ былъ выбранъ станичнымъ атаманомъ. На этой должности пробылъ до своего избранія, въ 1906-мъ году, въ члены 1-ой Государственной Думы.

Въ Государственной Думѣ К. Л. Бардижъ вошелъ въ составъ партiи Народной Свободы, членомъ которой оставался до самой смерти.

Затѣмъ К. Л. Бардижъ неизмѣнно избирался депутатомъ отъ Кубанскаго казачьяго войска во 2, 3 и 4-ую Думы.

Съ думской трибуны Кондратъ Лукичъ выступалъ рѣдко. Работа его протекала въ казачьей группѣ членовъ Думы и въ комиссіяхъ — по самоуправленію и военно-морской. Пройдя школу полкового офицера и станичнаго атамана, К. Л. превосходно зналъ мѣстную казачью жизнь, и въ своей думской работѣ отдавалъ главное вниманiе вопросу о введенiи земскаго самоуправленія въ казачьихъ областяхъ. Много работалъ также надъ вопросомъ по облегченію тяжести воинской повинности для казаковъ.

Внѣ парламентской работы К. Л. Бардижъ также мно-

го занимался мѣстными кубанскими нуждами. Онъ много поработалъ надъ проведеніемъ въ жизнь проекта Черноморской желѣзной дороги, призванной обслуживать западную часть богатѣйшей Кубанской области, а въ 1910 году сталъ директоромъ Общества Черноморско-Кубанской желѣзной дороги.

Во время міровой войны К. Л. былъ предсѣдателемъ Екатеринодарскаго комитета Всероссійскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.

Послѣ февральской революціи 1917-го года онъ былъ назначенъ временнымъ правительствомъ комиссаромъ Кубанской области.

Весной 1917 года онъ объѣхалъ всѣ станицы Кубанской области, объясняя казакамъ смыслъ и значеніе февральскаго переворота.

Въ созванномъ въ маѣ мѣсяцѣ мѣстномъ народномъ представительствѣ — Кубанской Радѣ — К. Л. Бардижъ неоднократно выступалъ съ предостереженіями противъ увлеченій демагогическими лозунгами.

Когда власть въ Кубанской области перешла къ Атаману и войсковому правительству, К. Л. Бардижъ вошелъ въ его составъ въ качествѣ члена правительства по внутреннимъ дѣламъ.

На него была возложена организація борьбы съ наступавшей большевицкой анархіей.

К. Л. вновь объѣхалъ область, обращаясь къ населенію съ трезвымъ предостерегающимъ словомъ, разъясняя весь ужасъ надвигающейся анархіи. Слушали его мрачно и большей частью молча расходились.. Въ станицѣ Мышастовской К. Л. и его спутники, послѣ собранія, были обстрѣляны изъ засады. Но дѣло обошлось безъ жертвъ.

Въ концѣ 1917-го года К. Л. Бардижъ приступилъ къ формированію отрядовъ «Вольнаго Казачества», и самъ сталъ во главѣ отряда, успѣшно дѣйствовавшаго противъ большевиковъ въ районѣ станицъ Приморско-Ахтырской и Тимашевской.

Убѣдившись, что населеніе психологически не под-

готовлено къ борьбѣ, К. Л. Бардижъ съ января 1918-го года распустилъ свой отрядъ и отправился въ Екатеринодаръ.

Къ февралю 1918-го года Екатеринодаръ уже былъ окруженъ большевиками.

Въ результатѣ ряда совѣщаній, Кубанское правительство 27-го февраля 1918-го года рѣшило временно прекратить борьбу и «распылиться». Вернувшись съ этого совѣщанія, К. Л. съ двумя сыновьями, Николаемъ и Віаноромъ, прапорщикомъ Дистерло и казакомъ Алексѣемъ Шевченко (вѣстовымъ одного изъ сыновей), выѣхалъ въ 12 часовъ ночи изъ Екатеринодара. Лишь часа черезъ два послѣ его отъѣзда изъ помѣщенія правительства звонилъ предсѣдатель Рады Н. С. Рябоволъ, чтобы сообщить Кондрату Лукичу новое рѣшеніе: отступать изъ Екатеринодара организованно, подъ прикрытіемъ войсковыхъ частей кубанской арміи генерала Покровскаго. Между тѣмъ К. Л. со своими спутниками отправился на автомобилѣ въ сторону Горячаго Ключа, гдѣ жила у родныхъ жена старшаго сына, Віанора. Къ ней былъ отправленъ казакъ Шевченко съ письмомъ. Есть предположеніе, что онъ-то и выдалъ ихъ мѣстнымъ большевикамъ, такъ какъ немедленно изъ Горячаго Ключа была отправлена погоня за Бардижами, которая настигла его въ станицѣ Воронцовкѣ, гдѣ онъ со спутниками былъ арестованъ и доставленъ въ Архипово-Осиповку. Здѣсь, по разсказамъ очевидцевъ, К. Л. Бардижъ обратился къ населенію съ рѣчью, которая произвела на слушателей такое впечатлѣніе, что мѣстныя власти рѣшили отпустить арестованныхъ на волю. Но какъ разъ въ этотъ моментъ проѣзжалъ черезъ это селеніе, по направленію къ Туапсе, грузовикъ съ отрядомъ матросовъ, которые, узнавъ о происходящемъ, посадили арестованныхъ на грузовикъ и отвезли ихъ въ Туапсе.

Въ Туапсе К. Л. Бардижъ и его спутники были посажены въ общую камеру тюрьмы. На другой день группа Кондрата Лукича была выдѣлена и переведена на баржу, стоявшую въ порту.

Судилъ ихъ мѣстный «совѣтъ пяти». Двое изъ судей настаивали на освобожденіи, но имъ не удалось убѣдить остальныхъ.

К. Л. Бардижа и его двухъ сыновей, Віанора и Николая, 9-22-го марта 1918-го года разстрѣляли на Туапсинскомъ молу.

Такъ погибъ рѣдкой души человѣкъ, вышедшій изъ народа и всю жизнь ему служившій.

В. А. Харламовъ

ВЯТСКІЕ ЧЛЕНЫ ПАРТІИ

Н. В. Огневъ, П. А. Щуровичъ, І. М. Жирновъ

Николай Васильевичъ Огневъ былъ до 1906-го года протоіереемъ собора въ г. Яранскѣ, Вятской губерніи. Онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ населенія и мѣстнаго духовенства, которое неоднократно избирало его предсѣдателемъ Вятскаго Губернскаго Епархіальнаго Съѣзда, несмотря на противодѣйствіе вятскаго епископа, ставившаго Огневу въ вину его либеральный образъ мыслей. Послѣ революціи 1905-го года, Н. В. примкнулъ къ партіи Народной Свободы и былъ избранъ населеніемъ Вятской губерніи членомъ 1-ой Государственной Думы. Открытое участіе священника Огнева въ партіи, враждебной тогдашнему правительству, и подписанное имъ Выборгское воззваніе имѣли для него тяжелыя послѣдствія: онъ былъ лишенъ сана, а, слѣдовательно, и той дѣятельности, которой отдалъ всю свою предшествовавшую жизнь. Въ сорокъ лѣтъ пришлось ему устраивать свою жизнь по новому. Онъ поступаетъ на юридическій факультетъ Петербургскаго Университета, слушая тамъ лекціи у своего товарища по 1-ой Думѣ, Л. І. Петражицкаго.

Окончивъ въ короткій срокъ Университетъ, Н. В. снова возвратился въ свою родную Вятскую губернію, и поселился въ Вяткѣ, гдѣ сталъ заниматься адвокатурой. Въ

мѣстной общественной жизни онъ принималъ дѣятельное участіе, будучи предсѣдателемъ мѣстнаго комитета партіи Народной Свободы. Въ 1917 и 1918-мъ годахъ Н. В. редактировалъ вятскую партійную газету, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ среди крестьянъ Вятской губерніи, съ особымъ интересомъ читавшихъ статьи бывшаго священника.

Петръ Александровичъ Щуровичъ съ 1905-го года былъ членомъ вятскаго губернскаго комитета партіи Народной Свободы и замѣстителемъ предсѣдателя. Всю жизнь свою посвятилъ общественной дѣятельности. Въ молодости былъ участникомъ русско-турецкой войны и получилъ военныя отличія за взятіе Карса. Много лѣтъ былъ гласнымъ вятской городской Думы и вятскаго губернскаго земства, въ которомъ занималъ должность члена губернской земской управы.

Во время губернаторства князя Горчакова былъ на короткое время высланъ изъ предѣловъ Вятской губерніи за политическую неблагонадежность.

Послѣ большевицкаго переворота П. А. продолжалъ заниматься общественной дѣятельностью въ качествѣ предсѣдателя кассы мелкаго кредита, учрежденной губернскимъ земствомъ.

Іосифъ Михайловичъ Жирновъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ вятскаго комитета партіи Народной Свободы, въ которомъ исполнялъ обязанности секретаря. І. М. былъ крестьяниномъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи и въ молодости былъ народнымъ учителемъ, отдавая много времени мѣстной крестьянской общественной жизни. Постоянно избирался крестьянами гласнымъ Уржумскаго уѣзднаго, а затѣмъ и Вятскаго губернскаго земства. Послѣдніе, до революціи, годы переселился въ Вятку, гдѣ состоялъ членомъ кассы мелкаго кредита губернскаго земства и постояннымъ сотрудникомъ «Вятскаго пчеловоднаго листка».

Н. В. Огневъ, П. А. Щуровичъ и І. М. Жирновъ были арестованы большевиками въ іюлѣ 1918-го года и посажены въ сырые, холодные подвалы Вятской Консисторіи, гдѣ имъ приходилось много страдать. Когда они были разстрѣляны — неизвѣстно, такъ какъ большевики скрыли день казни отъ мѣстнаго населенія. Извѣстно только, что погибли они въ іюлѣ 1918-го года.

П. А.

УФИМСКІЕ ЗАЛОЖНИКИ

А. Н. Полидоровъ, гр. П. П. Толстой и А. Ф. Ница

А. Н. Полидоровъ, графъ П. П. Толстой и А. Ф. Ница погибли весной 1918-го года. Они были разстрѣляны на рѣкѣ Камѣ, близъ с. Николо-Березовки, куда были вывезены изъ Уфы, какъ заложники.

Было это въ то время, когда на Уфу, со стороны Самары, надвигались возставшіе чехословацкіе отряды, а растерявшіеся уфимскіе большевики, сдавая городъ безъ боя, вѣрнѣе, убѣгая, арестовали нѣсколько десятковъ выдающихся гражданъ въ качествѣ заложниковъ и захватили съ собой. По дорогѣ десять изъ этихъ заложниковъ были безъ всякаго суда и слѣдствія разстрѣляны, или, какъ тогда говорили, «выведены въ расходъ». Расправлялись съ ними матросы изъ сарапульской чеки, во главѣ съ предсѣдателемъ послѣдней, матросомъ Воронцовымъ.

Вспоминая теперь объ этихъ мученикахъ, я далекъ отъ мысли дать подробное жизнеописаніе покойныхъ, ихъ общественной и политической дѣятельности, ихъ заслугъ въ этомъ отношеніи передъ обществомъ. Эта задача должна быть выполнена въ свое время, на родинѣ. Ибо нельзя допустить мысли, чтобы можно было забыть лучшихъ, талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ гражданъ уфимскаго края, имѣвшихъ мужество не только говорить

правду тогда, когда другіе въ страхѣ молчали, но и «души своя за друзи положить». Мои воспоминанія поневолѣ ограничатся краткими некрологами покойныхъ.

Анатолій Никаноровичъ Полидоровъ, сынъ нижегородскаго протоіерея, присяжный повѣренный г. Уфы. Адвокатскую карьеру началъ въ Нижнемъ, но вскорѣ за свою политическую дѣятельность былъ отправленъ въ ссылку, по отбытіи которой обосновался въ Уфѣ. Будучи на рѣдкость образованнымъ юристомъ, надѣленнымъ отъ природы громаднымъ умомъ, необходимой для адвоката желѣзной логикой и ораторскимъ талантомъ, А. Н. Полидоровъ вскорѣ же занялъ среди уфимской адвокатуры, по праву, первое мѣсто. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что А. Н. Полидоровъ составилъ бы гордость любой столичной адвокатуры.

Въ Уфѣ до самой революціи А. Н. Полидоровъ стоялъ внѣ политики и даже общественной работой занимался мало, уйдя съ головой въ адвокатское дѣло. Онъ находилъ, что дѣятельность адвоката настолько велика и отвѣтственна, что должна цѣликомъ занимать человѣка, посвятившаго себя ей. Онъ не сочувствовалъ тѣмъ адвокатамъ, въ особенности, молодымъ, которые, въ ущербъ прямымъ обязанностямъ, разбрасывались и находили для себя возможнымъ заниматься еще посторонними дѣлами. «Посторонними дѣлами» для адвоката онъ считалъ и политику.

Даже въ началѣ революціи, когда на политическую арену выступили люди, совершенно неподготовленные и не имѣющіе никакихъ данныхъ для этого, А. Н. Полидоровъ стоялъ еще въ сторонѣ отъ политики. И только тогда, когда демагогія постепенно захватывала все, становясь опасной не только для общества, но и для самого существованія государства, А. Н. Полидоровъ круто мѣняетъ свое отношеніе и открыто вступаетъ на арену политической дѣятельности. Будучи убѣжденнымъ демокра-

томъ, чуждымъ, однако, крайнихъ увлеченій, А. Н. Полидоровъ, естественно, очутился въ рядахъ партіи Народной Свободы, занявъ въ ней мѣсто предсѣдателя мѣстной группы. По спискамъ этой партіи онъ избирается гласнымъ городской думы. Съ этихъ поръ А. Н. всецѣло отдается политической и общественной дѣятельности. Половинчатость была чужда его натурѣ. Его выступленія въ городской думѣ, хозяевами которой были въ то время соціалисты, производили колоссальное впечатлѣніе на всѣхъ гласныхъ, не исключая и большевиковъ, своей дѣловитостью и неотразимой логикой. Мѣстные большевики считали его однимъ изъ опаснѣйшихъ своихъ противниковъ и злѣйшимъ врагомъ, тѣмъ болѣе, что изъ своей среды они не могли выставить никого, равнаго ему по силѣ образованія и таланта. Въ открытомъ словесномъ бою они были безсильны бороться съ нимъ. Немудрено поэтому, что когда уфимскіе большевики въ маѣ 1918-го года, подъ напоромъ возставшихъ чешскихъ отрядовъ, оставляли Уфу и забирали для обезпеченія себя и своихъ семей заложниковъ, то въ числѣ послѣднихъ оказался и А. Н. Полидоровъ.

Какими предписаніями руководились чекисты при разстрѣлѣ уфимскихъ заложниковъ, почему разстрѣляли однихъ и оставили другихъ, — неизвѣстно. Одно лишь несомнѣнно, что изъ числа взятыхъ заложниковъ разстрѣляны были крупнѣйшіе и виднѣйшіе люди. Если разстрѣливали по этому признаку, а всѣ данныя говорятъ за это, то, естественно, А. Н. Полидоровъ долженъ былъ погибнуть въ числѣ первыхъ.

Такъ и случилось.

Александръ Федоровичъ Ница принадлежалъ къ тому разряду дореволюціонной русской интеллигенціи, которая долгомъ своей жизни почитала служеніе народу. Я зналъ его, начиная съ 1911-го года, когда А. Ф. состоялъ редакторомъ мѣстной ежедневной прогрессивной газеты «Уфимская Жизнь». Политически А. Ф. примыкалъ къ партіи Народной Свободы, входя въ ряды ея уфимской

группы и занимая въ ней выдающееся положенiе. Во время выборовъ въ третью государственную Думу кандидатура А. Ф. стояла на первомъ мѣстѣ по списку прогрессивнаго блока.

Во время революцiи А. Ф. какъ-то сошелъ съ политической арены. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ политикамъ, для которыхъ революцiонная трибуна оказалась не по душѣ. Да и вообще, будучи кабинетнымъ работникомъ, А. Ф. избѣгалъ словесныхъ публичныхъ выступленiй, предпочитая отстаивать свои политическiе взгляды путемъ печатнаго слова, за что ему пришлось пережить немало непрiятностей и отъ царскаго правительства, вплоть до сидѣнiя въ тюрьмѣ.

Съ воцаренiемъ большевиковъ и съ закрытiемъ «Уфимской Жизни» А. Ф. Ница отъ политической жизни уже совсѣмъ отошелъ. И тѣмъ не менѣе, уходя изъ Уфы и уводя съ собой заложниковъ , большевики захватили и А. Ф. и подло убили его.

Графъ Петръ Петровичъ Толстой происходилъ изъ крупной помѣщичьей семьи. Толстымъ когда-то принадлежало въ Уфимскомъ уѣздѣ большое село Языково, расположенное въ 60-ти верстахъ отъ г. Уфы. Впослѣдствiи у Толстыхъ при этомъ селѣ осталось лишь небольшое имѣнiе. Свою общественную дѣятельность П. П. началъ въ деревнѣ, живя въ своемъ имѣнiи. Исключительно ему мѣстные крестьяне обязаны тѣмъ, что для нихъ въ 1914 году въ селѣ Языковѣ земствомъ былъ построенъ и открытъ великолѣпный Народный Домъ, проведенъ телефонъ, соединяющiй село Языково, съ одной стороны съ городомъ Уфой, а съ другой съ торговыми и населеннѣйшими пунктами Уфимскаго уѣзда. Не одна сотня крестьянъ языковскаго района помнитъ, какъ помогалъ имъ графъ въ трудныя минуты не только добрымъ словомъ и совѣтомъ, но и живымъ дѣломъ.

Впослѣдствiи графъ П. П. перебрался изъ деревни въ Уфу, гдѣ имѣлъ свою типографiю. Съ этого времени онъ отдается общественной и политической работѣ цѣликомъ,

входя въ мѣстную группу партіи Народной Свободы. Такъ же, какъ и покойный А. Ф. Ница, онъ былъ однимъ изъ руководителей газеты «Уфимская Жизнь», а кромѣ того принималъ живѣйшее участіе въ земской дѣятельности въ качествѣ члена Уфимской губернской земской управы. Въ этой должности онъ пробылъ вплоть до замѣны цензовыхъ земствъ демократическими.

Въ 1906-мъ году графъ П. П. Толстой былъ избранъ членомъ 1-ой Государственной Думы, а равно одно время состоялъ членомъ государственнаго Совѣта по выборамъ. Вмѣстѣ съ А. Н. Полидоровымъ, онъ былъ внесенъ въ списки кандидатовъ въ члены Учредительнаго Собранія отъ партіи Народной Свободы.

За либеральный образъ мыслей и общественно-политическую дѣятельность П. П. подвергался преслѣдованіямъ со стороны царскаго правительства, которое считало его человѣкомъ неблагонадежнымъ. Онъ не избѣгъ въ этомъ отношеніи общей участи всѣхъ либеральныхъ общественныхъ дѣятелей, и какое-то количество времени провелъ въ тюрьмѣ.

Какіе счеты сводили съ графомъ Толстымъ большевики, беря его заложникомъ и казнивъ?.. Возможно, что роковую роль сыгралъ титулъ графа. Вѣдь это было въ то время, когда достаточно было одного такого титула, чтобы быть первымъ кандидатомъ къ «стѣнкѣ»...

Камскій

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТРИФОНОВЪ

И. Н. Трифоновъ, молодой талантливый ученый, физикъ по спеціальности, принялъ активное участіе въ дѣятельности партіи Народной Свободы сейчасъ-же послѣ февральской революціи 1917-го года и быстро зарекомендовалъ себя дѣльнымъ и полезнымъ работникомъ. Послѣ большевицкаго переворота, когда нѣкоторые, гораздо болѣе старые, кадеты отошли отъ всякаго участія

въ партійной жизни, И. Н. съ неуклонной энергіей продолжалъ работать, посвятивъ себя, главнымъ образомъ, агитаціонной дѣятельности. Въ работѣ по выборамъ въ Учредительное Собраніе И. Н. показалъ себя недюжиннымъ организаторомъ, и въ значительной степени партія ему обязана своимъ сравнительнымъ успѣхомъ на этихъ выборахъ въ Петербургѣ.

Устройствомъ въ первой половинѣ 1918-го года цѣлаго ряда митинговъ, посвященныхъ памяти Кокошкина и Шингарева, митинговъ, всегда проникнутыхъ защитой идей партіи и борьбой съ торжествующимъ большевизмомъ, заканчивается собственно партійная работа И. Н. Послѣ этого, онъ, какъ и многіе другіе кадеты, отдаетъ свои силы движенію, извѣстному подъ именемъ Національнаго Центра, куда онъ былъ введенъ К. К. Черносвитовымъ.

Въ началѣ зимы 1918-го года И. Н. былъ арестованъ чекой, и притомъ — безъ всякаго отношенія къ его дѣятельности. Ему вмѣнялась въ вину помощь, будто бы имъ оказанная его двоюродному брату, который, въ свою очередь, обвинялся въ томъ, что собирался бѣжать въ Архангельскъ для присоединенія къ сѣвернымъ «бѣлымъ». Одно время казалось, что это обвиненіе отпало. Во всякомъ случаѣ, послѣ нѣсколькихъ недѣль заключенія, И. Н. въ началѣ декабря былъ выпущенъ на свободу. Но черезъ очень короткій промежутокъ времени онъ совершенно неожиданно былъ снова арестованъ, а черезъ 2-3 дня послѣ этого, безъ предъявленія ему какого-бы то ни было новаго обвиненія, былъ разстрѣлянъ. Разсказывали, что онъ прочиталъ въ «Извѣстіяхъ» о своемъ якобы уже состоявшемся разстрѣлѣ за нѣсколько часовъ до самаго разстрѣла.

Б. Г. Катеневъ

А. Р. КОЛЛИ
† 10 февраля 1918 г.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРОЛЕВЪ

Первой жертвой совѣтскаго режима въ Курской губерніи былъ Николай Алексѣевичъ Королевъ, членъ Суджанскаго уѣзднаго комитета партіи Народной Свободы.

Н. А. Королевъ, сынъ купца г. Суджи, получилъ образованіе съ Суджанской торговой школѣ. Занимаясь въ дѣлѣ отца (ссыпка коноплянаго сѣмени), онъ еще до войны, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, отдавалъ свои досуги общественности, примыкая по своимъ убѣжденіямъ къ либеральному передовому теченію. Энергичный и подвижный, общительный и любознательный, Н. А. мало походилъ на сидѣльца при ссыпкѣ. Смерть отца позволила ему ликвидировать это дѣло. А начавшаяся война дала ему возможность развить свою энергію въ другихъ областяхъ дѣятельности. Онъ принимаетъ участіе въ попечительствахъ о мѣстныхъ лазаретахъ для раненыхъ, въ Суджанскомъ военно-промышленномъ комитетѣ, въ мѣстномъ отдѣленіи Краснаго Креста и пр. Съ момента революціи Н. А. Королевъ вступаетъ въ партію Народной Свободы, въ рядахъ которой въ Суджѣ онъ былъ наиболѣе дѣятельнымъ и энергичнымъ членомъ. Хорошій ораторъ, онъ неоднократно выступаетъ на собраніяхъ и митингахъ, во время городскихъ и земскихъ выборовъ по новому закону и, особенно, при выборахъ въ Учредительное Собраніе. Захватъ власти большевиками послѣ октябрьскаго переворота и появленіе въ Суджѣ гнусной и одіозной фигуры перваго совѣтскаго комиссара Кваскова нисколько не смирило дѣятельности покойнаго; онъ, по прежнему, открыто выступалъ противъ захватчиковъ. Это время совпало съ трагичнымъ и тяжелымъ моментомъ, который пережила эта часть Россіи, — именно, съ наступленіемъ нѣмцевъ. Съ первыхъ дней 1918 года началось наступленіе нѣмцевъ въ глубь Россіи. Къ Суджѣ подвигались нѣмецкія части. Городъ былъ наводненъ разнузданными, неорганизованными бандами матросовъ и солдатъ, которыя, якобы, должны были задержать наступленіе нѣмцевъ. Послѣдніе были уже въ Сумахъ.

Суджа была во власти матросскихъ и солдатскихъ бандъ. Всякіе поборы съ населенія, обыски, открытый грабежъ днемъ и ночью, всяческія безобразія и насилія вызвали въ мартѣ 1918-го года въ городѣ открытое возстаніе противъ большевицкой власти. Горсть обывателей, главнымъ образомъ, реалистовъ и семинаристовъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, имѣя во главѣ Н. А. Королева, подняла городъ противъ насильниковъ. «Власти» и полупьяныя банды разбѣжались, ища спасенія и подмоги. Въ теченіе двухъ сутокъ Н. А. Королевъ былъ хозяиномъ Суджи. Но ликвидація возстанія не замедлилась. Городъ былъ взятъ утромъ на третій день подоспѣвшими на помощь своимъ, частями красной арміи. Началась расправа. Н. А. не успѣлъ бѣжать. Онъ былъ схваченъ. Наскоро былъ импровизированъ «судъ». Н. А. не отпирался и не искалъ спасенія. «Судъ» вынесъ смертный приговоръ. Тотчасъ же на суджанской площади, противъ собора, Н. А. былъ разстрѣлянъ. Громадная толпа народа молча присутствовала при казни, ни звукомъ, ни жестомъ не выразивъ своего отношенія къ убійству. А всего лишь нѣсколько часовъ назадъ эта же толпа, эти же горожане и крестьяне, видѣли въ Н. А. своего спасителя, и сами передали ему всю власть въ руки. Большевики не позволили вдовѣ убрать тѣло убитаго Н. А. Королева, и оно нѣсколько дней лежало на площади среди города. Черезъ четыре дня въ Суджу вошли нѣмецкія части. Большевики бѣжали. Лишь послѣ этого Н. А. былъ похороненъ.

Кратковременная дѣятельность Н. А. оставила замѣтный слѣдъ въ судьбѣ его родного города.

В. А. Евреиновъ

НИКОЛАЙ ГЕОРГІЕВИЧЪ ЗАЙЦЕВЪ

Николая Георгіевича я узналъ близко въ тревожное и бурное время послѣ февральскаго переворота, хотя я съ нимъ встрѣчался и раньше, на собраніяхъ Таврическаго губернскаго комитета партіи Народной Свободы. Человѣкъ

онъ былъ добрый, хорошій семьянинъ, скромный и тихій, на рѣдкость добросовѣстный въ выполненіи взятыхъ на себя обязанностей, аккуратный во всемъ, всегда одѣтый изысканно-опрятно. Старый кадетъ, онъ, будучи чиновникомъ одного изъ губернскихъ учрежденій, во время гоненія на партію не боялся открыто принадлежать къ ней и, насколько я помню, имѣлъ по этой причинѣ непріятности по службѣ.

Послѣ февральскаго переворота онъ съ энтузіазмомъ отдался партійной работѣ, беря на себя всегда «черную» ея часть, незамѣтную и скучную, но необходимую и важную. Онъ рѣдко говорилъ на собраніяхъ, выступая лишь тогда, когда его мысль никѣмъ не была высказана.

Когда я былъ назначенъ временнымъ правительствомъ Таврическимъ губернскимъ комиссаромъ и переѣхалъ въ Симферополь, оставивъ семью въ Ялтѣ, какъ-то само собой вышло, что я переѣхалъ жить къ Николаю Георгіевичу. Я говорю — само собой вышло — потому, что сношенія у меня съ нимъ въ то время были ежедневныя, какъ съ секретаремъ губернскаго комитета партіи и редакторомъ нашего партійнаго органа «Таврическій Голосъ». Въ моей тяжелой работѣ, признаваемой соціалистами «постольку-поскольку», я особенно цѣнилъ моральную поддержку, которую мнѣ оказывала партія, и поддерживалъ въ нужныхъ случаяхъ съ нею связь черезъ Николая Георгіевича. Дома, послѣ тяжелаго дня, полнаго неудачъ и сомнѣній въ цѣлесообразности дальнѣйшей работы изъ-за безсилія какъ центральной власти, такъ и власти на мѣстѣ, такъ отрадно было поговорить съ всегда бодрымъ и вѣрившимъ въ конечный успѣхъ Николаемъ Георгіевичемъ. Рѣдко говорившій на людяхъ, онъ былъ интереснымъ и вдумчивымъ собесѣдникомъ.

Подъ вліяніемъ настроенія Предпарламента въ Петербургѣ и столкновеній съ татарами изъ-за усиливавшихся въ ихъ средѣ самостійныхъ стремленій я принужденъ былъ уѣхать изъ Крыма и жилъ въ Новочеркасскѣ ,работая по организаціи Добровольческой Арміи. За трудностью сношеній черезъ начавшійся образовываться фронтъ, я по-

лучалъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о все ухудшавшемся и осложнявшемся положеніи въ Крыму. Дошло до меня извѣстіе и о томъ, что Николай Георгіевичъ былъ избранъ въ послѣдній передъ захватомъ края большевиками органъ мѣстной правительственной власти — «Совѣтъ народныхъ представителей», пытавшійся управлять и предотвратить анархію. Очевидно, вѣра въ конечный успѣхъ не оставляла Николая Георгіевича, и онъ долженъ былъ пережить еще одно разочарованіе. «Совѣтъ народныхъ представителей» не пользовался никакимъ авторитетомъ и не имѣлъ никакой власти. Онъ погибъ при захватѣ Симферополя большевиками, послѣ побѣды севастопольскихъ матросовъ надъ татарами подъ Бахчисараемъ.

Арестованъ былъ Николай Георгіевичъ какъ редакторъ «буржуазной» газеты и какъ членъ «буржуазной» партіи. У него не было враговъ, и, можетъ быть, просидѣвъ болѣе или менѣе продолжительное время въ тюрьмѣ, онъ остался бы живъ, если бы не случайный налетъ матросовъ изъ Севастополя. Но случайный ли? Въ этихъ налетахъ большевиковъ-матросовъ была система. Они разъѣзжали на грузовикахъ по всему полуострову, производили разстрѣлы въ тюрьмахъ, хватали и убивали по первому доносу.

Ворвавшись ночью въ Симферопольскую тюрьму, матросы приказали согнать во дворъ всѣхъ политическихъ. И изъ собранной толпы они вытаскивали и сажали на грузовикъ офицеровъ. Въ большой толпѣ оборванныхъ и грязныхъ людей они обратили вниманіе на аккуратно одѣтаго, какъ всегда, Николая Георгіевича.

— Давай сюда этого, въ крахмальной сорочкѣ!..

И участь Николая Георгіевича была рѣшена...

Взятыхъ на грузовикъ матросы разстрѣляли на окраинѣ Симферополя, и на другой день 14-лѣтняя дочь Николая Георгіевича нашла его тѣло среди груды убитыхъ, брошенныхъ на обочинѣ шоссе. Послѣ убитаго осталась жена, дочь, шестилѣтній сынъ.

О смерти Николая Георгіевича я узналъ много позже,

вернувшись изъ перваго Кубанскаго похода. Могила его уже поросла травой...

Трагедіи отдѣльныхъ семей забывались передъ общей великой трагедіей, переживавшейся родиной.

Н. Богдановъ

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ САПУНОВЪ

Въ августѣ 1918-го года Капланъ произвела покушеніе на Ленина. Отвѣтомъ на это покушеніе прокатилась первая яростная волна казней по всей Россіи. Были убиты сидѣвшіе заложниками, или просто арестованными, сотни и тысячи людей, не имѣвшихъ къ покушенію никакого отношенія. Начался терроръ, какъ система управленія.

Среди этихъ первыхъ жертвъ террора былъ Иванъ Петровичъ Сапуновъ.

И. П. Сапуновъ, купецъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ мукомоловъ въ Курской губерніи. Въ партіи Народной Свободы И. П. состоялъ съ самаго ея возникновенія. Онъ былъ выборщикомъ во вторую государственную Думу. Общественная дѣятельность И. П. сосредотачивалась въ Курской городской Думѣ, гдѣ онъ былъ лидеромъ оппозиціи, оппозиціи либеральныхъ и лѣвыхъ гласныхъ противъ архи-черносотеннаго большинства городской Думы. И. П. былъ очень остеръ на языкъ, а его самостоятельность и независимость, отчасти изъ-за свойства его характера, отчасти изъ-за его полной матеріальной обезпеченности, дѣлали его малоуязвимымъ при «воздѣйствіяхъ» со стороны мѣстной администраціи, не скрывавшей своего враждебнаго къ нему отношенія. Цѣлый рядъ городскихъ мѣропріятій широкаго общественнаго значенія, какъ электрическій трамвай, электрическое освѣщеніе, постройка городского Народнаго Дома, моста черезъ рѣку Тускарь и пр., были осуществлены благодаря И. П. Сапунову или при его непосредственномъ содѣйствіи. Столь

же дѣятельнымъ былъ покойный и въ партіи Народной Свободы. Онъ выставлялся неоднократно кандидатомъ въ государственную Думу и одно время состоялъ товарищемъ предсѣдателя Курскаго губернскаго комитета партіи Народной Свободы. Однако, февральская революція какъ-то сразу отодвинула Сапунова съ первыхъ мѣстъ среди курскихъ к.-д. А послѣ октябрьскаго переворота онъ почти вовсе отошелъ отъ активной политической жизни.

Нашелъ смерть Сапуновъ при сравнительно случайныхъ, но характерныхъ для того времени обстоятельствахъ. Репутація одного изъ богачей Курска не могла не привлечь вниманія большевицкой власти, вѣрной лозунгу «грабь награбленное». Но личный авторитетъ Сапунова, его популярность, какъ либеральнаго дѣятеля при старомъ режимѣ, не позволяли еще не окрѣпшей и тогда еще стѣснявшейся власти арестовать его безъ повода тѣмъ болѣе, что Сапуновъ не принималъ въ 1918-мъ году никакого активнаго участія въ общественно-политической жизни Курска.

И. П. какъ бы самъ ускорилъ наступленіе печальнаго событія. Былъ назначенъ день «реквизиціи» имущества Сапунова, т. е., попросту, назначенъ былъ день грабежа его дома и квартиры. Для этой цѣли на нѣсколькихъ грузовикахъ пріѣхали агенты новой власти. Это былъ первый узаконенный грабежъ въ Курскѣ, притомъ ограбленіе лица, котораго зналъ буквально весь городъ. Неудивительно поэтому, что громадная толпа собралась у дома Сапунова лицезрѣть это невиданное зрѣлище. Новизна ли зрѣлища, личность ли самого И. П., или и то и другое вмѣстѣ, но толпа была далеко не сочувственно настроена къ представителямъ «рабоче-крестьянской» власти, выносившимъ шкафы и перины. И. П. Сапуновъ стоялъ тутъ же и, чувствуя симпатіи къ себѣ толпы, сталъ громко осуждать большевиковъ. Всегда очень острый и безпощадный на языкъ, здѣсь онъ не пожалѣлъ красокъ своего острословія, встрѣчая благодарную и сочувственную аудиторію. Толпа изъ молчаливаго свидѣтеля «обыска»

дѣлалась все агрессивнѣе по отношенію къ производившимъ грабежъ большевикамъ. Скоро наступилъ моментъ, когда руководитель «обыска», какой то мальчишка въ шикарномъ галифэ, рѣшилъ, что дальнѣйшее пребываніе на свободѣ, среди толпы, И. П. можетъ быть уже небезопаснымъ ему самому и всей его компаніи. Онъ приказалъ арестовать Сапунова.

Въ тотъ же день вечеромъ пришло извѣстіе изъ Москвы о покушеніи на Ленина. Черезъ четыре дня всѣ арестованные, независимо отъ причинъ ареста, были разстрѣляны. Среди нихъ былъ и Иванъ Петровичъ. . .

В. А. Евреиновъ

ФРАНЦЪ ФРАНЦЕВИЧЪ ШНЕЙДЕРЪ

Крупный землевладѣлецъ Симферопольскаго уѣзда и домовладѣлецъ города Симферополя, гласный симферопольскаго уѣзднаго земства. По происхожденію нѣмецъ, изъ разбогатѣвшихъ нѣмецкихъ колонистовъ юга Россіи.

Къ партіи Народной Свободы примкнулъ въ 1905-мъ году, но затѣмъ вышелъ изъ ея состава и снова вошелъ въ ея ряды послѣ 1917-го года. Политикой мало занимался и мало интересовался. Былъ прирожденнымъ сельскимъ хозяиномъ и милымъ, хорошимъ человѣкомъ. Его толстую, добродушную фигуру хорошо знали всѣ симферопольцы. Всѣ любили его, до старости называя за глаза его дѣтскимъ именемъ — «Франчикъ».

Онъ былъ очень богатъ и охотно помогалъ обращавшимся къ нему за помощью людямъ. До революціи 1905-го года немало денегъ отъ него перепало и мѣстнымъ группамъ революціонныхъ партій, которыя въ минуты жизни трудныя прибѣгали къ легко открывавшемуся кошельку «Франчика».

Никто не могъ бы предвидѣть, что такая страшная судьба ожидаетъ этого безобиднаго, всегда добродушно улыбавшагося человѣка. Между тѣмъ, именно онъ сталъ первой жертвой большевицкаго террора, когда севастопольскіе матросы, въ серединѣ января 1918-го года, заня-

ли Симферополь. Его въ первый же день арестовали и повели въ тюрьму. Но не довели... Убили на людной улицѣ, среди бѣла дня. Тѣло его убрали, но осталась кровь на мостовой. И многочисленные его знакомые, проходя въ тотъ день мимо этой лужи крови, знали, что это кровь милаго, добраго Ф. Ф. Шнейдера...

В. Оболенскій

АРОНЪ ОСИПОВИЧЪ ШАЦЪ

Аронъ Осиповичъ Шацъ, членъ партіи Народной Свободы съ 1917-го года, былъ разстрѣлянъ въ Одесской ЧК въ 1918-мъ году. Крупнѣйшій мукомолъ, А. О. Шацъ принадлежалъ къ кругу видныхъ промышленниковъ Одессы. Онъ много времени и средствъ удѣлялъ общественной дѣятельности, состоя членомъ разныхъ еврейскихъ благотворительныхъ обществъ, способствуя, главнымъ образомъ, профессіональному образованію евреевъ. Раздѣляя взгляды партіи Народной Свободы и, будучи сторонникомъ конституціонной монархіи и отвѣтственнаго министерства, А. О. встрѣтилъ революціонный переворотъ 1917-го года спокойно, но скептически. Дальнѣйшее развитіе событій, переходъ власти къ соціалистамъ и общій соціалистическій идейный уклонъ, нашедшій откликъ, какъ въ массахъ, такъ, особенно, въ средѣ интеллигентской и учащейся молодежи, наполнявшей домъ А. О. шумными политическими спорами, производили на него угнетающее впечатлѣніе. Противъ него инсинуировали, презрительно называя его «буржуемъ», тѣ, которымъ онъ помогалъ выбиться въ люди.

При первомъ большевицкомъ переворотѣ А. О. былъ арестованъ, но, внеся контрибуцію, вскорѣ былъ освобожденъ. Послѣ второго большевицкаго переворота онъ поддерживалъ множество родныхъ и друзей, бѣжавшихъ съ сѣвера и изъ провинціи и жившихъ у него, на его счетъ. Сейчасъ же послѣдовалъ арестъ и требованіе крупнаго выкупа. Съ величайшими трудностями удалось

женѣ его собрать нужныя деньги и освободить А. О. послѣ нѣскольких недѣль сидѣнія въ тюрьмѣ. Когда въ Одессу пришло извѣстіе о побѣдѣ бѣлыхъ и о разстрѣлахъ рабочихъ гдѣ-то въ районѣ Харькова — люди круга А. О. поспѣшили покинуть свои квартиры и скрыться. А. О. наотрѣзъ отказался послѣдовать ихъ примѣру.

Въ безоблачный іюньскій день, когда окрестности Одессы полны солнечной зеленой тишины и благодати, а городъ съ перерѣзаннымъ телефоннымъ сообщеніемъ и смутными слухами былъ какъ потревоженный муравейникъ, — на квартиру А. О. явилось двое молодыхъ людей съ мандатомъ ЧК на арестъ, въ качествѣ заложника отъ буржуазіи.

Черезъ день, жена А. О., мучимая безпокойствомъ, побѣжала съ утра къ ЧК, въ надеждѣ увидѣть арестованныхъ, когда ихъ поведутъ на работу. Купивъ по дорогѣ газету, она, подъ новой рубрикой — «Красный терроръ» прочла: «Аронъ Шацъ, спекулянтъ, разстрѣлянъ».

Только черезъ шесть недѣль, по уходѣ большевиковъ, тѣло А. О. было найдено на христіанскомъ кладбищѣ въ одномъ гробу съ китайцемъ и предано погребенію на одесскомъ еврейскомъ кладбищѣ.

Ц.

III. Убитые въ 1919 году

Разстрѣлянные въ Москвѣ по дѣлу Національнаго Центра

ТРАГЕДІЯ НЕОПАЛИМОВСКАГО ПЕРЕУЛКА

. . . . «Всероссійская Чрезвычайная Комиссія разгромила враговъ рабочихъ и крестьянъ еще разъ» . . . — такъ начиналось въ «Извѣстіяхъ» (№ 211, отъ 23 сентября 1919 г.) сообщеніе о разстрѣлѣ 67 лицъ, съ Николаемъ Николаевичемъ Щепкинымъ во главѣ. Озаглавленное — «Заговоръ шпіоновъ Антанты и Деникина», оно гласило: «. . . Сейчасъ, когда орды Деникина пытаются прорваться къ центру Совѣтской Россіи, шпіоны Антанты и казацкаго генерала готовили возстаніе въ Москвѣ». . . и такъ далѣе, все выше поднимая тонъ, развертывалось сообщеніе, заканчивавшееся роковыми словами: «Отражая бѣшеный натискъ врага, Всероссійская Чрезвычайная Комиссія приговорила къ разстрѣлу слѣдующихъ шпіоновъ и измѣнниковъ, приговоръ надъ коими въ исполненіе приведенъ», и далѣе, петитомъ, начинался тотъ страшный списокъ 67-ми (въ дѣйствительности ихъ было больше), въ которомъ было столько знакомыхъ, дорогихъ именъ...

И тутъ же рядомъ, въ наклеенной на томъ же углу ули-

цы, [1]) «Правдѣ» (201), въ статьѣ подъ заглавіемъ «Кто заговорщики?» Е. Преображенскій говорилъ: «Недавно въ Москвѣ раскрыта Всероссійской Чрезвычайной Комиссіей бѣлогвардейская организація, такъ называемый «Національный Центръ». Захваченные при обыскахъ документы... раскрываютъ гнусную картину шпіонства въ пользу Деникина, Юденича и Колчака съ одной стороны, и даютъ цѣлый рядъ указаній на предполагавшееся возстаніе противъ Совѣтской власти, съ другой»...

23-го сентября узнала Москва о гибели ряда лучшихъ представителей своей интеллигенціи, узнала, что, безъ суда и слѣдствія, погибли они въ темныхъ подвалахъ застѣнковъ Лубянки. Точныхъ датъ смерти ихъ никто не знаетъ. Кровавая расправа творилась тайно, подъ покровомъ ночи. И только когда въ двухъ братскихъ могилахъ на Калитниковскомъ кладбищѣ нашли вѣчный покой замученныя жертвы большевицкихъ палачей, послѣдніе объявили о «ликвидаціи заговора».

28-го августа, въ 10 часовъ вечера, въ домѣ Н. Н. Щепкина раздался настойчивый звонокъ. Открывать дверь пошелъ самъ Николай Николаевичъ. Ватага чекистовъ, подъ предводительствомъ тогдашняго начальника Особаго Отдѣла ВЧК, Павлуновскаго [2]), ввалилась въ сѣни. Николай Николаевичъ не растерялся и, быстро обернувшись, успѣлъ крикнуть въ столовую условное слово предупрежденія, пока передняя медленно наполнялась входившими съ опаской чекистами. Это дало возможность скрыться человѣку, пріѣхавшему изъ-за кордона и сидѣвшему въ тотъ вечеръ у Н. Н.: черезъ внутреннія комнаты, онъ выскочилъ на террассу съ противоположной парадному стороны дома; на дворѣ, изъ-за угла, уже появились чекисты. Револьверный выстрѣлъ заставилъ ихъ прі-

---

1) Почти не поступавшія въ тотъ годъ въ розничную продажу газеты («Извѣстія» и «Правда») расклеивались по стѣнамъ на улицахъ.

2) Оффиціально онъ именовался замѣстителемъ представителя Особаго Отдѣла.

остановиться. Еще секунда... высокій заборъ позади. Крики, погоня, выстрѣлы... Непроглядная тьма, окутывавшая въ тотъ годъ по ночамъ московскія улицы, поглотила и не выдала человѣка... Въ домѣ, между тѣмъ, шелъ повальный обыскъ, переворачивали все вверхъ дномъ, обшаривали дворъ, но главное вниманіе было сосредоточено на кабинетѣ Николая Николаевича. Скрыть, припрятать ничего не удалось...

Часа въ два ночи Н. Н. Щепкина увезли подъ сильнымъ конвоемъ. До послѣдней минуты онъ сохранялъ полное самообладаніе и, прощаясь со своими, зная, что идетъ на вѣрную смерть, подбадривалъ ихъ, думалъ только о нихъ. Съ Николаемъ Николаевичемъ арестованы были два зятя — С. Д. Лагучевъ и Б. Н. Шипковъ, но увезенъ съ нимъ былъ только первый, такъ какъ Б. Н. Шипковъ, отъ потрясенія, потерялъ сознаніе, и привести въ себя его удалось лишь подъ утро; тотчасъ онъ былъ отправленъ въ тюрьму. Не надолго была арестована и вся прислуга. Увозили на Б. Лубянку, домъ № 2 (Страховое Общество «Россія»), незадолго до того занятый Особымъ Отдѣломъ ВЧК. Помѣщавшаяся во дворѣ гостиница была наспѣхъ приспособлена подъ тюрьму — остатки кое-какой мебели въ нѣкоторыхъ камерахъ свидѣтельствовали объ этомъ. Въ щепкинскомъ домѣ въ Неопалимовскомъ переулкѣ осталась засада.

Первые дни домашніе приходили въ полное отчаяніе отъ безконечнаго количества попадавшихъ въ нее людей, — казалось, всѣ ослѣпли: ни условный знакъ, предупреждавшій объ опасности, ни мелькавшія въ окнахъ фигуры чекистовъ, въ большомъ количествѣ наводнявшихъ домъ, — ничто не помогало, — люди шли, да шли.

Среди попавшихъ въ засаду былъ профессоръ Александръ Александровичъ Волковъ, извѣстный математикъ, зашедшій перваго сентября на минутку къ Николаю Николаевичу.

Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, чего многіе не понимали, понялъ и то, что погибъ — у него въ карманѣ были шифрованные документы. «Александръ Алексан-

дровичъ былъ очень молчаливъ и спокоенъ» — вотъ подлинныя слова очевидца, по разсказу котораго я передаю все это. Спокойно подвергся онъ первому опросу, производившемуся на мѣстѣ, при задержанiи, спокойно высидѣлъ весь день, ни на минуту не проявивъ и тѣни слабости, и такъ же спокойно, простившись съ остававшимися, пошелъ, когда ночью его взяли для отправки въ Особый Отдѣлъ. Арестованныхъ за день въ засадѣ по ночамъ перевозили въ тюрьму.

Обыскъ, произведенный на квартирѣ у А. А. Волкова, былъ настолько незначителенъ, что совершенно успокоилъ домашнихъ: «Развѣ такъ обыскиваютъ, если что-нибудь серьезное?», «Да и съ собой-то у него ничего не было», — добавляли они. Вѣрно, чтобы совсѣмъ «усыпить» ихъ, большевики по знакомству передавали, что Александръ Александровичъ вотъ-вотъ будетъ освобожденъ, такъ что уже даже передачъ не дѣлали; попытались раза два — не приняли. Успокоились на томъ, что «не нынче-завтра онъ долженъ вернуться, такъ Троцкiй сказалъ»...

Самъ же Александръ Александровичъ хорошо зналъ, что «уликъ» при немъ довольно и что онъ обреченъ.

Что пережили въ роковое утро 23-го сентября близкiе, такъ слѣпо вѣрившiе, на основанiи словъ Троцкаго, въ его скорое освобожденiе? И онъ самъ, не получая ничего отъ своихъ, что передумалъ онъ за долгiе дни и ночи томительнаго ожиданiя разстрѣла во внутренней тюрьмѣ Особаго Отдѣла?

За нѣкоторое время до катастрофы у Николая Николаевича появилась какая-то дама, передавшая ему рядъ порученiй изъ Сибири. По ея словамъ, все это просилъ ее сообщить Н. Н. Щепкину нѣкiй офицеръ Крашенинниковъ, арестованный въ Вяткѣ, привезенный въ Москву и сидящiй нынѣ въ Особомъ Отдѣлѣ съ ея мужемъ, тоже офицеромъ. Николай Николаевичъ, захваченный значительностью сообщенiй, не обратилъ вниманiя на болѣе, чѣмъ странный способъ передачи. Дама просила денегъ для Крашенинникова, который очень нуждался, не имѣя

въ Москвѣ близкихъ. Н. Н. обѣщалъ прислать ей денегъ, и обѣщаніе свое исполнилъ.

Въ дѣйствительности, въ камеру къ Крашенинникову былъ подсаженъ «офицеръ» провокаторъ, сумѣвшій быстро завоевать его довѣріе; когда же «офицеръ» повѣдалъ ему, что имѣетъ свиданія съ женой, которая берется кому что надо передать, Крашенинниковъ разсказалъ ему все, съ чѣмъ былъ посланъ, и просилъ сообщить по тѣмъ двумъ адресамъ, которые онъ такъ старательно заучилъ наизусть. Это были адреса Н. Н. Щепкина и А. Д. Алферова. [1]).

Провокаторъ сдѣлалъ свое дѣло. Нить была въ рукахъ чекистовъ. Они направились по обоимъ адресамъ.

Не заставъ Александра Даниловича Алферова на московской квартирѣ, чекисты бросились въ подмосковное мѣстечко Горки, гдѣ помѣщалась лѣтняя колонія гимназіи Алферовыхъ.

Александра Самсоновна Алферова, встрѣтившая ихъ, отказалась указать, гдѣ находится Александръ Даниловичъ, и только страхъ за дѣтей, подъ угрозой чекистовъ не оставить камня на камня во всей колоніи, заставилъ ее уступить. Отпустить же арестованнаго мужа одного она рѣшительно отказалась, и настояла на томъ, чтобы взяли и ее, хотя ордеръ былъ только на арестъ Александра Даниловича.

Два мѣсяца сидѣла засада въ щепкинскомъ домѣ. Первое время безконечные аресты, часто совершенно ни къ чему не причастныхъ, людей, масса чекистовъ, повторные обыски — все это держало домашнихъ въ страшномъ нервномъ напряженіи. Потомъ потянулись томительно длинные дни взаперти, когда такъ мучительно хотѣлось помочь чѣмъ-то своимъ, тамъ, въ тюрьмѣ. «Геня (Евгенія Николаевна — старшая дочь Николая Николае-

[1]) В. А. Розенбергъ, авторъ статьи, посвященной помяти Алферовыхъ, считаетъ мало вѣроятнымъ, чтобы А. Д. Алферовъ далъ свой адресъ для конспиративныхъ явокъ. — **Ред.**

вича) насъ освободила бы навѣрное» — говорилъ своимъ сокамерникамъ мужъ ея, С. Д. Лагучевъ, — «видно, ничего сдѣлать не можетъ... арестована или больна», — добавлялъ онъ съ тоской. Евгенія Николаевна [3]) рвалась помочь, а ее подъ конвоемъ водили на Смоленскій рынокъ, гдѣ она часами ждала случая продать что-либо изъ вещей на одномъ концѣ площади, и на вырученныя деньги закупала въ другомъ скудные продукты, чтобы кое-какъ прокормить сидѣвшихъ взаперти дѣтишекъ и домашнихъ.

Все шире развертывались щупальцы ЧК, аресты продолжались. Человѣкъ, такъ счастливо спасшійся изъ дома Николая Николаевича, прыгая черезъ заборъ, обронилъ бумажникъ. По адресу, найденному въ немъ, была отправлена свора чекистовъ — тамъ надѣялись дождаться бѣжавшаго, но онъ, какъ въ воду канулъ въ ту темную августовскую ночь. Другіе попали въ засаду, и среди нихъ молоденькая учительница, Марія Александровна Якубовская, посланная туда предупредить о грозящей опасности. Сокамерницы ея по Бутырской тюрьмѣ (арестованныхъ по этому дѣлу женщинъ и часть мужчинъ перевели въ Бутырки изъ внутренней тюрьмы Особаго Отдѣла), передавали, какъ бодро переносила она заключеніе, ни минуты не думая о роковой развязкѣ и радуясь, что арестована именно она, а не близкіе, которымъ, навѣрно, пришлось бы плохо. На слѣдствіи она не скрывала своего глубокаго презрѣнія къ чекистамъ; разъяренный слѣдователь сталъ грозить ей за «вызывающій» тонъ отвѣтовъ. Въ анкетѣ она указала, что состоитъ членомъ партіи Народной Свободы. Этого, въ связи съ «тономъ», оказалось достаточно. Въ неурочный часъ вызвали ее однажды: «по городу съ вещами» изъ Пугачевской башни, гдѣ она сидѣла. Весело простившись съ товарками по заключенію, — «вѣрно, освободятъ», — беззаботно пошла она... на разстрѣлъ...

---

3) Умерла въ 1922 году. Подорванный организмъ не выдержалъ первой болѣзни.

О чекистскомъ «слѣдствіи» и допросахъ въ Москвѣ шепотомъ передавали другъ другу; неизвѣстно, откуда ползли слухи о томъ, какъ ведутъ себя чекисты, какъ держатся заключенные. Утверждали, что допросы Николая Николаевича — можетъ быть, и нѣкоторыхъ другихъ — происходятъ въ роскошно обставленномъ кабинетѣ, что его угощаютъ фруктами и т. д., обходятся очень вѣжливо въ надеждѣ получить отъ него цѣнныя указанія и перечень именъ, но такъ и не могутъ ничего добиться — Николай Николаевичъ молчитъ о «сообщникахъ» и обо всемъ, что можетъ кого-либо скомпрометировать. Допрашивающіе, ничего не добившись, выходятъ, подчасъ, изъ себя, и вотъ, при какой-то грубой выходкѣ и угрозѣ револьверомъ, Николай Николаевичъ, якобы, всталъ и направился къ двери. Чекисты всполошились: «Куда? Почему?». — «При такихъ формахъ допроса — послѣдовалъ отвѣтъ — я отказываюсь отвѣчать. Стрѣляйте въ спину, если хотите, а я больше здѣсь не останусь и ничего вамъ не скажу»... Вокругъ него суетились члены коллегіи, самъ Павлуновскій бросился за нимъ съ извиненіями, умоляя вернуться...

Много слуховъ было о выстрѣлахъ въ спину, особенно въ связи съ арестованными офицерами. Передавали, что, допросивъ, слѣдователь бросаетъ: «идите»; допрошенный поворачивается къ выходу и падаетъ, сраженный пулей въ затылокъ. Въ частности, много говорили о генералѣ Сергѣ Алексѣевичѣ Кузнецовѣ, державшемся на допросахъ съ большимъ достоинствомъ. Когда слѣдователь произнесъ свое «идите», С. А. Кузнецовъ не тронулся съ мѣста: «Стрѣляйте спереди, не хочу быть убитымъ въ затылокъ», — сказалъ онъ рѣшительно... Такъ говорили въ Москвѣ...

То немногое, что попало въ совѣтскую печать изъ допросовъ Н. Н. Щепкина, подтверждаетъ эти слухи. Въ своемъ «Докладѣ Комитету Обороны гор. Москвы о военномъ заговорѣ» Каменевъ пишетъ («Извѣстія» № 228, отъ 12-го октября 1919 года): «Очень скупой на имена, конкретные факты, даты и цифры, глава московской груп-

пы Національнаго Центра широко и обстоятельно описалъ исторію и дѣятельность контръ-революціонной организаціи стилемъ политическаго дѣятеля, выполняющаго свой долгъ передъ своимъ классомъ»... Не передъ «своимъ классомъ», а передъ *родиной*, считалъ Николай Николаевичъ долгомъ описать и объяснить работу своей организаціи.

Въ неминуемой гибели онъ былъ увѣренъ еще задолго до ареста, и въ этомъ предчувствіи былъ какой-то фатализмъ. Потому и хранилъ онъ, вѣрно, дома все то, что способствовало его гибели.

«Чувствую, что кругъ сжимается все уже и уже, — сказалъ онъ мнѣ при встрѣчѣ за нѣсколько дней до ареста, — чувствую, что мы погибнемъ, но это неважно, я давно готовъ къ смерти, жизнь мнѣ недорога, только бы дѣло наше не пропало»...

Жутко становилось отъ той глубокой искренности, съ которой онъ говорилъ: «Я готовъ къ смерти, пожилъ уже довольно».

То, что это были не слова, Николай Николаевичъ доказалъ всѣмъ своимъ поведеніемъ и на допросахъ, и въ тюрьмѣ въ ожиданіи разстрѣла. Сотоварищи по заключенію изумлялись спокойной бодрости и ясности духа его. Несмотря на ужасныя, какъ мы увидимъ ниже, условія заключенія, онъ написалъ въ Особомъ Отдѣлѣ продолженіе своихъ воспоминаній, къ сожалѣнію, уничтоженныхъ тѣми, кому онъ ихъ передалъ передъ смертью, уничтоженныхъ въ виду грозившаго обыска.

Николай Николаевичъ не зналъ страха смерти, и не пугали его ужасы чекистскихъ застѣнковъ.

Въ первой половинѣ августа по Мясницкой, въ направленіи Лубянской площади, несся большой открытый грузовикъ подъ охраной чекистовъ — мелькнуло нѣсколько знакомыхъ лицъ, кто-то раскланялся даже. Это изъ Петербурга привезли группу лицъ, арестованныхъ, главнымъ образомъ, на квартирѣ Вильгельма Ивановича

Штейнингера, привезли и его самого съ семьею. Вѣрно, чекистамъ надо было установить связь этой группы съ Москвою, и, когда связь была установлена, ихъ почти всѣхъ разстрѣляли.

В. И. Штейнингеръ, его братъ, Петръ Васильевичъ Грековъ [4]), и рядъ другихъ лицъ, примыкавшихъ къ петербургской организаціи, были арестованы послѣ провала курьера, ѣхавшаго отъ В. И. Штейнингера къ генералу Юденичу.

Больше мѣсяца просидѣли въ Москвѣ петербуржцы, нѣсколько меньше — москвичи. Но дольше всѣхъ пробылъ въ Особомъ Отдѣлѣ Николай Александровичъ Огородниковъ, арестованный еще въ мартѣ на своей квартирѣ въ Москвѣ, куда онъ вернулся изъ временной отлучки. Николай Александровичъ увидалъ, что вся его квартира ярко освѣщена. Зная, что дома никого нѣтъ, онъ рѣшилъ, что тамъ идетъ обыскъ; мысль, что въ его присутствіи все скорѣе выяснится, заставила его подняться къ себѣ. Роковой шагъ — полгода въ застѣнкѣ Особаго Отдѣла, подъ еженощной угрозой разстрѣла, съ твердымъ сознаніемъ съ первыхъ же дней заключенія, что живымъ онъ оттуда не выйдетъ.

Съ петербуржцами былъ привезенъ сынъ его, студентъ Александръ Николаевичъ Огородниковъ, арестованный въ засадѣ на квартирѣ Штейнингера, къ которому онъ былъ присланъ Н. Н. Щепкинымъ. Александръ Николаевичъ былъ одной изъ тѣхъ нитей, которыя давали чекистамъ возможность связать Москву съ Петербургомъ.

И отецъ и сынъ были увѣрены въ неизбѣжности разстрѣла, — спокойно пошли оба навстрѣчу смерти...

Мало кто уцѣлѣлъ изъ всѣхъ арестованныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и все-же, по отрывкамъ разсказовъ, можно отчасти возстановить ту кошмарную обстановку,

---

[4]) Извѣстный членъ государственной Думы, Петръ Васильевичъ Герасимовъ, не опознанный чекистами и разстрѣлянный подъ фамиліей Грекова. Только черезъ годъ, на процессѣ Тактическаго Центра, чекисты узнали, что это былъ П. В. Герасимовъ.

въ которой провели свои послѣдніе дни обреченные во внутренней тюрьмѣ Особаго Отдѣла ВЧК.

Тюрьма была поставлена на военную ногу. Въ каждой камерѣ около двери сидѣлъ солдатъ съ винтовкой; по корридорамъ все время шныряли чекисты и чекистки, главнымъ образомъ, латыши; они злобно натравливали солдатъ на заключенныхъ, разжигая въ нихъ ненависть къ «шпіонамъ» и «предателямъ» — атмосфера была жутко напряженная — угроза поголовнаго избіенія висѣла въ воздухѣ. Ночные допросы изводили въ конецъ, ни днемъ, ни ночью люди не имѣли ни минуты покоя.

Далеко не всѣ могли такъ бодро и спокойно ждать неизбѣжнаго конца, какъ Николай Николаевичъ, и моральная пытка была, можетъ быть, часто не меньшей для сидѣвшихъ съ обреченными сокамерниковъ.

Приближеніе развязки ощущалось во всемъ настроеніи тюрьмы...

Наступили жуткія ночи — на дворѣ неистово шумѣлъ автомобиль — всѣмъ было ясно, что казнятъ тутъ-же, въ подвалахъ этого каменнаго мѣшка. Почти всѣ считали себя обреченными. Но за кѣмъ чередъ сегодня? — До крайности напряженные нервы безошибочно подсказывали, чья очередь... Было что-то въ поведеніи стражи, чего не удалось бы передать словами, но что ясно чувствовалось всѣми въ этой сгущенной атмосферѣ, пропитанной дыханіемъ смерти. Нѣкоторыхъ за нѣсколько дней до казни переводили въ особую камеру (камеру смертниковъ). На разстрѣлъ брали ночью, какъ и на допросъ, но приходили брать совсѣмъ иначе, какъ-то крадучись, большой толпой, старательно заглушая шаги, вызывали просто по фамиліи, «безъ вещей»... Настроеніе палачей передавалось жертвамъ, и вызванный зналъ, что пришелъ его часъ испить чашу страданій до дна...[5]).

П. Мельгунова-Степанова

---

[5]) Въ спискѣ разстрѣлянныхъ по дѣлу «Національнаго Центра» упоминается членъ партіи Народной Свободы баронъ А. А. Штромбергъ, принимавшій участіе въ комиссіи по выработкѣ закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе. Другихъ свѣдѣній о баронѣ Штромбергѣ Редакція не имѣетъ. — **Ред.**

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЩЕПКИНЪ

Въ Москвѣ, въ Хамовникахъ, на углу Неопалимовскаго и Трубнаго переулковъ, есть небольшой домикъ-особнякъ, съ небольшимъ московскимъ дворикомъ и садомъ. Такихъ домиковъ по Москвѣ много. Но этотъ особенный. Небольшой, приземистый, крѣпкій, съ большими окнами, которыя то, казалось, весело смѣялись, то сурово и гнѣвно хмурились, но всегда зорко вглядывались въ окружающее. Этотъ домикъ какъ бы отражалъ черты и настроенія своего хозяина.

Здѣсь жилъ и работалъ Н. Н. Щепкинъ. Здѣсь же онъ былъ захваченъ съ явными уликами, «съ поличнымъ», не оставлявшимъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ въ дѣятельной, непримиримой борьбѣ съ совѣтской властью. Изъ этого домика онъ былъ взятъ на Лубянку и черезъ нѣсколько дней убитъ вмѣстѣ съ другими, обвиненными въ заговорѣ противъ власти.

Имя Щепкиныхъ — славное русское имя. Русскіе люди имѣютъ всѣ основанія гордиться этимъ именемъ. Среди лицъ, носившихъ его, были совершенно исключительные по своимъ дарованіямъ и талантамъ люди.

Знаменитый русскій актеръ Мих. Сем. Щепкинъ прославилъ это имя и поставилъ на ряду съ наиболѣе дорогими для Россіи и блестящими именами. М. С. Щепкинъ былъ роднымъ дѣдомъ Н. Н. Щепкина. Въ своихъ запискахъ «Изъ раннихъ воспоминаній» [1]), Н. Н. Щепкинъ, разсказывая о происхожденіи ихъ рода, говоритъ: «Сами то мы стали свободными людьми еще недавно, такъ какъ дѣдъ былъ крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ графа Волькенштейна и получилъ свободу по выкупу,

[1]) Напечатаны въ журналѣ «На чужой сторонѣ», вып. 2-ой. Вводныя странички къ этимъ интереснымъ и, къ сожалѣнію, въ самомъ началѣ прерваннымъ, воспоминаніямъ помѣчены — «Москва, 18-31 іюля 1919 года», т. е. за мѣсяцъ съ небольшимъ до гибели Н. Н. Щепкина.

внесенному за него почитателями его артистическаго таланта».

Отецъ Н. Н., Николай Михайловичъ Щепкинъ, былъ однимъ изъ первыхъ и лучшихъ мировыхъ судей по введенiи мирового суда въ Москвѣ, былъ гласнымъ Московской Общей Думы по Положенiю 1862 года, гласнымъ Московскаго губернскаго земскаго Собранiя и членомъ Московской губернской земской Управы. Просвѣщенный и культурный человѣкъ своего времени, близкiй къ кругамъ Грановскаго, Герцена, Огарева, Станкевича, Кетчера, въ перiодъ реформъ Александра II онъ всецѣло посвятилъ себя общественной дѣятельности.

Мать Н. Н., Александра Владимiровна, происходила изъ извѣстной семьи Станкевичей, съ именемъ которой связанъ философско-литературный кружокъ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Дядя Н. Н., Петръ Мих. Щепкинъ, былъ однимъ изъ первыхъ товарищей предсѣдателя Московскаго Окружного Суда въ пору открытiя новыхъ судовъ. Другой дядя, Дмитрiй Мих., — извѣстный египтологъ. Наконецъ, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, двоюродный дядя Н. Н., — талантливый ученикъ Грановскаго, насадитель основъ самоуправленiя въ Россiи, одинъ изъ создателей славныхъ традицiй Московской городской Думы, авторъ монументальнаго труда «Общественное хозяйство гор. Москвы въ 1863-1898 г.г.», былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ.

Вотъ среда, въ которой выросъ Н. Н. Щепкинъ. По его словамъ, домъ его отца былъ полонъ разговоровъ объ общественныхъ дѣлахъ. Здѣсь были заложены основы его тяготѣнiя, сначала къ общественной работѣ, а затѣмъ и къ политической дѣятельности. Здѣсь безсознательно укрѣплялось, какъ онъ говорилъ, его свободолюбiе.

Продолжая традицiи своей семьи, Н. Н. Щепкинъ [2]) по окончанiи физико-математическаго факультета Мо-

---

2) Родился 7 мая 1854 года, убитъ большевиками въ ночь на 15-ое сентября 1919 года (стар. стиля).

сковскаго Университета вскорѣ былъ избранъ мировымъ судьей города Москвы и гласнымъ Московской городской Думы. Тутъ началась его общественная работа, естественно перешедшая въ политическую.

На своемъ посту, въ своемъ родномъ городѣ, вѣрный культурнымъ и свободолюбивымъ традиціямъ своей славной семьи, Н. Н. и кончилъ трагически свои дни.

Наблюдая эту жизнь, можно сказать, что она была до краевъ заполнена обильнымъ, разнообразнымъ и интереснымъ содержаніемъ, искрилась и сверкала талантомъ, которымъ былъ съ избыткомъ надѣленъ Н. Н. Щепкинъ.

Это была весьма своеобразная натура, не укладывавшаяся для своего истолкованія и пониманія ни въ одну изъ обычныхъ схемъ. Онъ былъ, какъ бы сотканъ изъ контрастовъ и противорѣчій: веселость и порывы гнѣва, повышенная чувствительность, нерѣдко выражвшаяся въ едва скрываемыхъ слезахъ, ласковость и доброта и безпощадное обличеніе противниковъ — смѣнялись въ немъ быстро, но не измѣняли его основного существа.

Ярко выраженной чертой его характера была дѣятельная подвижность, острая впечатлительность и быстрое, немедленное реагированіе на все, что окружало его и попадалось ему на глаза. Эта черта сохранилась въ немъ до самаго конца. Въ свои 65 лѣтъ, когда онъ погибъ, онъ былъ такой же живой, подвижной и впечатлительный, какъ и въ молодые и зрѣлые годы. Такъ же, если не больше, и во всякомъ случаѣ, съ абсолютнымъ для себя рискомъ, отзывался онъ на все, что творилось вокругъ него.

Эти свойства дѣлали его незамѣнимымъ и интереснымъ и въ бесѣдѣ и въ личныхъ сношеніяхъ и, еще больше, въ общей работѣ. Онъ былъ ярокъ и блестящъ, и всегда внезапенъ въ выраженіи своихъ мыслей и впечатлѣній, въ обнаруженіи ускользавшаго иногда для другихъ пониманія смысла вещей и явленій. Тутъ онъ обнаруживалъ способность, наряду съ разработкой деталей и подробностей предмета, схватывать и все его существо въ цѣломъ. Въ работѣ съ другими, подавая яркія реплики, схватывая чужую полезную мысль и отбрасывая острой

шуткой или саркастическимъ замѣчаніемъ вредную, путанную чужую мысль, онъ, на глазахъ у собесѣдниковъ, или членовъ совѣщанія, творилъ и создавалъ, приводилъ къ точному разрѣшенію иногда очень сложный вопросъ. Наблюдать Щепкина въ общей работѣ, участвовать съ нимъ въ этой работѣ, было большимъ наслажденіемъ. Но иногда работа эта не клеилась. Праздная болтовня, тупое сопротивленіе мѣшали. Тогда онъ становился рѣзокъ до нестерпимости. Порывъ, который не былъ использованъ для творческой работы, обращался въ раздраженіе, выливался въ обличенія, критику и бичеваніе тѣхъ, кто, по его мнѣнію, своекорыстно использовалъ общественное дѣло въ своихъ интересахъ, или не понималъ его смысла. Но и тутъ, послѣ его шумныхъ восклицаній и гнѣвныхъ выпадовъ, наступало состояніе, близкое къ радости. Сознавалось появленіе новой мысли, новаго пониманія, казавшагося неразрѣшимымъ, положенія. Эта способность творчества, которой былъ надѣленъ Н. Н. Щепкинъ, была особенно дорога въ немъ.

Гдѣ былъ Щепкинъ, тамъ или раздавался громкій дружный смѣхъ, отвѣчавшій на его остроумныя и неожиданныя шутки, на мѣткія, часто колючія, замѣчанія, или водворялась глубокая тишина, среди которой звенѣлъ его голосъ, полный гнѣва и страстнаго обличенія.

Всѣ знали его талантливость, цѣнили его живость и изумительную трудоспособность. Его шутокъ, ироніи и сверкающихъ сарказмовъ боялись. А на его гнѣвныя филиппики не многіе умѣли отвѣчать.

Та же неудержимая подвижность часто дѣлала его труднымъ въ личныхъ отношеніяхъ. Онъ казался иногда заносчивымъ, несдержаннымъ, внѣ общеобязательной дисциплины. Можетъ быть поэтому въ числѣ окружавшихъ его было немного такихъ, кто любилъ его по настоящему. Съ нимъ рѣдко и трудно сближались. Да и онъ самъ, будучи очень общительнымъ, рѣдко допускалъ постороннихъ въ свой интимный міръ.

Пылкій и увлекающійся, вѣрный своимъ свободолюбивымъ идеаламъ, онъ, не колеблясь, приносилъ въ жерт-

ву своимъ идеямъ личныя выгоды и безъ сожалѣнія рвалъ стародавнія личныя отношенія. Когда, послѣ 1905-го года, волна реакціи, казалось, затопляла освободительное движеніе, онъ, среди небольшой группы лицъ, въ Московской городской Думѣ остался вѣрнымъ освободительнымъ идеямъ. Съ непривычной для того времени рѣзкостью, онъ демонстративно порвалъ старыя дружескія отношенія съ людьми, которые стали во главѣ попятнаго движенія.

Это былъ смѣлый, рѣшительный и боевой человѣкъ. Онъ не оставался покорно-равнодушнымъ при попраніи того, что было ему дорого, чему онъ вѣрилъ и чему служилъ. А служилъ онъ только тому, во что вѣрилъ. Онъ былъ изъ тѣхъ, кто смѣло, не оглядываясь назадъ и не озираясь по сторонамъ, вступалъ въ бой, даже неравный, если нужно было встать на защиту попраннаго идеала. Онъ самъ нападалъ, когда этого требовало дѣло, которому онъ вѣрилъ. А идеаломъ Щепкина, какъ онъ неоднократно говорилъ, какъ писалъ въ своихъ «Раннихъ воспоминаніяхъ», и какъ засвидѣтельствовалъ своей жизнью и смертью — было общественное благо, право и свобода. Этому идеалу и была посвящена его жизнь. За него же онъ и отдалъ ее. Подъ общественнымъ благомъ онъ разумѣлъ не отвлеченную, теоретическую схему. Это понятіе было заполнено для него живымъ, реальнымъ содержаніемъ, которое выражалось имъ въ его работѣ при выработкѣ программы партіи Народной Свободы, въ его работѣ въ Московской городской Думѣ и, впослѣдствіи, въ двухъ государственныхъ Думахъ.

Опредѣляя основное содержаніе своихъ устремленій и говоря о «своихъ истинныхъ учителяхъ и наставникахъ изъ народа», Щепкинъ говоритъ: «Имъ я обязанъ самыми свѣтлыми и теплыми воспоминаніями о моемъ дѣтствѣ и тѣми основами свободолюбія, которыя руководили мной всю остальную жизнь. Тутъ же, очевидно, я получилъ демократическіе навыки, развившіеся постепенно въ убѣжденія и глубокую привязанность и любовь къ народу, къ которому я принадлежу, выдержавшія испытанія

даже нашей великой революціи, когда выявились всѣ ужасы психологіи и душевнаго уродства, какъ русскихъ низовъ и интеллигенціи, такъ и правящихъ слоевъ, всѣ ужасы наслѣдія вѣкового рабства и рабовладѣнія и общаго безправія».

Эти строки лучше всего выражаютъ существо внутренняго строя Н. Н. Щепкина. Въ нихъ его пониманіе Россіи. Въ нихъ объясненіе смысла его жизни до его послѣднихъ дней. На протяженіи многихъ лѣтъ нашихъ соприкосновеній и совмѣстной работы въ области общественной и политической — эти мысли, въ разной формѣ и по разнымъ поводамъ, неизмѣнно имъ выражались.

«Я жилъ всегда, — говорилъ Щепкинъ, — настоящимъ для будущаго, не придавая большой цѣны тому, что было сдѣлано мною въ прошломъ». Это отношеніе къ прошлому и будущему особенно сближало его съ молодежью, которая тоже, въ общемъ, мало интересуется прошлымъ. Это исканіе лучшаго будущаго въ работѣ настоящаго, этотъ естественный демократизмъ, были причиной того, что Щепкинъ былъ неизмѣннымъ другомъ слагавшейся въ началѣ освободительнаго движенія городской демократіи (торговые служащіе, приказчики и тому под.).

Когда Щепкинъ, избранный отъ города Москвы по первой куріи въ 3-ю государственную Думу, уѣзжалъ въ Петербургъ, на Николаевскомъ вокзалѣ собралась проводить его громадная толпа народа. Проводы были шумны и сердечны. Перронъ былъ полонъ молодежи и «городской демократіи».

«А гдѣ же твои избиратели, Щепкинъ? — обратился къ нему одинъ изъ его пріятелей. — Вѣдь, это 2-ая курія пришла провожать тебя, избраннаго по 1-ой куріи домовладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ»...

Н. Н. Щепкинъ принадлежалъ къ тому теченію въ русскомъ прогрессивномъ обществѣ конца прошлаго столѣтія, которое, опираясь на поколѣніе, осуществлявшее въ жизни реформы Александра II, проносило черезъ эпоху реакціи освободительныя идеи, органически связанныя

съ основой реформъ 60-хъ годовъ. Это теченіе, увлекая за собой все новые и новые элементы изъ разныхъ слоевъ и классовъ, росло, оформливалось и начинало создавать внушительную соціально-политическую силу. Въ прогрессивной работѣ русскихъ земствъ и городскихъ самоуправленій большихъ центровъ, среди просвѣщеннаго купечества и среди земскаго и городского, такъ называемаго, «третьяго элемента» отрабатывались живыя, активныя силы, которыя образовывали категорію новыхъ людей, съ новыми настроеніями и устремленіями. Это теченіе проходило между двухъ стихій, было между двумя непримиримыми началами: между старымъ самодержавіемъ и его классовымъ окруженіемъ, и происходившимъ въ странѣ революціоннымъ движеніемъ. Отъ степени напряженности развитія этихъ прогрессивныхъ элементовъ, противоборствовавшихъ въ одинаковой мѣрѣ реакціи и революціи, зависѣло мирное изживаніе и разрѣшеніе назрѣвавшаго русскаго кризиса. Это теченіе, объединявшее русскихъ либераловъ съ подлинными демократами, должно было создать среду высокаго культурнаго и политическаго вліянія на ходъ событій и на разрѣшеніе вопросовъ, которые были поставлены жизнью и не могли быть сняты съ очереди.

Земская среда была подготовительной школой для этихъ людей. Народилась и организовывалась «всесословная интеллигенція», которой должно было быть отведено мѣсто въ политической жизни страны.

На этихъ короткихъ страницахъ, посвященныхъ памяти погибшихъ, нельзя дать исчерпывающей картины яркой и исключительно содержательной жизни Н. Н. Щепкина, столь типичной для русской интеллигенціи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. По отношенію къ жизни Щепкина, можно было бы, по справедливости, сказать, что ни одинъ день ея не проходилъ празднымъ. Эта дѣятельная натура не могла оставаться безъ дѣла, искала его и находила во всемъ и повсюду. Онъ все умѣлъ

дѣлать, зналъ много ремеслъ, голова и руки были постоянно въ работѣ.

Онъ былъ вольноопредѣляющимся въ годы русско-турецкой войны. Былъ на Балканахъ, сражался въ авангардѣ у Скобелева, и вернулся въ «свою» Москву, украшеннымъ за храбрость солдатскимъ Георгіемъ, и произведенный въ офицеры. Этотъ Георгій былъ ему дорогъ, и въ особо торжественныхъ случаяхъ общественной жизни онъ охотно надѣвалъ его на свой черный сюртучекъ. Нравилось это и намъ, его сотрудникамъ и сотоварищамъ по работѣ. Въ этомъ мы видѣли сочетаніе яркой индивидуальности съ общественной солидарностью.

Н. Н. Щепкинъ былъ кореннымъ москвичемъ. Тутъ онъ росъ, учился, работалъ среди самой гущи населенія, одно время въ качествѣ мирового судьи, и непрерывно, въ теченіе около 25 лѣтъ, въ качествѣ гласнаго Московской городской Думы. Отъ Москвы онъ два раза избирался депутатомъ въ государственную Думу.

Говоря о Москвѣ, Н. Н. часто называлъ ее:

«Моя Москва»!

И онъ имѣлъ на это право гораздо большее, чѣмъ тѣ, кто связанъ съ Москвой происхожденіемъ, дѣтскими воспоминаніями, или благопріобрѣтеннымъ благосостояніемъ. Онъ много, очень много *сдѣлалъ* для Москвы, осуществляя задачу своей жизни — творить общественное благо. И онъ отдалъ Москвѣ свою жизнь въ самомъ подлинномъ и трагическомъ смыслѣ этого слова.

Его привязанность къ Москвѣ была изумительна. Онъ почти никуда не уѣзжалъ изъ Москвы, кромѣ своего маленькаго имѣньица подъ Москвой, неподалеку отъ села Тихвинскаго, Авдотьино тожъ, нѣкогда принадлежавшаго извѣстному Н. И. Новикову. Онъ не хотѣлъ уйти изъ Москвы и тогда, когда для него стало уже невозможно оставаться тамъ, когда роковое кольцо уже смыкалось около него.

Незадолго до своего ареста большевиками онъ говорилъ:

«Кругъ около меня сужается. Выходовъ и надеждъ

нѣтъ. Достаточно какому-либо генералу проговориться — и я погибъ».

И, тѣмъ не менѣе, онъ наотрѣзъ отказался покинуть «свою Москву», несмотря на просьбы друзей.

Щепкинъ великолѣпно зналъ Москву, ея прошлое, ея духъ и своеобразіе. Если каждый старый городъ отпечатлѣваетъ на себѣ прошедшія эпохи не только въ остаткахъ старины, не только въ сохранившихся названіяхъ урочищъ и улицъ, но и въ духѣ, который далеко не всѣмъ обнаруживаетъ себя, — то про Щепкина можно сказать, что онъ чувствовалъ этотъ духъ Москвы и въ своемъ служеніи городу всегда руководился ощущеніемъ этого духа. Иногда было замѣтно, что Щепкинъ какъ бы внутренне прислушивается прежде, чѣмъ высказать то или иное мнѣніе, касающееся вопроса, затрагивающаго городъ, его планировку, проведеніе улицъ, уничтоженіе частей старыхъ зданій и т. п. Казалось тогда, что онъ консультируетъ «духъ Москвы», который пребывалъ гдѣ-то въ глубинахъ его тонкой и сложной психики.

Онъ былъ своеобразнымъ мировымъ судьей. Этому дѣлу онъ отдался съ увлеченіемъ, какъ и всему, за что брался. Его живой темпераментъ дѣлалъ то, что онъ не оставался спокойно зрящимъ на правыхъ и виновныхъ; добру и злу онъ не внималъ равнодушно... Напротивъ того, онъ переживалъ каждое «дѣло». У него не было большихъ и малыхъ дѣлъ, не было, какъ обычно говорили профессіоналы судьи, дѣлъ и дѣлишекъ. Элементъ жизни въ каждомъ дѣлѣ, затронутость людей въ каждомъ процессѣ ставили его въ положеніе участника всякаго дѣла. Жизнь камеры мирового судьи была прекрасной школой для него, источникомъ познанія жизни городской народной массы. Руководителемъ его въ первыхъ шагахъ судейской дѣятельности былъ старый, маститый московскій столичный мировой судья Л. В. Любенковъ, краса Московскаго Столичнаго Мирового Съѣзда. До конца дней Любенкова, Н. Н. сохранилъ къ нему самыя нѣжныя

чувства живой симпатіи и нерѣдко забѣгалъ къ нему въ Гранатный переулокъ за совѣтомъ, но уже не по судейскимъ дѣламъ, а по дѣламъ общественнымъ, выслушивая мнѣнія старика по вопросамъ общественной этики. Мировымъ судьей онъ пробылъ съ 1883-го по 1894-ый г.

Гласнымъ Московской городской Думы Н. Н. Щепкинъ былъ около 25 лѣтъ. Изъ нихъ четыре года товарищемъ Городского Головы К. В. Рукавишникова. Гласнымъ онъ былъ и въ послѣдней Думѣ, избранной по всеобщему голосованію въ іюнѣ 1917-го года.

Перечислить все, что сдѣлано Щепкинымъ для Москвы, или при его участіи, по его иниціативѣ — нѣтъ возможности. Да едва ли это и нужно, ибо существо общественной работы, которой онъ былъ преданъ, въ томъ и состоитъ, что индивидуальная личность, отдавая свое творчество и работу на общественное благо, сливается съ иниціативой и творчествомъ другихъ. Коллективная мысль, коллективная воля создаютъ общія цѣнности, общія достоянія. Но все же, яркія индивидуальности остаются на виду, остаются руководителями, лидерами и въ общей работѣ. Ихъ участіе и иниціатива нерѣдко объясняетъ самое возникновеніе того или иного дѣла, направленіе его, и тотъ или иной исходъ. Имъ въ значительной мѣрѣ принадлежитъ и созданіе общаго направленія и характера общественной организаціи, въ которой они работаютъ.

Однимъ изъ такихъ лидеровъ въ Московской городской Думѣ долгое время былъ Н. Н. Щепкинъ.

Для Щепкина работа въ Московской городской Думѣ имѣла особое значеніе. Въ то время это была школа общественности и арена общественной дѣятельности. Сначала тутъ онъ учился общественной работѣ. Потомъ самъ находилъ нужныя слова и формулы для защиты правъ общественныхъ самоуправленій. Здѣсь онъ увлекательно разъяснялъ истинный смыслъ общественнаго служенія въ интересахъ всего населенія, а не въ угоду тому или иному привиллегированному классу. Здѣсь онъ велъ страстную борьбу съ косностью, пассивностью, невѣже-

ствомъ и равнодушіемъ, съ попытками проявленія своекорыстныхъ вожделѣній. Общественное дѣло ставило все новыя и новыя цѣли, выдвигало все новыя и новыя задачи. И Щепкинъ отдалъ себя цѣликомъ этой общественной работѣ съ увлеченіемъ и страстью. Въ тѣ времена общественная работа была стѣснена, и живыя общественныя силы имѣли весьма ограниченныя возможности для своего приложенія. Тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ отдавался Щепкинъ этой работѣ. Значительная часть его жизни ушла на нее. Вспоминая о немъ, какъ о городскомъ дѣятелѣ, нужно особенно отмѣтить его настойчивость и энергію въ дѣлѣ проведенія въ Москвѣ широкой программы муниципализаціи городскихъ предпріятій. Московскій трамвай обязанъ своимъ существованіемъ въ значительной мѣрѣ Щепкину.

Хочется тутъ же отмѣтить, что въ лицѣ Н. Н. Щепкина Московская городская Дума и Московское губернское земское Собраніе, въ составъ котораго онъ входилъ, какъ гласный г. Москвы, на протяженіи многихъ лѣтъ, имѣли одного изъ наиболѣе яркихъ по талантливости и работоспособности гласныхъ.

Къ концу русско-японской войны Московская городская Дума становится однимъ изъ центровъ политическаго движенія. Во главѣ съ С. А. Муромцевымъ, среди гласныхъ Думы образуется кружокъ, при посредствѣ котораго Дума не только откликается на событія политической жизни страны, но и сама начинаетъ принимать въ нихъ участіе.. Въ этомъ кружкѣ Щепкинъ занимаетъ центральное мѣсто.

Въ отвѣтъ на извѣстное постановленіе земскаго съѣзда 6-8 ноября 1904-го года, Московская городская Дума 30-го ноября того же года заслушала и приняла заявленіе 74-хъ гласныхъ, въ которомъ намѣчалась цѣлая политическая программа. Тутъ, между прочимъ, указывалось на необходимость огражденія личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія, отмѣны дѣйствій исключительныхъ законовъ, обезпеченіе политическихъ свободъ. Эти начала должны быть проведены въ жизнь на обезпечивающихъ ихъ не-

измѣнность незыблемыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія и т. д. Это конституціонное заявленіе было оглашено въ Думѣ Н. Н. Щепкинымъ, однимъ изъ его авторовъ, и принято почти единогласно.

Страна вступала въ полосу напряженной политической жизни. Рѣзко и непримиримо обозначились крайніе фланги въ начавшейся революціонной борьбѣ. Нужна была большая организаціонная работа, чтобы борьба была введена въ правомѣрныя формы и не вылилась въ стихійный бунтъ и гражданскую войну. Эта работа и была произведена въ теченіе 1905-го года на съѣздахъ земцевъ, Союза Освобожденія и на земско-городскихъ съѣздахъ, закончившихся возникновеніемъ партіи Народной Свообды.

На долю Н. Н. выпала большая работа по составленію предположеній Московской городской Думы «по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія» въ связи съ Высочайшимъ указомъ 18-го февраля 1905 г. При участіи другихъ гласныхъ, Щепкинымъ былъ разработанъ обширный докладъ, излагавшій начала государственнаго устройства на конституціонныхъ началахъ. Докладъ этотъ получилъ широкое распространеніе

На земско-городскихъ съѣздахъ Щепкинъ неизмѣнно избирался товарищемъ предсѣдателя и былъ активнымъ ихъ участникомъ. Такъ, на съѣздѣ 6-8 іюля онъ, вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, сдѣлалъ докладъ о проектѣ народнаго представительства, выработаннаго Булыгинымъ, въ которомъ рѣзко высказался противъ этого проекта. На томъ же съѣздѣ былъ доложенъ проектъ основного закона Россійской Имперіи, разработанный Муромцевымъ при непосредственномъ участіи Кокошкина, Щепкина и др. Муромцевъ очень цѣнилъ участіе обоихъ, и отмѣчалъ особенное значеніе участія Щепкина, вносившаго въ работу чрезвычайно цѣнныя указанія «отъ реальной жизни».

Послѣдній октябрьскій земско-городской съѣздъ совпалъ съ Учредительнымъ съѣздомъ партіи Народной

Свободы. Щепкинъ вступилъ въ партію со дня ея возникновенія, и вскорѣ былъ избранъ въ ея Центральный Комитетъ.

Съ этого времени начинается организованная политическая работа партіи, въ которой Щепкинъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе. Стремленія его укрѣпить начала гражданскихъ свободъ, равенства и соціальной справедливости, стремленіе къ реформамъ, направленнымъ къ удовлетворенію справедливыхъ требованій трудящихся классовъ — теперь находятъ для себя выходъ. Не оставляя работы въ Московскомъ городскомъ Управленіи, онъ съ головой уходитъ въ партійную жизнь и становится однимъ изъ главныхъ дѣятелей по организаціи связей между партіей и прогрессивно настроенной учащейся молодежью, торговыми служащими и приказчиками города Москвы.

Въ Московскомъ отдѣленіи партіи к.-д. онъ игралъ одну изъ первыхъ ролей. Московское отдѣленіе ЦК партіи было богато обставлено партійными силами. Достаточно упомянуть имена С. А. Муромцева, Ф. Ф. Кокошкина, Г. Ф. Шершеневича, М. Я. Герценштейна, Н. А. Каблукова, А. А. Кизеветтера, П. И. Новгородцева, В. А. Маклакова, Н. В. Тесленко, и вспомнить цѣлый рядъ другихъ именъ. . Будучи тѣсно связано съ Петербургскимъ, оно въ то же время имѣло свой оттѣнокъ, который нѣсколько отличалъ его отъ Петербургскаго. Этотъ московскій оттѣнокъ не только не мѣшалъ единству партіи, но, можетъ быть, сообщалъ ей нѣкоторую гибкость, внося въ нее непосредственные элементы отъ реальной дѣйствительности. Этотъ элементъ «отъ жизни» въ значительной степени сообщался живымъ и чуткимъ Щепкинымъ, всегда готовымъ протестовать и спорить, если мысль пріобрѣтала нѣсколько теоретически отвлеченное направленіе.

Однимъ изъ счастливѣйшихъ дней жизни Щепкина было его избраніе въ государственную Думу отъ города Москвы. Избраніе отъ Москвы было для него не только великой радостью, но и высокимъ моральнымъ удовлетвореніемъ. Онъ въ полной мѣрѣ отдавался этому чув-

Н. Н. ЩЕПКИНЪ
1854 — 1919.

ству радости, которая искрилась въ его рѣчахъ послѣ избранія. Въ этомъ избраніи онъ видѣлъ признаніе и довѣріе Москвы...

Онъ былъ въ двухъ государственныхъ Думахъ. Въ третьей по дополнительнымъ выборамъ и въ четвертой до ея конца. Въ Думѣ онъ работалъ въ комиссіяхъ финансовой и по рабочему вопросу. Въ выступленіяхъ своихъ въ общихъ собраніяхъ онъ оставался такимъ же бурнопламеннымъ и рѣзкимъ, какимъ знала его Москва. Однажды онъ подвергся даже устраненію на пять засѣданій.

Работа въ государственной Думѣ, однако, не давала ему удовлетворенія. Нерѣдко, покидая Москву, онъ уѣзжалъ на сессію Думы съ тяжелымъ чувствомъ отрыва отъ живого дѣла на дѣло томительное, нудное, не дающее результатовъ. Политическій составъ Думъ, отношеніе правительства къ Думѣ, государственный Совѣтъ, мертвившій и безъ того вялую работу Думы, были великимъ испытаніемъ для Щепкина.

Съ начала войны Щепкинъ находится въ кипучей работѣ. Въ Московской Думѣ при его участіи создается, такъ называемая Военная Комиссія, такъ много сдѣлавшая для раненыхъ и для арміи... При его участіи возникаетъ Всероссійскій Союзъ Городовъ. Особоуполномоченнымъ послѣдняго, Щепкинъ ѣдетъ на фронтъ, и тамъ снова получаетъ возможность проявить свои организаціонные таланты и неукротимую энергію. На съѣздѣ Союза Городовъ въ мартѣ 1916 года, вернувшись съ юго-западнаго фронта, онъ такъ характеризовалъ работу Союза на фронтѣ:

«Нѣтъ той работы, на которую не дерзали бы покушаться Союзы, если эта работа нужна для арміи и населенія на фронтѣ. Мы работали безъ всякаго права, въ силу желанія и долга».

Раззорительная и неудачная для Россіи война завершилась революціей, перешедшей въ утвержденіе небывалой тираніи. Среди октябрьскихъ переворотчиковъ были знакомыя лица. Были лица, съ которыми жизнь и общественная работа неоднократно сталкивали въ прошломъ.

Было много лицъ, за которыхъ въ свое время мы «ходатайствовали» передъ власть имущими. Были, наконецъ, такіе, съ которыми московскіе общественные дѣятели и профессора встрѣчались при попыткахъ сговора между соціалистами и революціонерами, съ одной стороны, и представителями науки, либеральными и демократическими теченіями съ другой. Щепкинъ участвовалъ во всемъ этомъ. За многихъ ходатайствовалъ и хлопоталъ, многихъ выручалъ, многимъ помогалъ, и влагалъ много страстности въ процессъ сговора.

Октябрьскій переворотъ засталъ его въ Москвѣ, куда онъ вернулся изъ Туркестана, гдѣ онъ, по порученію временнаго правительства, исполнялъ функціи Комиссара временнаго правительства.

Его свободолюбіе, его природный демократизмъ, его политическій идеалъ, все его жизнепониманіе были уязвлены смертельно и жестоко оскорблены насиліемъ, которое овладѣло Россіей и, подъ прикрытіемъ высокихъ, зазывающихъ и лживыхъ фразъ, вновь отнимало у народа завоеванную имъ свободу.

Для него, какъ и для многихъ, ему подобныхъ, не было выбора въ вопросѣ — какъ поступить?

Онъ не могъ стать въ ряды насильниковъ и захватчиковъ. Не могъ и приспосабливаться къ нимъ. Все существо его пылкой натуры вопіяло противъ нихъ и требовало непосредственныхъ дѣйствій. Для Щепкина и для людей его настроенія наступило роковое время. Нужно было отдать себя цѣликомъ на защиту своихъ идеаловъ отъ грозной и смертной опасности, свободолюбія — отъ новаго рабства. Естественно, что они вступили въ борьбу съ захватчиками власти. Борьба эта оказалась недостаточно организованной и встрѣчала противодѣйствіе не только со стороны непосредственнаго врага, но и со стороны пассивности массъ населенія.. Не мало вреда причинили и шатанія тѣхъ, кто брался за дѣло сопротивленія и борьбы. Раскрывалась бездна, готовая поглотить накопленныя вѣками моральныя и матеріальныя достоянія народа. Началась борьба не на защиту старыхъ порядковъ, —

ихъ уже не было, — а на защиту основныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась народная жизнь: на защиту церкви, семьи, права, правды и совѣсти, на защиту родины.

Пусть борьба эта кончилась пока неудачей. Она была неизбѣжна. Неизбѣжно было, что извѣстнаго рода люди приняли въ ней участіе. Неизбѣжно было и то, что среди нихъ былъ и Щепкинъ.

Мы не будемъ излагать здѣсь перипетій этой борьбы и степени участія въ ней отдѣльныхъ лицъ. Время для этого еще не настало, несмотря на истекшее уже цѣлое десятилѣтіе.

Отмѣтимъ, что для захватившихъ власть коммунистовъ Щепкинъ былъ опаснѣйшимъ противникомъ. Не даромъ красный профессоръ г. Покровскій, воспѣвая ЧК, говоритъ, что послѣ уничтоженія Щепкина больше не встрѣчается «такихъ крупныхъ фигуръ, какъ Н. Н. Щепкинъ, несомнѣнно, чрезвычайно характерный буржуазный республиканецъ, готовый матеріалъ для Кавеньяка или Тьера».

Партія к.-д. уже въ ноябрѣ 1917-го года была объявлена «партіей враговъ народа», а члены руководящихъ ея учрежденій объявлялись подлежащими аресту и преданію суду революціонныхъ трибуналовъ.

Большинство видныхъ членовъ партіи приняло участіе въ начавшейся борьбѣ съ большевиками. Н. Н. Щепкинъ былъ въ ихъ числѣ.

Онъ стремился связать разрозненныя движенія бѣлыхъ армій.

«Я живу въ московской Руси, знаю настроенія Сѣвера и Сибири, — писалъ онъ изъ Москвы. — Государственное дѣло можетъ совершаться только послѣ рѣшенія судьбы центральной Россіи и въ самой центральной Россіи, такъ какъ разобраться въ томъ, что дѣлается на Руси можно, только проживъ въ самомъ горнилѣ анархіи и распада».

Въ мартѣ 1919-го года онъ писалъ:

«Не думайте по спокойному тону моего письма, что Москва не страдаетъ. Мы буквально изо дня въ день уми-

раемъ. Въ насъ говоритъ спокойствіе отчаянія. На ближайшіе мѣсяцы смотрю съ ужасомъ».

Незадолго до своего ареста, онъ поручалъ сказать своимъ друзьямъ о сильномъ полѣвѣніи настроенія, какъ въ Москвѣ, такъ и вообще въ Россіи.

26-го іюля онъ прислалъ тревожное письмо. Близость конца уже нависала и становилась неотвратимой, если вовремя не придетъ помощь и избавленіе.

«Умереть мы съумѣемъ, писалъ онъ. — Но мы хотимъ знать, за что мы умираемъ!».

И онъ умеръ на своемъ боевомъ посту, не подавшись и не измѣнивъ своимъ идеаламъ и вѣрованіямъ.

Онъ зналъ, *за что онъ умираетъ.* Но ему, какъ и всѣмъ остальнымъ, не было суждено передъ смертью узнать, что ихъ жертва является залогомъ торжества ихъ идеаловъ и стремленій всей жизни.

Отвѣчая на допросахъ своимъ палачамъ, онъ всю «вину» бралъ на себя, и говорилъ имъ:

«Я знаю, что вы меня убьете! Но васъ я такъ презираю, что не боюсь отъ васъ смерти!».

Онъ прожилъ заполненную цѣннымъ содержаніемъ и интересную жизнь. Его жизнь была постояннымъ горѣніемъ. Его жизнь не случайно пройденный путь, а путь, избранный сознательной волей. Онъ достойно жилъ и геройски умеръ, не отказавшись отъ своего свободолюбія и не склонившись передъ поработителями своего народа.

Н. Астровъ

АЛФЕРОВЫ

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ И АЛЕКСАНДРА САМСОНОВНА

Алферовыхъ знала вся Москва. За четверть вѣка съ ихъ большимъ домомъ въ одномъ изъ переулковъ Плющихи успѣли завязать крѣпкія связи тысячи интеллигентныхъ московскихъ семей. Списки учёницъ ихъ гимназіи

при бѣгломъ просмотрѣ можно было бы принять за своеобразный адресъ-календарь общественныхъ, литературныхъ, научныхъ, художественныхъ круговъ старой русской столицы.

Въ общемъ представленіи Александръ Даниловичъ и Алексадра Самсоновна были нераздѣлимы между собой и неотдѣлимы отъ дѣла ихъ жизни, хотя у каждаго изъ нихъ была своя, ярко выраженная, индивидуальность, своя спеціальная область знанія, свой особый родъ дѣятельности.

Въ ней — кипучая порывистость и откровенная, порою даже рѣзкая, прямота сочетались съ умомъ сильнымъ, прошедшимъ хорошую математическую школу; въ прежнія времена сказали бы — съ мужскимъ умомъ, но въ наши дни опытъ жизни показалъ, что этимъ умомъ одарены отъ природы многія женщины, только онъ остается у нихъ неотграненнымъ надлежащимъ воспитаніемъ. Въ данномъ случаѣ, напротивъ, уму было дано все необходимое для развитія. А. С. прошла курсъ первой въ Россіи классической гимназіи Фишеръ, и окончила ее съ золотой медалью. Эта гимназія въ свое время была въ своемъ родѣ единственной: съ программой преподаванія, тождественной программѣ мужскихъ гимназій того времени, она отличалась отъ нихъ рѣдкимъ подборомъ учителей, среди которыхъ были лучшія преподавательскія силы Москвы. Высшее образованіе Алферова получила на математическомъ отдѣленіи Московскихъ Лубянскихъ курсовъ, угасавшихъ уже въ ея время подъ ударами политической реакціи конца вѣка, но до послѣдней минуты своего существованія, по составу профессоровъ и академической высотѣ преподаванія, остававшихся какъ бы вторымъ женскимъ, физико-математическимъ факультетомъ Московскаго Университета. Говоря объ условіяхъ, благопріятно вліявшихъ на умственное и нравственное развитіе А. С., нельзя умолчать и о счастливой домашней обстановкѣ, въ которой протекали ея дѣтство и юность. Дочь извѣстнаго въ свое время агронома-педагога, многолѣтняго директора Московской средней земле-

дѣльческой школы, С. С. Касовича и племянница знаменитаго профессора сельскаго хозяйства, Нестора русской агрономической науки, И. А. Стебута, она и дома была окружена людьми высокой умственной культуры. Хочется къ этому добавить, что счастлива яслучайность сблизила А. С. еще съ ранней юности съ семьей А. И. Чупрова, и она испытала на себѣ, какъ сама объ этомъ говорила, неотразимое вліяніе этого замѣчательнаго человѣка. А вліяніе его на чуткую молодую душу было вдвойнѣ плодотворнымъ: оно закаляло человѣка умственно и возвышало нравственно. Въ данномъ случаѣ доброе сѣмя пало на добрую почву. Знавшіе А. С. сойдутся въ отзывѣ о ней: это былъ человѣкъ чистыхъ побужденій и яснаго ума, неутомимаго трудолюбія, со страстью отдававшійся своему дѣлу, своему призванію .

Своего будущаго мужа и своего главнаго сотрудника на педагогическомъ поприщѣ А. С. узнала еще въ дѣтствѣ. Онъ былъ гимназическимъ товарищемъ ея братьевъ и сталъ вхожъ въ ихъ домъ, когда она была совсѣмъ маленькой дѣвочкой. Позднѣе ихъ сблизило общее имъ стремленіе къ педагогической дѣятельности и совмѣстная работа въ одномъ учебномъ заведеніи, гдѣ оба они начинали свою учительскую карьеру.

Александръ Даниловичъ былъ человѣкъ иного душевнаго склада и отчасти иныхъ умственныхъ интересовъ. И характеромъ, и свойствами ума, и даже своими познаніями они во многомъ дополняли другъ друга. Въ противуположность ей, онъ былъ сдержанъ въ обращеніи и умѣлъ владѣть собой. Нерѣдко бывало, что онъ дипломатически смягчалъ или предупреждалъ ея искренніе порывы, хотя въ существѣ дѣла между ними не было разногласія. Съ другой стороны, ея чистая душевная прямота служила для него немалою моральною поддержкой и выпрямляла его жизненный путь, удаляя отъ ненужныхъ компромиссовъ и уступокъ. Его умственные интересы лежали въ области литературы и искусства. Онъ зналъ, любилъ и понималъ русскую художественную литературу, увлекался театромъ и живописью. И самъ онъ былъ не

лишенъ нѣкоторыхъ художественныхъ дарованій: прекрасно рисовалъ и, хотя лично не выступалъ на сценѣ, былъ умѣлымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ и совѣтчикомъ другихъ. Какъ писатель-педагогъ, А. Д. составилъ себѣ имя. Его участіе въ общей прессѣ, постоянное въ теченіе многихъ лѣтъ, хотя и не слишкомъ частое, можетъ быть охарактеризовано двумя чертами — серьезное знаніе и хорошія литературныя традиціи. Но главный его жизненный интересъ лежалъ въ области педагогическаго творчества. Ему онъ отдалъ свои недюжинныя силы. Ради него онъ въ молодости круто изломалъ свою, направившуюся было по другому пути, жизнь.

Коренной москвичъ, А. Д. блестяще окончилъ курсъ 1-ой Московской гимназіи и въ Московскомъ Университетѣ получилъ высшее образованіе на юридическомъ факультетѣ. Въ Москвѣ же молодой кандидатъ правъ началъ свою кратковременную судебную дѣятельность. Но дѣло суда, при всей его важности для общества, послѣ недолгаго опыта, представилось Алферову совершенно несоотвѣтствующимъ его личнымъ склонностямъ. Судебная функція, — разсуждалъ онъ тогда, — функція чисто отрицательная, очистительная, а не творческая, не положительная, она освобождаетъ общество отъ зла, но не создаетъ новыхъ цѣнностей въ немъ, не увеличиваетъ количества благъ. А ему хотѣлось именно такой созидательной общественной работы. Но что же можетъ быть въ этомъ смыслѣ лучше, привлекательнѣе работы педагога, воспитывающаго въ душахъ дѣтей добрыя чувства, развивающаго ихъ умъ, насаждающаго въ нихъ знанія, словомъ, создающаго самыя цѣнныя изъ всѣхъ общественныхъ цѣнностей, самое большое благо въ жизни людей — человѣка, достойнаго званія человѣка...

Эти юношескія разсужденія повернули Алферова на другую дорогу. Обстоятельства не слишкомъ благопріятствовали такой перемѣнѣ профессіи.

Семья его, раньше довольно состоятельная, раззорилась, въ его матеріальной помощи была нужда, и на него, естественно, возлагали надежды. Въ этихъ надеждахъ

онъ не заставилъ разочароваться своихъ близкихъ, но не поступился и своимъ рѣшеніемъ. Черезъ два года, по окончаніи юридическаго факультета, А. Д. получилъ отъ Московскаго же Университета дипломъ на званіе учителя гимназіи по русскому языку и словесности, и тогда же началъ свою учительскую работу въ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Прошло не много лѣтъ, и за Алферовымъ утвердилась репутація талантливаго учителя. Передъ нимъ открылось поприще положительнаго творчества, о которомъ онъ мечталъ. Но, не сходя съ него, онъ впослѣдствіи еще расширилъ свою просвѣтительную работу участіемъ въ общественныхъ учрежденіяхъ по народному просвѣщенію. Онъ былъ избранъ гласнымъ Московской городской Думы, и принялъ живое участіе въ просвѣтительномъ строительствѣ города въ качествѣ предсѣдателя училищной комиссіи Московской городской Думы, члена попечительнаго Совѣта Московскаго городского Университета имени Шанявскаго, попечителя одного изъ городскихъ начальныхъ училищъ и т. д.

Но главнымъ мѣстомъ приложенія труда и организаторскаго таланта А. Д. была гимназія Алферовыхъ. Онъ въ ней числился преподавателемъ русскаго языка и предсѣдателемъ попечительнаго совѣта, она — начальницей. Но роль и того и другой была и шире, и глубже, и значительнѣе, чѣмъ говорятъ всѣ эти названія.

Гимназія Алферовыхъ была въ жизни Москвы, да и не одной Москвы, явленіемъ исключительнымъ, поистинѣ большимъ. Она давала своимъ ученицамъ образованіе и воспитаніе въ лучшемъ значеніи этихъ понятій. Этому содѣйствовалъ не только высокій уровень педагогическаго состава и постановка учебнаго дѣла; это достигалось тѣмъ общимъ складомъ отношеній между учащими и учащимися, который установился въ этой школѣ, той атмосферой общаго бодраго, здороваго совмѣстнаго труда всѣхъ такъ или иначе притянутыхъ къ нему, которая царила въ ней. Недаромъ ученицы гимназіи Алферовыхъ въ годы ученія были въ подавляющемъ большинствѣ горя-

чими «патріотками» своей гимназіи. Недаромъ онѣ и по окончаніи курса сохраняли о ней добрую память. И вотъ краснорѣчивое подтвержденіе: гимназія просуществовала много лѣтъ, и въ послѣдующіе годы Алферовымъ не разъ случалось начинать съ обученія второго поколѣнія — въ подлинномъ смыслѣ слова, — второго, — принимать въ ученицы гимназіи дочерей своихъ бывшихъ ученицъ.

Большое дѣло, ставшее дѣломъ жизни Алферовыхъ, выросло изъ маленькаго-маленькаго пансіона съ десятками двумя-тремя ученицъ, ютившагося на той же Плющихѣ въ наемной квартирѣ изъ шести-семи небольшихъ комнатъ. Молодая чета Алферовыхъ, въ руки которыхъ перешелъ этотъ пансіонъ, рѣшила поднять его на возможную высоту въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ. Ихъ энергіи, неусыпному труду, ихъ пафосу *настоящихъ* педагоговъ удалось осуществить эту задачу. Кто разберетъ теперь, что именно вложилъ въ дѣло каждый изъ нихъ въ отдѣльности? Со стороны казалось, что она — душа всего дѣла, онъ — главная организующая сила. Но несомнѣнно, что оба, не щадя себя, не чуждались никакой работы, вкладывали въ любимое свое дѣтище все, что было лучшаго въ нихъ самихъ. . .

Вся Москва знала Алферовыхъ. Были у нихъ друзья, были, конечно, враги. Но ни тѣ, ни другіе никогда бы не предрекли имъ того ужаснаго конца, который ихъ постигъ. Все, что угодно, только не это.

При всѣхъ огромныхъ достоинствахъ и при всѣхъ въ каждомъ человѣкѣ недостаткахъ, въ обоихъ Алферовыхъ не было одного достоинства или недостатка, какъ хотите: они не были политическими дѣятелями.

Оба они были культурными работниками въ лучшемъ значеніи слова. Конечно, имъ были близки идеи свободы и права, какъ основъ государственнаго порядка. И общій духъ ихъ воззрѣній былъ глубоко демократиченъ. Но вкуса къ политической дѣятельности, интереса къ политической борьбѣ у нихъ не было, весь запасъ ихъ энергіи уходилъ на ихъ профессіональное дѣло. Когда у насъ

возникли политическія партіи, А. Д. вошелъ въ конституціонно-демократическую. Какъ гласный городской Думы, онъ, конечно, принималъ участіе въ политической жизни, насколько это необходимо было въ то время для каждаго общественнаго дѣятеля. Но въ области политики и тогда онъ не принадлежалъ къ тѣмъ, которые руководятъ и ведутъ, а былъ въ числѣ тѣхъ, кто къ нимъ присоединяется. Но и эту политическую роль онъ могъ бы выполнять, по всему складу своихъ воззрѣній и по своему характеру, только въ строго легальныхъ рамкахъ. Революціоннаго пыла въ немъ никогда не было. А. С. и въ это время оставалась совершенно внѣ политики и осталась внѣ ея до конца.

Если бы, однако, и эти люди оказались въ 1919-мъ году въ рядахъ активныхъ противниковъ совѣтской власти и за революціонную борьбу противъ нея поплатились жизнью, это значило бы, что въ тотъ моментъ противъ большевизма даже камни заговорили, что возмущеніе большевицкимъ насиліемъ было всеобщимъ и безграничнымъ, что надежды на избавленіе отъ него внѣ революціоннаго пути ни у кого никакой не было. Но вся совокупность обстоятельствъ послѣднихъ двухъ лѣтъ жизни Алферовыхъ заставляетъ думать, что они пали жертвой не активной борьбы съ совѣтской властью, а ея преступной жестокости и неразборчивости въ средствахъ устрашенія согражданъ. [1]).

И эти два года, при совѣтской власти, Алферовы не отходили отъ дорогого имъ дѣла. Не одинъ разъ представлялся имъ случай уѣхать изъ Москвы, они не уѣхали. Не уѣхали потому, что не хотѣли бросить дѣла своей жизни. Въ новыхъ условіяхъ они рѣшились продолжать свою педагогическую работу, и продолжали ее до по-

---

1) Въ статьѣ П. Мельгуновой-Степановой читатели найдутъ указаніе на то, что адресъ А. Д. Алферова былъ перехваченъ большевицкимъ провокаторомъ у арестованнаго офицера. Если этотъ фактъ вѣренъ, онъ все же не можетъ служить доказательствомъ активнаго участія Алферовыхъ въ дѣятельности «Національнаго Центра», и убійство ихъ остается однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ и жестокихъ среди всѣхъ преступленій большевиковъ. — **Ред.**

слѣднихъ дней жизни. Изъ гимназіи, или, точнѣе говоря, изъ лѣтней ихъ гимназической колоніи, ихъ взяли въ тюрьму «чрезвычайной комиссіи» и разстрѣляли. Ни раньше, ни позже совѣтская власть не дала никакихъ объясненій этой дикой расправы. Въ самомъ объявленіи объ ихъ убійствѣ, противъ нихъ выставлено лишь одно нелѣпое обвиненіе: въ устройствѣ «тайной шпіонской квартиры», притомъ именно въ гимназіи, куда, будто-бы, направлялись агенты Деникина и Колчака. Надо было совсѣмъ не знать Алферовыхъ, чтобы повѣрить, что они взялись за такое, имъ, никогда ни въ какихъ конспираціяхъ не участвовавшихъ, несвойственное дѣло. А если бы даже, противъ всякаго вѣроятія, и взялись, то уже еще болѣе невѣроятно, чтобы воспользовались для этой цѣли гимназіей, которую берегли, какъ зѣницу ока! Свою жизнь они могли поставить на карту, но существованіе гимназіи — никогда.

И никто въ Москвѣ не повѣрилъ этому обвиненію. Очень широко распространилась версія, что Алферовы — жертва ошибки ЧК, въ которой, однако, большевики не имѣли мужества признаться. Утверждали именно, что при арестѣ А. Д. смѣшали съ однофамильцемъ, а А. С. и арестовали только потому, что она, со свойственной ей рѣзкостью и горячностью, встрѣтила ворвавшихся въ домъ чекистовъ. Окончательно же ихъ участь рѣшило ихъ независимое и полное достоинства поведеніе въ «чекѣ» и — главное — тотъ трепетъ передъ наступленіемъ Деникина, который обуялъ тогда московскихъ властителей и внушилъ имъ мысль о своевременности сугубаго проявленія «краснаго террора». Но если хотѣли подчинить себѣ народъ внушеніемъ смертельнаго страха, то убійство людей, которыхъ всѣ знаютъ, конечно, предпочтительнѣе убійства людей безъ имени. А соображенія о виновности или невиновности жертвъ ЧК или ГПУ не занимали и не занимаютъ.

Поэтому и вопросъ: за что? — здѣсь представляется какъ бы даже излишнимъ. Но когда заходитъ рѣчь о та-

комъ убійствѣ, какъ убійство Алферовыхъ, мнѣ хочется поставить убійцамъ другой вопросъ: *кого* они убили?

На этотъ разъ отвѣтъ ясенъ. Если бы эти люди остались живы, ни на той ни на другой чашкѣ вѣсовъ ничего не перемѣнилось бы. Но въ лицѣ Алферовыхъ они убили огромную культурную силу, ибо для созданія ея требуется не только время, но и по-истинѣ счастливый случай, который дважды не бываетъ.

Счастливые случаи не повторяются, но въ исторіи на каждомъ шагу повторяется одна и та же трагедія культурнаго творчества... Много-много вѣковъ назадъ въ комнату математика, склоненнаго надъ своими чертежами, ворвался солдатъ-варваръ, и на возгласъ: «Только не тронь моихъ круговъ!» — отвѣтилъ ударомъ въ сердце.

«Только не тронь моихъ круговъ!» — говорили Алферовы совѣтской власти, продолжая свое дѣло просвѣщенія среди ужасовъ гражданской войны и голода. Сколько нужно было знанія, искусства и энергіи, чтобы вести, и вести съ успѣхомъ, свою линію въ исключительно трудной обстановкѣ. Это такой примѣръ строительства во имя идеала, что тѣмъ, кто такъ много говоритъ о строительствѣ во имя идеала, казалось, только бы благоговѣть. Но они пришли и — убили строителей.

Влад. Розенбергъ

КАКЪ БЫЛИ АРЕСТОВАНЫ И РАЗСТРѢЛЯНЫ Н. Н. ЩЕПКИНЪ, А. Д. и А. С. АЛФЕРОВЫ

Николай Николаевичъ Щепкинъ, Александръ Даниловичъ Алферовъ и его жена, Александра Самсоновна, были арестованы въ одинъ и тотъ же день, 15-28 августа 1919 года. Н. Н. Щепкинъ былъ арестованъ чекистами въ своемъ домѣ, въ Москвѣ, въ Неопалимовскомъ переулкѣ, а А. Д. и А. С. Алферовы вблизи станціи Болшево, гдѣ

ими была организована лѣтомъ 1919 года дѣтская трудовая колонія.

Послѣ ареста, Щепкинъ и Алферовъ были заключены въ такъ называемой внутренней тюрьмѣ ВЧК, на Лубянкѣ, въ домѣ № 2. Въ той же тюрьмѣ содержалась и А. С. Алферова, но отдѣльно отъ своего мужа — въ женской камерѣ.

Какъ только Н. Н. Щепкинъ былъ арестованъ, въ его домѣ была устроена засада, которая длилась три недѣли. Много случайныхъ людей, которые приходили къ Н. Н. послѣ его ареста, были арестованы и брошены въ чекистскіе застѣнки, какъ сообщники Н. Н. Рядомъ съ домомъ Н. Н. Щепкина находился районный комитетъ соціальнаго обезпеченія, и было нѣсколько случаевъ, когда люди, по ошибкѣ, вмѣсто дверей комитета, попадали въ дверь квартиры Н. Н. Эти люди тутъ же подвергались аресту со стороны комиссара Левина, руководившаго этой засадой. Такъ случилось, напримѣръ, съ одной старушкой, которая за свою неосмотрительность была арестована при входѣ въ квартиру Н. Н., была затѣмъ заключена въ тюрьму и подверглась большимъ испытаніямъ. Эта старушка совершенно не знала Н. Н., но была пріобщена къ «контръ-революціонному заговору», въ которомъ большевики обвиняли Щепкина и Алферова.

Послѣ ареста Щепкина и Алферовыхъ и заключенія ихъ во внутреннюю тюрьму ВЧК, начались хлопоты за нихъ ихъ друзей. Чекисты обвиняли Щепкина въ сношеніяхъ съ Деникинымъ, а Алферова съ Колчакомъ. Друзья Щепкина и Алферовыхъ, встревоженные за ихъ судьбу и отдавая себѣ отчетъ въ томъ, какая опасность имъ угрожаетъ, обратились, между прочимъ, къ Л. Б. Каменеву. Каменевъ не принялъ тѣхъ, кто пришелъ къ нему узнать объ участи арестованныхъ и ограничился тѣмъ, что выслалъ къ явившимся къ нему своего секретаря. Секретарь заявилъ, по его порученію, ходатаямъ, что Каменевъ, якобы, не знаетъ вообще, гдѣ и когда были арестованы Щепкинъ и Алферовы. Конечно, Каменевъ, по своему положенію, которое онъ занималъ въ большевицкой служебной

іерархіи, не могъ не знать объ этомъ арестѣ. Большевицкій сановникъ этимъ своимъ заявленіемъ черезъ своего секретаря хотѣлъ, повидимому, пресѣчь всякія дальнѣйшія попытки обращенія къ нему по этому поводу. Между тѣмъ, заявленіе Каменева, въ тревожной атмосферѣ того времени и въ связи со слухами о томъ, что Н. Н. Щепкину удалось скрыться въ моментъ ареста, комментировалось друзьями Щепкина, какъ подтвержденіе упорныхъ слуховъ о его побѣгѣ.

Весной и лѣтомъ 1919 года А. Д. и А. С. Алферовы сосредотачивали всѣ свои усилія на заботахъ о своей гимназіи и о ея дальнѣйшей судьбѣ. Теперь, при большевикахъ, надо было отстаивать самое право на ея существованіе. Кромѣ того, въ то время шелъ вопросъ о томъ, сохранить ли гимназію Алферовыхъ, какъ «показательную», за центромъ МОНО (Московскій отдѣлъ народнаго образованія), или же отнести ее въ разрядъ районныхъ учебныхъ заведеній. Этотъ вопросъ очень волновалъ Алферовыхъ, и въ результатѣ долгихъ и напряженныхъ ихъ хлопотъ, онъ былъ рѣшенъ благопріятно: гимназія Алферовыхъ была сохранена за центромъ. Это рѣшеніе вопроса обезпечивало сравнительно сносныя условія для дальнѣйшаго существованія гимназіи Алферовыхъ.

Лѣтомъ 1919 года, въ свободное отъ школьныхъ занятій время, Алферовы устроили въ Болшевѣ, вблизи Москвы, для своихъ учениковъ и ученицъ дѣтскую трудовую колонію. Эта колонія была организована на принципѣ самообслуживанія. Физической работой были заняты всѣ: и педагогическій персоналъ, и дѣти. Сами готовили, сами стирали, сами кололи дрова, сами обрабатывали огородъ. Это была единая дружная семья, крѣпко спаянная любовью къ Александру Даниловичу и къ Александрѣ Самсоновнѣ, которые въ небывало тяжкихъ условіяхъ существованія въ 1919 году, при совершенно разлаженной жизни, въ разгаръ гражданской войны, при ос-

тромъ недостаткѣ всего необходимаго, все же сумѣли обезпечить питомцамъ своей гимназіи здоровый отдыхъ.

Жизнь дѣтской трудовой колоніи была нарушена 15-28 августа вторженіемъ чекистовъ. Первой была арестована А. С. Алферова. На вопросъ чекистовъ, гдѣ ея мужъ, Александра Самсоновна заявила, что ея мужа въ колоніи нѣтъ, что онъ уѣхалъ въ Москву и что она не знаетъ его адреса. Тотъ же вопросъ о мѣстонахожденіи А. Д. былъ поставленъ и дѣтямъ. Ни А. С., ни дѣти не хотѣли сказать, что А. Д. находится тутъ-же, въ колоніи, въ саду, въ маленькомъ домикѣ садовника. Любовь къ А. Д. Алферову и предчувствіе недобраго непроизвольно сплотили дѣтей въ порывѣ защиты своего учителя и друга отъ посягательства на него со стороны нагрянувшихъ изъ Москвы чекистовъ.

Однако, спасти А. Д. Алферова не удалось. Одна изъ прислугъ указала чекистамъ домикъ садовника, въ которомъ жилъ А. Д. Онъ былъ тотчасъ же арестованъ, а вмѣстѣ съ нимъ, кромѣ А. С., было арестовано нѣсколько дѣтей и нѣсколько лицъ изъ педагогическаго персонала. [1]). Всѣ были увезены въ Москву. Больше А. Д. и А. С. Алферовы не вернулись въ Болшево. Это былъ послѣдній разъ, когда дѣти ихъ видѣли. Осиротѣло навсегда и свѣтлое зданіе ихъ гимназіи въ Москвѣ, это ихъ любимое дѣтище, культурный очагъ многихъ поколѣній.

Арестованные Щепкинъ и Алферовы многократно подвергались на Лубянкѣ допросу. На этихъ чекистскихъ пыткахъ они держали себя съ большимъ достоинствомъ, съ большимъ мужествомъ. Есть указаніе на то, что А. С. Алферову вызывали на допросъ нѣсколько разъ по ночамъ. Нъ камеру къ ней приходилъ чекистъ, наклонялся надъ ней, спящей, будилъ ее и произносилъ: «Къ допросу!». Такъ было и въ послѣднюю трагическую ночь. На требованіе явившагося ночью чекиста, А. С. Алферова встала, пошла на допросъ и больше уже не возвращалась.

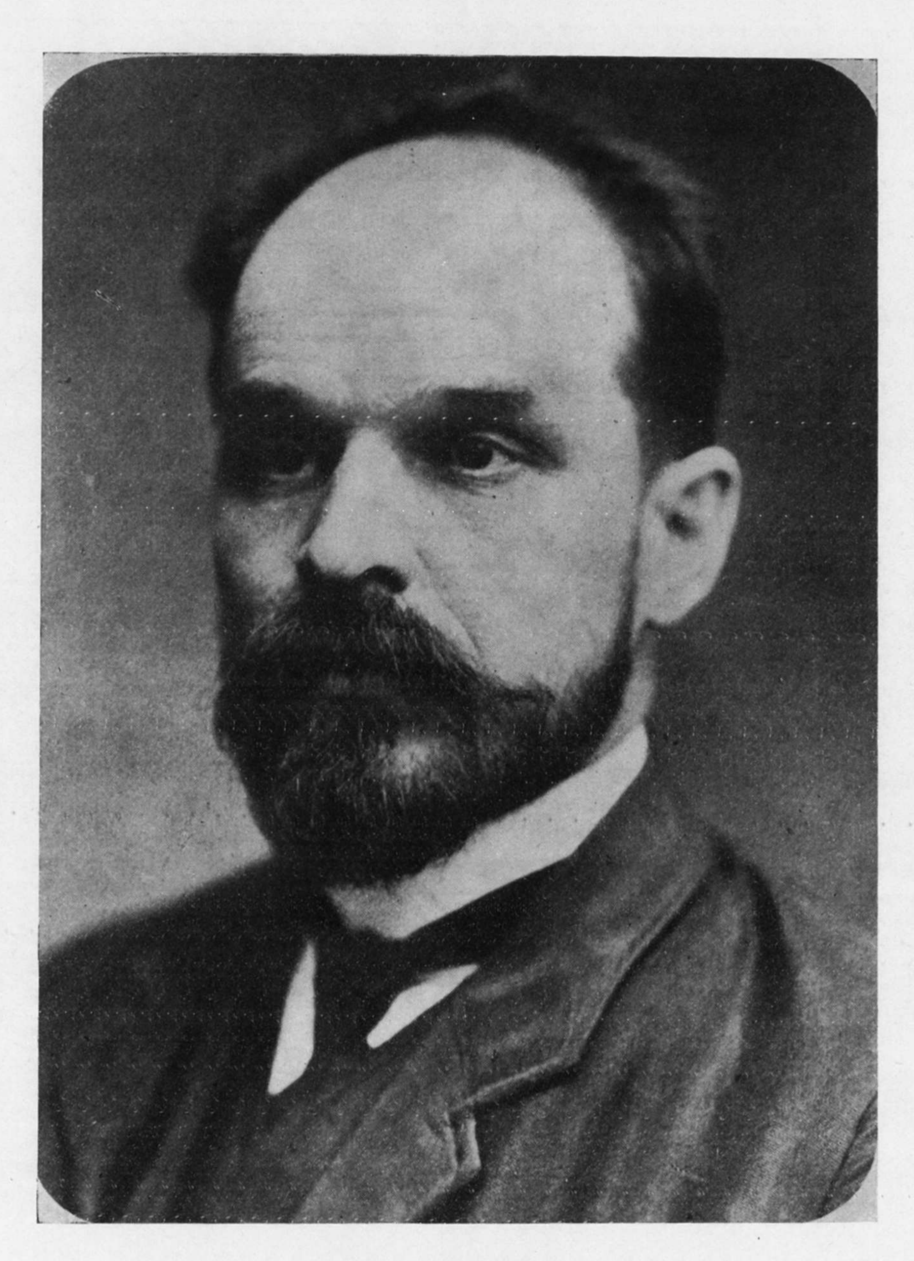
[1]) Въ статьѣ П. Мельгуновой-Степановой приводится иная версія ареста А. Д. Алферова. Которая изъ нихъ правильна, редакціи не извѣстно. — **Ред.**

Впервые послѣ ареста въ Болшевѣ А. Д. и А. С. встрѣтились здѣсь, въ тюремномъ корридорѣ. Изъ камеры слышны были ихъ взаимныя привѣтствія, ихъ голоса. Въ этотъ послѣдній моментъ ихъ жизни они соединились, чтобы вмѣстѣ испить чашу страданія до конца.

Въ страшную ночь, съ 14 на 15 сентября, не стало Щепкина и Алферовыхъ. Передавали, что первымъ былъ разстрѣлянъ въ подвалахъ ВЧК Н. Н. Щепкинъ, затѣмъ, на глазахъ у А. С., Александръ Даниловичъ. Чекисты и совѣтское правительство держали нѣкоторое время въ тайнѣ этотъ разстрѣлъ. Только 23-го сентября совѣтское правительство широко оповѣстило о состоявшемся разстрѣлѣ. Въ этотъ день, памятный для всѣхъ, кто въ то время былъ въ Москвѣ, съ ранняго утра, на столбахъ, на стѣнахъ домовъ, повсюду было расклеено оповѣщеніе о разстрѣлѣ. Списокъ разстрѣлянныхъ заключалъ въ себѣ 67 именъ.

Трупы разстрѣлянныхъ Щепкина и Алферовыхъ были перевезены ночью изъ помѣщенія ВЧК, на Лубянкѣ, въ моргъ Яузской больницы. Къ нимъ были присоединены трупы другихъ разстрѣлянныхъ въ эту же ночь, и, въ количествѣ 31-го, трупы были отправлены изъ морга Яузской больницы на Калитниковское кладбище. Тамъ, внѣ ограды, на узкой полосѣ земли, которая отдѣляетъ кладбище отъ Москва-рѣки, они были похоронены въ одной братской могилѣ. Это была тамъ уже не первая могила. Рядъ могильныхъ холмовъ возвышался на этомъ узкомъ и пустынномъ пространствѣ. Нѣсколько могильныхъ крестовъ, поставленныхъ то здѣсь, то тамъ, свидѣтельствовали о чьемъ-то вниманіи, о чьей-то заботливой рукѣ по отношенію къ погубленнымъ и погребеннымъ здѣсь людямъ.

С. Смирновъ

А. И. АСТРОВЪ
1870 — 1919.

КИРИЛЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ ЧЕРНОСВИТОВЪ

Въ лицѣ Кирилла Кирилловича Черносвитова, разстрѣляннаго большевиками вмѣстѣ съ Н. Н. Щепкинымъ и многими другими въ Москвѣ осенью 1919-го года, русское общество потеряло одного изъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ идеѣ народной свободы и демократизаціи русскаго государственнаго строя людей.

Кириллъ Кирилловичъ родился 6 февраля 1865-го г. въ родовомъ имѣніи Черносвитовыхъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Предки Черносвитова возведены были въ дворянское достоинство Императрицей Елизаветой за «содѣйствіе къ благополучному восшествію на Россійскій Императорскій Престолъ Императрицы Елисаветы Петровны», т. е. за участіе въ возстаніи гвардейскихъ полковъ, низвергшихъ Императора Іоанна Антоновича и посадившихъ ее на престолъ. Съ раннихъ лѣтъ К. К. былъ предназначенъ своими родителями къ службѣ по судебному вѣдомству. Окончивъ однимъ изъ первыхъ училище правовѣдѣнія, молодой Черносвитовъ поступилъ на службу въ гражданскій кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената, а затѣмъ перешелъ въ прокуратуру и занималъ должность товарища прокурора сперва въ Тотьмѣ, а затѣмъ во Владимірѣ. Передъ 1905-мъ годомъ онъ перешелъ въ магистратуру и былъ назначенъ членомъ Владимірскаго окружного суда. Во время выборовъ въ первую Государственную Думу онъ былъ избранъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ, выборщикомъ отъ городского населенія города Владиміра, а въ губернскомъ избирательномъ собраніи прошелъ во главѣ списка кандидатовъ партіи Народной Свободы въ члены Государственной Думы. Съ тѣхъ поръ до самой революціи 1917-го года К. К. былъ безсмѣннымъ представителемъ русскаго народа во всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думахъ, въ первыхъ трехъ отъ Владимірской губерніи, а въ четвертой Государственной Думѣ отъ родной для него Ярославской губерніи.

Во Владимірѣ К. К. прожилъ 16 лѣтъ и принималъ

самое дѣятельное участіе въ рядѣ общественныхъ начинаній. Много поработалъ онъ въ области народнаго образованія; при его содѣйствіи открыта была во Владимірѣ общественная библіотека-читальня, и многіе годы онъ состоялъ предсѣдателемъ общества содѣйствія библіотекѣ. Благодаря его иниціативѣ, устроенъ былъ во Владимірѣ рядъ лекцій, причемъ читали профессора изъ Москвы и Петербурга. К. К. занималъ также постъ предсѣдателя общества, наблюдавшаго за колоніей малолѣтнихъ преступниковъ, и посвятилъ много труда этому дѣлу.

Служба въ составѣ прокурорскаго надзора во Владимірской губерніи дала возможность Черносвитову близко ознакомиться съ условіями русской деревенской жизни. Его участіе въ качествѣ обвинителя на выѣздныхъ сессіяхъ окружнаго суда, протекавшихъ въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ и даже селахъ, раскрыла передъ молодымъ товарищемъ прокурора картину деревенскаго «преступнаго міра», преступнаго, главнымъ образомъ, въ силу своей бѣдности и некультурности. Бытовыя деревенскія преступленія: убійство въ дракѣ, поджоги, отравленіе женами истязавшихъ ихъ мужей, и многія другія характерныя для русскаго деревенскаго быта преступленія, въ томъ случаѣ, если они попадали въ руки Черносвитова, всегда освѣщались имъ передъ присяжными засѣдателями не съ точки зрѣнія столь свойственнаго прокурорамъ эпохи Муравьева - Акимова - Щегловитова стремленіемъ во что бы то ни стало «упечь» въ тюрьму или на каторгу обвиняемаго, а съ точки зрѣнія истиннаго стремленія найти подлинную правду «преступнаго дѣйствія» и добиться отъ суда присяжныхъ продуманнаго и прочувствованнаго вердикта, ухватывающаго самое существо дѣла.

Работая въ судѣ, К. К. не порывалъ связи съ своимъ роднымъ Пошехоньемъ, часто бывалъ въ родной усадьбѣ и принималъ участіе въ земской работѣ, какъ гласный Пошехонскаго уѣзднаго и Ярославскаго губернскаго земскихъ собраній. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1906-мъ году гор.

Владиміръ послалъ его своимъ представителемъ въ Государственную Думу и онъ сталъ вмѣсто общественнаго обвинителя членомъ законодательной палаты, вся жизнь Черносвитова была посвящена исключительно общественной дѣятельности. Въ партіи Народной Свободы, къ которой принадлежалъ покойный съ самаго ея возникновенія, и, въ особенности, въ ея парламентской фракціи, К. К. сразу занялъ видное мѣсто. Его теоретическая и практическая подготовка выдвинула его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ работахъ думской судебной комиссіи и въ комиссіи по запросамъ. Рядъ запросовъ правительству, внесенныхъ фракціей партіи Народной Свободы, былъ разработанъ и обоснованъ юридически Черносвитовымъ. Онъ неоднократно выступалъ въ общихъ собраніяхъ Государственной Думы при обсужденіи законопроектовъ по судебному вѣдомству и запросовъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ правительственныхъ властей, а также при обсужденіи смѣты министерства юстиціи.

Въ лицѣ Черносвитова судебное вѣдомство и чины русской магистратуры получили ревностнаго защитника идеи независимости суда, несмѣняемости судей и свободы судебной дѣятельности отъ министерскаго административнаго нажима, а Щегловитовъ и его присные — неутомимаго критика, хорошо знакомаго съ внутренней механикой судебныхъ учрежденій и съ тѣми методами административнаго давленія на свободу и независимость суда, которые широко примѣнялись въ бытность Щегловитова министромъ юстиціи.

Живо интересовался также К. К. вопросами русской провинціальной жизни и земскаго самоуправленія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ и обсужденіи земской реформы и вопроса о созданіи волостного земства, а также въ работахъ по реформѣ мѣстнаго суда и возстановленія мировыхъ судебныхъ установленій.

Чрезвычайно активное участіе принималъ Черносвитовъ въ подготовительныхъ работахъ фракціонныхъ засѣданій парламентской фракціи конституціонно-демократической партіи, въ собраніяхъ которой, наканунѣ отвѣт-

ственныхъ думскихъ засѣданій, обсуждалась тактика фракціи въ Государственной Думѣ, намѣчались ораторы для выступленія по стоящимъ на повѣсткѣ дня вопросамъ и подготовлялись парламентскія выступленія. Когда во время войны, въ 1916-мъ году, лидеры к.-д. фракціи П. Н. Милюковъ и А. И. Шингаревъ уѣхали за границу въ качествѣ участниковъ русской парламентской делегаціи, посѣтившей столицы союзныхъ государствъ и линію западнаго фронта, К. К. былъ избранъ фракціей временно исправляющимъ обязанности предсѣдателя ея, и въ отсутствіи П. Н. Милюкова руководилъ ея работами.

Съ самаго начала революціи Черносвитовъ принялъ самое дѣятельное участіе въ работахъ временнаго правительства въ качествѣ совѣтника по тѣмъ вопросамъ, надъ которыми онъ работалъ въ Государственной Думѣ. Будучи членомъ Центральнаго Комитета партіи, К. К. много силъ и времени и всю свою душу отдалъ партійной работѣ: онъ принималъ участіе въ рядѣ партійныхъ подготовительныхъ комиссій, въ частности, въ комиссіи, руководившей избирательной кампаніей во время выборовъ въ Учредительное Собраніе, въ партійныхъ съѣздахъ и партійныхъ областныхъ конференціяхъ.

Послѣ большевицкаго переворота, когда к.-д. партія должна была уйти въ подполье, Черносвитовъ дѣятельно занялся сплоченіемъ антибольшевицкихъ силъ и, находясь во главѣ петербургскаго отдѣленія центральнаго комитета конституціонно-демократической партіи, послѣ отъѣзда П. Н. Милюкова на югъ и убійства А. И. Шингарева, велъ энергичную подпольную работу противъ большевицкой диктатуры.

Въ октябрѣ 1918-го года К. К. былъ арестованъ большевиками и отвезенъ въ Москву. Въ немъ большевики видѣли одного изъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ. Во время заключенія онъ проявилъ чрезвычайную стойкость духа. Сознавая прекрасно, что его ждетъ неминуемая смерть, Черносвитовъ, по словамъ людей, которые вмѣстѣ съ нимъ находились въ совѣтской тюрьмѣ, убѣждалъ другихъ не падать духомъ и многихъ выводилъ изъ состоя-

нія отчаянія своимъ примѣромъ постоянной бодрости и вѣры въ лучшее будущее Россіи. Въ сентябрѣ 1919-го года, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ общественныхъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ партіи Народной Свободы и входившихъ въ составъ московской группы «Національнаго Центра», онъ былъ приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ вмѣстѣ съ Н. Н. Щепкинымъ, П. В. Герасимовымъ и другими. К. К. спокойно и мужественно встрѣтилъ смерть, убѣжденный въ правотѣ тѣхъ идей, которымъ онъ служилъ всю жизнь вѣрой и правдой.

П. П. Гронскій

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ АСТРОВЪ

В. И. Астровъ, москвичъ по рожденію, по жизни и смерти. Въ Москвѣ онъ родился (въ 1872-мъ году), въ Москвѣ учился, работалъ для Москвы и отдалъ свою жизнь за свою родную Москву, какъ коренной москвичъ. Онъ погибъ вмѣстѣ со своимъ юношей сыномъ, Борисомъ, студентомъ Московскаго Университета, отъ руки пришельцевъ, которымъ не только чужды были интересы Москвы и Россіи, но явно враждебны и ненавистны.

В. И. Астровъ принадлежалъ къ семьѣ, которую знала Москва. Его отецъ, Ив. Ник. Астровъ, былъ докторомъ въ Москвѣ. Его знали, какъ просвѣщеннаго врача и исключительно активно добраго человѣка. Его знали не только среди культурныхъ и состоятельныхъ классовъ. Его имя было хорошо извѣстно московскому «дну». Московскій Хитровъ рынокъ, московскія ночлежки, подвалы, гдѣ ютилась московская бѣднота, были той сферой дѣятельности Ив. Ник. въ послѣдніе годы его жизни, которая создала ему заслуженную репутацію друга униженныхъ и обиженныхъ. Среди этихъ обездоленныхъ, которымъ онъ несъ свою врачебную помощъ, доброе и участливое, бодрящее слово — кончилась его жизнь. Похоро-

ны И. Н. воочію показали, что онъ значилъ для московской бѣдноты. Всѣ переулки около розоваго домика въ Большомъ Казенномъ переулкѣ, въ которомъ протекала его жизнь, и около церкви, гдѣ его отпѣвали, были буквально запружены народомъ. Это было населеніе подваловъ и московскаго «дна», которое пришло проститься со своимъ добрымъ докторомъ. Дѣятельная доброта его и непосредственное участіе въ жизни подлиннаго народа дѣлало его самого частью этого народа и заставляло вспоминать имя другого московскаго добраго доктора съ его правиломъ жизни — «спѣшите дѣлать добро».

Владиміръ Ивановичъ по своей жизни и работѣ оказался такъ же въ непосредственномъ соприкосновеніи съ гущей московской жизни и въ ея общественномъ центрѣ.

Пройдя 2-ую московскую гимназію, окончивъ Московскій Университетъ по юридическому факультету въ 1894-мъ году, онъ пробылъ короткое время кандидатомъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ и вскорѣ перешелъ на работу въ Московское городское общественное Управленіе въ качествѣ одного изъ помощниковъ Городского Секретаря Московской городской Думы. Вскорѣ онъ былъ избранъ мировымъ судьей города Москвы и почти одновременно гласнымъ Московской городской Думы.

Мировымъ судьей и гласнымъ онъ оставался до конца, пока существовали въ Москвѣ мировой судъ и Дума — эти два учрежденія, занимавшія, по заслугамъ, почетное мѣсто среди лучшихъ учрежденій Москвы и Россіи въ закончившемся теперь историческомъ періодѣ.

Онъ былъ однимъ изъ любимыхъ и популярныхъ судей Москвы. Его знали и цѣнили люди разныхъ классовъ, положеній и состояній. Это былъ судья образованный, чуткій, выдержанный, умѣвшій вносить въ дѣло свой умъ, свое сердце, знаніе и исключительно чистую душу высокаго строя. Немудрено, что населеніе его полюбило, и онъ сталъ необходимымъ для своего мирового участка. Къ нему нерѣдко обращались за совѣтомъ въ дѣлахъ, которыя требовали не судебнаго рѣшенія, а указанія чи-

стой, неподкупной совѣсти, житейскаго опыта и мудрости, которыя были бы выше повседневности.

Съ большой душевной горечью покидалъ онъ свое любимое судебное дѣло и свою камеру Таганскаго мирового судьи, въ которой онъ былъ среди народа въ теченіе почти 20 лѣтъ. Онъ покинулъ ее не по своей волѣ, а тогда, когда революціонное правотворчество замѣнило законъ, право, правду, честь и совѣсть, поставивъ превыше всего революціонный и классовый произволъ.

Тогда же прекратилась его работа, какъ гласнаго Московской Думы. Это было тогда, когда зданіе городской Думы было разстрѣляно большевиками, когда гласные Думы уже не могли собираться ни въ зданіи Думы, на Воскресенской площади, ни въ Университетѣ Шанявскаго, ни въ другихъ частныхъ помѣщеніяхъ, когда погибла вся громадная культурная работа, произведенная Московской городской Думой. А въ этой работѣ В. И. принималъ большое и дѣятельное участіе. Его любимымъ дѣломъ было дѣло народнаго образованія. Онъ былъ много лѣтъ попечителемъ одной изъ городскихъ начальныхъ школъ, членомъ, а впослѣдствіи товарищемъ предсѣдателя училищной комиссіи. Въ послѣдніе годы онъ отдался со всѣмъ увлеченіемъ дѣлу использованія кинематографа въ просвѣтительныхъ цѣляхъ. Онъ былъ постояннымъ членомъ комиссіи по составленію проектовъ обязательныхъ постановленій, работавшей въ свое время подъ предсѣдательствомъ С. А. Муромцева.

Беззавѣтно любящій свою семью, а семья его была большая (у него было шесть человѣкъ дѣтей), онъ окружилъ ее атмосферой изысканной культуры, душевнаго изящества, сознанія отвѣтственности, личнаго и общественнаго долга, чести и глубокой религіозности. Немалую роль въ строѣ его семьи имѣла музыка. В. И. прекрасно игралъ на рояли, былъ немного композиторомъ. Его музыка была всегда съ оттѣнкомъ печали. Но въ ней неизмѣнно звучали торжественные аккорды радости и ликованія жизни.

Свой общественный долгъ онъ исполнялъ просто и

естественно, какъ функцію своего духа. Помимо городской Думы, онъ былъ участникомъ многочисленныхъ общественныхъ начинаній. Онъ былъ убѣжденнымъ кадетомъ и, хотя какъ судья, сравнительно мало участвовалъ въ жизни партіи, однако, яузскіе кадеты города Москвы хорошо его знали и нерѣдко пользовались его участіемъ и услугами въ партійной работѣ.

Во время великой войны онъ съ увлеченіемъ отдался работѣ въ Союзѣ Городовъ. Нѣсколько разъ ѣздилъ на фронтъ, исполняя порученія Московской городской Думы и Союза. На его плечахъ лежалъ трудный и отвѣтственный отдѣлъ Союза, отдѣлъ продовольственный.

Наступившую революцію онъ встрѣтилъ, какъ и подавляющее большинство русской интеллигенціи, съ радостью, надеждами и тревогой. Наступала новая жизнь съ безграничными возможностями и опасностями, создавались новыя условія и небывалая обстановка для проявленія благихъ стремленій и разрушительныхъ стихій. Что одержитъ верхъ, что пересилитъ?.. Всѣ становились участниками новой жизни, и всѣ становились отвѣтственными за дальнѣйшій ходъ событій. А событія пріобрѣтали все болѣе роковое и зловѣщее значеніе... По всему своему духовному облику, религіозному настроенію, по уровню своей культуры, по смыслу всей своей жизни Вл. Ив. не могъ примириться съ деспотіей и насиліемъ большевизма.

И онъ погибъ.

В. И. Астровъ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Борисомъ и братомъ Александромъ Ивановичемъ, былъ разстрѣлянъ въ ночь на 15-ое сентября 1919 года, среди лицъ, убитыхъ вмѣстѣ съ Н. Н. Щепкинымъ.

Въ воззваніи «Ко всѣмъ гражданамъ совѣтской Россіи» палачи и чекисты въ бѣшенствѣ поносили и предавали проклятіямъ тѣхъ, кого они погубили. Они лгали и клеветали на нихъ, умышленно сплетая правду и ложь, во лжи и клеветѣ отыскивая себѣ оправданіе.

Мы знаемъ, что братья Астровы встрѣтили смерть мужественно и безстрашно, какъ они и прожили свою

жизнь. Мужественно погибъ и юный Борисъ, сохранить жизнь которому просилъ его отецъ.

— Я старъ, — говорилъ онъ, — и прожилъ свою жизнь, убейте меня! Но сохраните ему жизнь. . .

Они были убиты потому, что въ то время утверждавшимъ деспотію особенно нестерпимо было имѣть свидѣтелями ихъ неистовствъ людей чистой совѣсти, высокой культуры и моральной безупречности.

Ихъ нужно было сломить, поработить или устранить съ дороги во что бы то ни стало. . .

Нужны ли въ такомъ случаѣ подлинныя вины и преступленія? . .

Таковъ роковой смыслъ этихъ убійствъ.

В. Н. Челищевъ

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ АСТРОВЪ

Въ ночь съ 1-го на 2-ое сентября 1919 года на квартиру А. И. Астрова, по Нѣмецкой улицѣ, въ Москвѣ, явились агенты ЧК съ ордеромъ на обыскъ и арестъ. Перерывъ его кабинетъ, они взяли какія-то бумаги и увезли его на Лубянку.

Прощаясь со своими, А. И. сказалъ, что у него, среди его бумагъ, взято его заключеніе въ Совѣтъ народнаго хозяйства по проекту Великаго воднаго сѣвернаго пути, и что больше ничего сколько нибудь значительнаго у него взято не было.

А. И. Астровъ былъ профессоромъ б. Императорскаго Московскаго Техническаго Училища, Московскаго с.-хоз. Института и Московскаго Коммерческаго Института. Его сотоварищи, узнавъ объ арестѣ, обратились къ Красину и Каменеву, прося вернуть нужнаго и незамѣнимаго профессора. Совѣтскіе вельможи говорили, что въ ближайшіе дни онъ будетъ освобожденъ, ибо у него ничего не найдено, и онъ не связывается ни съ чѣмъ. Проф. М. Н.

Покровскій, товарищъ по гимназіи одного изъ его братьевъ, отказался, однако, хлопотать, заявивъ, что «за г.г. Астровыми грѣшки водятся». Наконецъ, роднымъ А. И. заявили, что онъ будетъ освобожденъ черезъ нѣсколько дней. А 23-го сентября въ московскихъ «Извѣстіяхъ» былъ опубликованъ списокъ разстрѣлянныхъ въ ночь на 15-ое сентября вмѣстѣ съ Н. Н. Щепкинымъ. Въ ихъ числѣ былъ и А. И. Астровъ.

Это былъ цѣльный, прямой и высокоодаренный человѣкъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ отмѣчалась прямота и цѣльность его характера, исключавшая для него всякую возможность компромисса и сдѣлки съ самимъ собой. Дипломатическіе извороты, душевная кривда были ему абсолютно чужды. Такимъ онъ былъ всю свою жизнь, такимъ остался и до своего послѣдняго дня.

Когда его уговаривали укрыться отъ начавшихся арестовъ и преслѣдованій, ибо ясно было, что его популярное имя должно привлечь вниманіе чекистовъ, онъ наотрѣзъ отказался, зная, что жить крадучись онъ не сумѣетъ, такъ какъ такая жизнь была бы противна всей его натурѣ. И онъ не укрылся, не погнулся, не склонился. Онъ былъ арестованъ и черезъ нѣсколько дней убитъ.

Онъ былъ убитъ на 49-мъ году жизни. А жизнь свою онъ посвятилъ техническо-педагогической дѣятельности, оказавъ въ то же время большія услуги, какъ дѣлу русскаго просвѣщенія вообще, такъ и дѣлу русской технической науки.

Окончивъ 2-ую Московскую классическую гимназію, онъ нѣкоторое время сильно колебался въ выборѣ своего жизненнаго пути. Одаренный несомнѣнно недюжинными музыкальными способностями, онъ подумывалъ отдаться цѣликомъ искусству и пойти въ Консерваторію. Но, поборовъ, какъ онъ говорилъ тогда, свою слабость, поступилъ на медицинскій факультетъ. Но и тамъ заскучалъ, и уже окончательно принялся за работу въ Императорскомъ Московскомъ Техническомъ Училищѣ, съ которымъ и не порывалъ связи до послѣднихъ дней своей жизни.

Тутъ онъ не только проявилъ свою богато одаренную натуру, но и превратилъ свою талантливость въ живое дѣло.

Какъ выдающійся студентъ, А. И. былъ оставленъ при кафедрѣ гидравлики проф. Д. С. Зерновымъ и получилъ командировку заграницу. Онъ блестяще использовалъ эту командировку и ознакомился съ заграничной промышленностью и методами преподаванія въ германской высшей школѣ. Въ короткій промежутокъ, между окончаніемъ училища и избраніемъ его адъюнктъ-профессоромъ въ томъ же училищѣ, А. И. служилъ инженеромъ на Рязанскомъ машиностроительномъ и Мытищенскихъ заводахъ.

Вскорѣ А. И. дѣлается однимъ изъ авторитетнѣйшихъ русскихъ гидравликовъ. Онъ издаетъ курсъ лекцій по водянымъ турбинамъ, «Гидравлику», — книгу, поражающую стройностью и точностью изложенія. Теперь эта книга стала и въ Россіи библіографической рѣдкостью и по обстоятельствамъ, съ ея научными достоинствами ничего общаго не имѣющими, оказывается подъ запретомъ къ переизданію. Его «Атласъ водяныхъ турбинъ» безспорно одна изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ работъ, не только въ русской, но и въ иностранной технической литературѣ. (Отзывъ проф. Пфара).

Въ Московскомъ Техническомъ Училищѣ А. И. въ теченіе долгаго времени занималъ должность помощника директора училища и былъ первымъ деканомъ механическаго его отдѣленія. По отзывамъ его сотоварищей, онъ создалъ этотъ деканатъ, послужившій образцомъ для другихъ русскихъ техническихъ учебныхъ заведеній.

Въ 1913-мъ году онъ былъ избранъ профессоромъ инженерно-строительнаго отдѣленія Московскаго сельско-хозяйственнаго Института (б. Петровская с.-х. Академія) по кафедрѣ гидравлики и прикладной механики. Тамъ ему удалось создать хорошо подобранный кабинетъ моделей по практической механикѣ. Имъ былъ задуманъ большой проектъ обширной лабораторіи, въ которой, впервые въ Россіи, главное вниманіе было обраще-

но на вопросы инженерной гидравлики, мало еще разработанные и очень важные для Россіи. Имъ было построено нѣсколько гидравлическихъ установокъ, оборудованныхъ по послѣднему слову техники. Многія изъ нихъ послужили впослѣдствіи образцомъ и дали толчекъ для постройки гидравлическихъ станцій для небольшихъ фабрикъ и русскихъ селъ. Незадолго до своей гибели онъ приступилъ къ составленію книги-руководства о томъ, какъ можно въ деревняхъ правильно использовать небольшія водныя силы. Книга эта, по причинѣ его ареста и смерти, такъ и осталась не законченной, несмотря на всю ея несомнѣнную необходимость для русской деревни.

Онъ не удовлетворялся работой средняго качества. Онъ былъ строгъ къ себѣ. Но такую же работу высокаго качества онъ требовалъ и отъ своихъ студентовъ. Въ результатѣ, подъ его руководствомъ вышло много образованныхъ инженеровъ по его спеціальности.

Ассистентъ А. И. въ Московскомъ с.-х. Институтѣ, А. В. Дейша, такъ характеризуетъ основныя черты его работы: «Первое, что постоянно въ немъ поражало, это громадная трудоспособность, позволявшая работать за двоихъ, большая инициатива и замѣчательное умѣніе быстро усваивать и примѣнять новыя техническія идеи. Второе, что тоже всегда поражало, это полное довѣріе, которое онъ оказывалъ своимъ сотрудникамъ въ данныхъ имъ порученіяхъ... Понятно, поэтому, что у насъ, его сотрудниковъ, отъ него и отъ совмѣстной съ нимъ работы остались самыя свѣтлыя воспоминанія».

Сознаніе необходимости А. И. для техническаго образованія Россіи и, въ частности, для Московскаго высшаго техническаго училища, не изгладилось и теперь, когда годы прошли со времени безумнаго и безсмысленнаго убійства А. И. Астрова. Проф. П. К. Худяковъ во время празднованія 40-лѣтняго юбилея преподавательской и научной дѣятельности, отвѣчая на привѣтствіе комиссара Луначарскаго, сказалъ, что, когда восхваляютъ Московское Высшее Техническое Училище, передъ его взоромъ встаютъ образы тѣхъ, кто такъ безконечно мно-

го сдѣлалъ для этого училища. Среди этихъ лицъ онъ назвалъ имена Н. Е. Жуковскаго и А. И. Астрова.

А. И. состоялъ товарищемъ предсѣдателя Всероссійскаго Союза Инженеровъ. Интересна его статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу наводненія въ Москвѣ въ 1908-мъ году. Въ этой статьѣ онъ указываетъ на рядъ мѣръ, которыя должны быть приняты для огражденія населенія отъ новыхъ разливовъ рѣки.

Мои встрѣчи съ А. И. относятся, главнымъ образомъ. къ годамъ войны, къ работѣ въ Московскомъ отдѣленіи Императорскаго Техническаго Общества и въ Комитетѣ Военно-Технической помощи.

Въ годы войны А. И. со страстью отдался дѣлу служенія родинѣ уже на новомъ поприщѣ. Онъ былъ однимъ изъ организаторовъ санитарно-техническаго отдѣла Союза Городовъ. Нѣсколько разъ ѣздилъ на фронтъ, привозя оттуда все новыя и новыя идеи и предположенія о новыхъ видахъ помощи и содѣйствія арміи. Когда Россія спѣшно принялась изготовлять предметы снаряженія для своей арміи, онъ занялъ постъ предсѣдателя Петроградскаго отдѣла Земгора, гдѣ проявилъ себя во всемъ блескѣ своихъ дарованій и практическаго склада своего ума. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей успѣшно проведенной при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ эвакуаціи рижскихъ заводовъ. Былъ командированъ въ 1916-мъ году въ Америку для пріема русскихъ военныхъ заказовъ (паровозовъ и желѣзнодорожныхъ принадлежностей). Былъ представителемъ общественныхъ организацій въ Особомъ Совѣщаніи по оборонѣ, гдѣ былъ однимъ изъ наиболѣе активныхъ работниковъ въ подготовительныхъ комиссіяхъ Совѣщанія.

Въ періодъ революціи онъ удесятерилъ свою энергію и работу, сознавая, что только немедленная творческая работа можетъ спасти Россію и закрѣпить новый порядокъ вещей послѣ крушенія стараго порядка. Онъ кипѣлъ и жаждалъ новой дѣятельности и новой работы въ новыхъ условіяхъ. Въ маѣ 1917-го года онъ былъ назначенъ управляющимъ учебнымъ отдѣломъ Министерства

торговли и промышленности, сохранивъ за собой всѣ прежнія обязанности по общественной работѣ.

Съ большевицкимъ переворотомъ прервалась всякая возможность общественной работы. Онъ пытается тогда уйти въ научную работу и возобновить учебную дѣятельность. Но въ тѣ времена и эта работа не могла дать результатовъ. Забота о пайкѣ, о хлѣбѣ насущномъ для семьи стала вопросомъ существованія, да и учиться мало у кого было тогда охоты.

Что можно было дѣлать въ то время, на переломѣ двухъ историческихъ эпохъ, когда въ жизнь вторглась стихія, и жизнью завладѣло разлагающее начало большевизма? Вѣрный тому, что было основнымъ смысломъ его жизни, вѣрный и вѣрящій силѣ знанія, онъ дѣлаетъ попытку своимъ знаніемъ послужить Россіи въ трагическую для нея пору, и принимаетъ участіе въ попыткѣ образовать Совѣтъ Экспертовъ. Онъ полагалъ, что мнѣніе свѣдущихъ людей, заключеніе экспертовъ, голосъ людей знанія и культуры, могъ бы оказать хотя бы нѣкоторое сопротивленіе начавшемуся всероссійскому разгрому. Но разгромъ одолѣлъ культуру.

Глядя на окружавшее его въ то время, онъ говорилъ: «. . . Какое наслѣдіе тьмы, дикости и огрубѣнія. Но не нужно отчаиваться. И да хранитъ насъ Богъ отъ тѣхъ глубокихъ разочарованій, которыя измѣняютъ нѣкоторыхъ до неузнаваемости и заставляютъ людей отъ горячей, беззавѣтной любви, отъ готовности отдать жизнь за тѣхъ, кого любилъ, — перейти къ холодной, сознательной и непримиримой ненависти! . . ».

За что же и зачѣмъ убили этого полезнаго и нужнаго для Россіи ученаго, культурнаго человѣка и практическаго дѣятеля, которыхъ такъ немного было въ Россіи?

Его вина обозначена была такъ: «К.-д., шпіонъ Деникина». . .

Кадетомъ онъ былъ въ свое время, и съ увлеченіемъ работалъ въ этой партіи культурныхъ людей.

Совершенная ложь — обвиненіе въ шпіонствѣ.

Записка его по проекту Великаго воднаго сѣвернаго

пути была его ученой работой по одному изъ вопросовъ большого для Россiи значенiя. Это было его заключенiе, изготовленное для совѣта народнаго хозяйства.

Его убили за то, что была найдена записка съ юга, извѣщавшая его о смерти его сына.

Извѣстiе о смерти сына роковымъ образомъ повлекло и его смерть.

Вернувшись послѣ одного изъ допросовъ ЧК въ свою камеру, онъ сказалъ:

— Я знаю, они меня разстрѣляютъ!

Больше онъ не возвращался къ этому вопросу. Скоро онъ овладѣлъ собой, и сохранилъ до конца спокойствiе духа. Онъ только тревожился за семью и за другихъ, которые могутъ погибнуть.

Въ одной камерѣ съ нимъ сидѣли два мальчика-подростка, тоже взятыхъ ошалѣвшими палачами, какъ опасные преступники.

Мальчики говорили ему, что они позабыли французскiй языкъ. А. И. принялся говорить съ ними по-французски, сталъ повторять съ ними языкъ, училъ ихъ, и много разсказывалъ о своемъ путешествiи въ Америку, и изъ того, что видѣлъ въ своей жизни. . .

Онъ просилъ доставить ему въ камеру его «Гидравлику». Это было его послѣднее чтенiе. . .

П. П. Юреневъ

БРАТЬЯ ВИЛЬГЕЛЬМЪ и КИЛIАНЪ ШТЕЙНИНГЕРЫ

Въ спискѣ лицъ, разстрѣлянныхъ одновременно съ Н. Н. Щепкинымъ въ связи съ Нацiональнымъ Центромъ, значатся имена двухъ братьевъ, Вильгельма и Килiана Ивановичей Штейнингеровъ. Около имени Вильгельма Ивановича значится, что онъ — к.-д., инженеръ, одинъ изъ главныхъ петербургскихъ шпiоновъ Антанты, извѣстный Юденичу подъ кличкой «Викъ», секретарь Нацiональнаго Центра, переправлялъ Юденичу свѣдѣнiя, содержащiя

дислокацію войскъ и количество огнестрѣльныхъ припасовъ. Про Киліана Штейнингера сказано, что онъ к.-д., братъ Вильгельма, шпіонъ Юденича, печаталъ донесенія на имя Юденича.

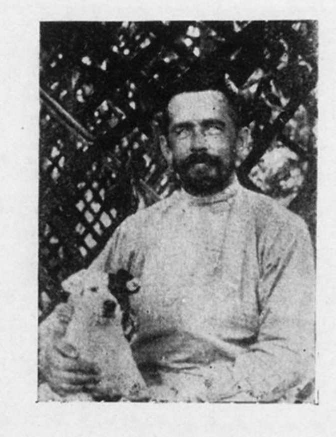
Сомнѣнія нѣтъ, что оба брата были непримиримыми врагами большевиковъ. А Вильгельмъ Ивановичъ, будучи по складу своего характера не безотвѣтственнымъ мечтателемъ, а отвѣтственнымъ строителемъ общественной и государственной жизни, не могъ примириться съ дезорганизаторами и разрушителями ея и вступилъ съ ними въ борьбу. Въ этой борьбѣ онъ палъ доблестно, не уступивъ, не погнувшись, не сдавъ своихъ позицій, защищая Россію, которой онъ былъ преданъ всей душой и которую любилъ, какъ истинный патріотъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ В. И. состоялъ гласнымъ Петербургской городской Думы, принадлежа къ группѣ новодумцевъ. Во время войны активно работалъ въ различныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ Петербургскимъ городскимъ Управленіемъ и Всероссійскимъ Союзомъ Городовъ въ связи съ войной. Такъ, съ конца августа 1914 года, по его иниціативѣ, былъ организованъ центральный складъ, изъ котораго раздавались по городскимъ попечительствамъ о бѣдныхъ заказы по шитью бѣлья для нуждъ городскихъ лазаретовъ. Подъ его предсѣдательствомъ было организовано «Центральное Бюро трудовой помощи» для объединенія дѣятельности попечительствъ въ дѣлѣ пріисканія и исполненія заказовъ по шитью. Къ концу перваго года войны мастерскія попечительствъ уже дали заработокъ 19.357 женщинамъ, получившимъ въ общей суммѣ 360.000 рублей. Въ дальнѣйшемъ, при его участіи возникла Биржа Труда. Изъ этого видно, куда были направлены вниманіе, заботы и интересы покойнаго Вильгельма Ивановича.

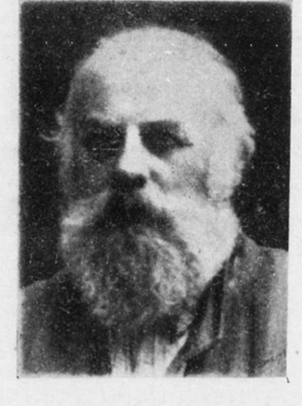
Это былъ большой организаторъ, большой практическій и дѣловой работникъ, который, взявшись за дѣло, умѣлъ его дѣлать въ совершенствѣ: точно, пунктуально, съ величайшей выдержкой. Но В. И. не только умѣлъ работать самъ и организовывать работу въ крупныхъ

В. К. ВИНБЕРГЪ
1836 — 1922.

В. И. АСТРОВЪ
1872 — 1919.

Кн. П. Д. ДОЛГОРУКОВЪ
передъ первымъ путешествіемъ въ Россію въ 1924 г.

А. Д. АЛФЕРОВЪ
† 1919.

А. С. АЛФЕРОВА
† 1919.

масштабахъ, онъ обладалъ даромъ широко привлекать къ ней людей, увлекать ихъ своимъ энтузіазмомъ и крѣпкой вѣрой въ организуемое дѣло. Онъ сумѣлъ развить дѣло небольшой малоизвѣстной конторы по патентнымъ дѣламъ «Фоссъ» до первоклассной конторы «Бр. Штейнингеръ», которую В. И. и велъ совмѣсто съ братомъ своимъ Киліаномъ Ивановичемъ, одновременно съ нимъ трагически погибшимъ. Контора братьевъ Штейнингеръ была широко извѣстна и высоко цѣнилась въ Россіи и внѣ ея, ибо каждый, обращавшійся къ братьямъ Штейнингерамъ за защитой своихъ правъ, независимо отъ того, былъ ли то русскій или иностранецъ и требовалась ли защита въ Россіи или за границей, твердо вѣрилъ, что въ братьяхъ Штейнингерахъ найдетъ превосходныхъ защитниковъ. Эта увѣренность покоилась на всестороннемъ широкомъ техническомъ образованіи и развитіи братьевъ Штейнингеровъ, съ одной стороны, и съ другой — на превосходномъ знаніи ими законовъ, обычаевъ и навыковъ, какими руководствовались въ своей практикѣ патентныя учрежденія Россійской Имперіи и большинства иныхъ промышленныхъ государствъ. Этой широкой освѣдомленностью нерѣдко пользовался Отдѣлъ Министерства Торговли и Промышленности по патентнымъ дѣламъ, прибѣгая въ интересующихъ Отдѣлъ случаяхъ къ нимъ за совѣтомъ и указаніями. Однако, В. И. не ограничивался въ своихъ отношеніяхъ съ Патентнымъ Отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности лишь ролью совѣтчика по приглашенію; онъ, въ свою очередь, проявлялъ инициативу, выступая съ предложеніями о необходимости измѣненій въ порядкѣ прохожденія дѣлъ, какъ формально, такъ и по существу, т. е. въ порядкѣ экспертизы, а иногда и съ предложеніемъ законодательнаго характера.

Дѣятельнымъ членамъ партіи Народной свободы хорошо была извѣстна его скромная контора на Гороховой улицѣ и столь же скромная при ней квартира Вильгельма Ивановича, куда имъ часто приходилось заходить по всевозможнымъ партійнымъ дѣламъ. Ибо В. И. былъ однимъ

изъ самыхъ дѣятельныхъ, если не самымъ дѣятельнымъ, кадетомъ петербургскаго городского Комитета партіи, товарищемъ предсѣдателя котораго онъ состоялъ много лѣтъ подрядъ. Для В. И., внѣ его профессіональныхъ занятій, партія составляла главный интересъ жизни, и партійной работѣ онъ отдавалъ много времени.

Какъ мнѣ сообщили лица, хорошо знавшіе дѣятельность Вильгельма Ивановича, онъ въ послѣдній періодъ его жизни, послѣ октябрьскаго переворота, вмѣстѣ съ П. В. Герасимовымъ, В. Н. Пепеляевымъ и нѣкоторыми другими погибшими дѣятелями партіи, цѣликомъ отдался организаціи борьбы съ большевицкой властью, а въ образовавшемся затѣмъ «Національномъ Центрѣ» завѣдывалъ петербургскимъ информаціоннымъ отдѣломъ, держалъ связь съ дѣятелями бѣлаго движенія и организовалъ переправку за границу противобольшевицкихъ общественныхъ дѣятелей и военныхъ. Многіе изъ русскихъ эмигрантовъ обязаны своимъ спасеніемъ его неутомимой энергіи и организаторскимъ способностямъ.

По ихъ словамъ, дѣло онъ велъ чрезвычайно конспиративно. Его скуластое, простонародное лицо не возбуждало подозрѣній, когда онъ въ одеждѣ простолюдина ходилъ на опасныя свиданія, связанныя съ его конспиративной работой, которая быстро ширилась и развивалась. Но именно расширеніе такой работы часто бываетъ началомъ ея конца. Такъ случилось и со Штейнингеромъ. Въ его организаціи оказался провокаторъ. Въ началѣ осени 1919-го года онъ, вмѣстѣ съ братомъ, помогавшимъ ему въ его конспиративныхъ дѣлахъ, былъ арестованъ. Изъ Петербурга ихъ перевезли въ Москву, гдѣ въ это время шли массовые аресты въ связи съ раскрытой тамъ революціонной работой московскихъ членовъ «Національнаго Центра», принадлежность къ которому братьевъ Штейнингеръ была установлена. Тамъ они и были разстрѣляны въ серединѣ сентября.

А. Ломшаковъ

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. ОГОРОДНИКОВѢ

Въ концѣ девяностыхъ годовъ, участвуя въ одномъ большомъ процессѣ въ Ярославлѣ, я впервые встрѣтился тамъ съ начинающимъ костромскимъ присяжнымъ повѣреннымъ, Николаемъ Александровичемъ Огородниковымъ, который также принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ одного изъ защитниковъ. Съ этихъ поръ между нами завязались дружескія отношенія, которыя съ годами все крѣпли. Бывая нерѣдко въ Москвѣ, Огородниковъ всегда посѣщалъ меня. Въ свою очередь, пріѣзжая по дѣламъ въ Кострому, я былъ неизмѣннымъ его гостемъ. Тамъ я сблизился съ его очаровательной семьей. Сынъ его, Александръ, убитый большевиками вмѣстѣ съ отцомъ, выросъ на моихъ глазахъ.

Біографія Огородникова не сложна. Родился въ 1872 году, окончилъ юридическій факультетъ и вступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ Костромѣ, гдѣ и провелъ всю свою жизнь. Какъ адвокатъ, онъ быстро выдвинулся. Превосходный юристъ, талантливый защитникъ, выдающійся ораторъ, онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ адвокатурѣ Верхняго Поволжья. Но всю жизнь его влекла къ себѣ не только профессіональная, но также общественная и политическая дѣятельность.

Въ 1905-мъ году онъ вступилъ въ партію Народной Свободы. На выборахъ 1906-го года онъ былъ избранъ отъ Костромской губерніи членомъ первой Государственной Думы. Послѣ роспуска Думы, онъ участвовалъ въ составленіи выборгскаго воззванія. Во время процесса членовъ первой Думы судьба привела насъ встрѣтиться въ засѣданіяхъ Петербургской Судебной Палаты, гдѣ я защищалъ подсудимыхъ членовъ Думы, въ томъ числѣ и Огородникова.

Обвинительный приговоръ по этому дѣлу навсегда положилъ конецъ оффиціальной политической и общественной работѣ Огородникова, лишивъ его права участвовать въ выборахъ. Но, живой и дѣятельный, онъ нашелъ выходъ изъ этого положенія. Онъ принимаетъ энер-

гичное участіе въ работахъ своей партіи, участвуетъ въ ея съѣздахъ и совѣщаніяхъ, и избирается въ составъ Центральнаго Комитета партіи. У себя на мѣстѣ, въ Костромской губерніи, Огородниковъ дѣлается живымъ центромъ, связывающимъ тѣ части населенія, которыя примыкали къ партіи или поддерживали ее. Всѣ выборы по губерніи: земскіе, городскіе, политическіе проходятъ подъ руководствомъ Огородникова, и вокругъ него объединяется умѣренная оппозиція въ борьбѣ съ кандидатами правыхъ партій.

Домъ Огородникова дѣлается какъ бы очагомъ всего живого, дѣятельнаго, энергичнаго въ городѣ и въ губерніи. Я никогда не забуду многихъ вечеровъ, проведенныхъ послѣ судебныхъ состязаній въ уютной обстановкѣ его дома. Былъ привлекателенъ самъ хозяинъ, радушный, изящный, образованный, остроумный. Была обаятельна вся его семья, среди членовъ которой чувствовались взаимная любовь, довѣріе и дружба.

Велики были уваженіе къ Огородникову и довѣріе всей губерніи. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безупречно порядочныхъ людей, которыхъ не мало было въ нашей странѣ, и на которыхъ утверждались нравственныя связи общественной жизни.

Не принесла радости Огородникову февральская революція. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свой народъ и русскую жизнь, чтобы поддаться тому политическому угару, который охватилъ нѣкоторые круги. Уже въ то время тяжелыя предчувствія овладѣли имъ.

Когда произошелъ большевицкій переворотъ, Огородниковъ раздѣлилъ судьбу своей партіи. Объявленіе ея внѣ закона, убійства, травля и преслѣдованія руководителей партіи заставили его, какъ и многихъ другихъ, скрываться. Но онъ не счелъ возможнымъ оставаться пассивнымъ зрителемъ происходящихъ событій. Все, что дѣлали большевики, должно было вызывать въ немъ глубокое возмущеніе, не только какъ въ политическомъ дѣятелѣ, но просто какъ въ русскомъ человѣкѣ, который любилъ свою родину.

Онъ принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ большевиковъ, въ организаціи «Національнаго Центра». Въ сентябрѣ 1919-го года Огородниковы, отецъ и сынъ, были убиты большевиками въ Москвѣ, повидимому, одновременно съ Н. Н. Щепкинымъ и другими, по обвиненію въ участіи въ «Національномъ Центрѣ». Въ спискѣ разстрѣлянныхъ по дѣлу «Національнаго Центра», опубликованномъ въ № 211 «Извѣстій», 23-го сентября 1919 года, о Н. А. Огородниковѣ сказано, что онъ былъ осужденъ въ лагерь принудительныхъ работъ на все время гражданской войны и, находясь въ тюрьмѣ, не прерывалъ связи съ «Національнымъ Центромъ». О послѣднихъ дняхъ ихъ жизни, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ свѣдѣній. [1])

Н. В. Тесленко

ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГЕРАСИМОВЪ

Присяжный повѣренный г. Костромы и членъ 4-ой Государственной Думы. Пользовался среди всѣхъ, его знавшихъ, исключительнымъ уваженіемъ и любовью. Въ Государственной Думѣ онъ былъ отъ фракціи к.-д. членомъ комиссіи по запросамъ, и многіе запросы, предъявлявшіеся Думой правительству, были составлены имъ. Изъ Думы онъ писалъ талантливые и живые очерки о думскихъ засѣданіяхъ, помѣщая ихъ въ рядѣ провинціальныхъ газетъ. Послѣ объявленія войны, П. В. отправился на фронтъ во главѣ передового врачебно-питательнаго отряда Земскаго Союза. Два съ половиною года провелъ онъ на фронтѣ въ кипучей работѣ, много разъ подвергая свою жизнь опасности. Его отрядъ былъ однимъ изъ лучшихъ отрядовъ Земскаго Союза.

Въ началѣ революціи П. В. снова появляется въ Петербургѣ и, въ качествѣ члена ЦК партіи Народной Свободы, принимаетъ дѣятельное участіе въ развернувшейся

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія имѣются въ статьѣ П. Мельгуновой-Степановой «Трагедія Неопалимовскаго переулка». — **Ред.**

политической борьбѣ. По порученію ЦК партіи, онъ становится во главѣ ея военной организаціи, гдѣ ему удается использовать свою популярность въ военной средѣ, пріобрѣтенную долгой плодотворной работой на фронтѣ. Главной задачей этой организаціи было вести агитацію противъ разваливавшихъ армію большевиковъ.

Послѣ октябрьскаго переворота П. В. не прекращаетъ борьбы. Скрывается, живетъ подъ чужой фамиліей, но продолжаетъ бороться. О его конспиративной работѣ далеко не все извѣстно, да и то, что извѣстно, еще не подлежитъ опубликованію. Больше года ему удается ускользать отъ бдительности ЧК. Лишь въ 1919-мъ году онъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ въ Москвѣ, одновременно съ Н. Н. Щепкинымъ и другими лицами, привлеченными по дѣлу о «Національномъ Центрѣ». Ему удалось скрыть свою настоящую фамилію отъ большевиковъ, которые, разстрѣливая его, не знали, что убиваютъ одного изъ своихъ наиболѣе активныхъ враговъ. Но самъ онъ зналъ, что умираетъ, какъ солдатъ на полѣ брани.

В. О.

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КНЯЗЬКОВЪ

Сергѣй Александровичъ Князьковъ родился въ Москвѣ въ небогатой старообрядческой семьѣ. Съ дѣтства ему приходилось помогать своимъ роднымъ въ ихъ торговомъ дѣлѣ, и не безъ труда добился онъ разрѣшенія поступить въ реальное училище. Окончаніе его давало ему, однако, возможность поступить въ университетъ только въ качествѣ вольнослушателя. Благодаря этому онъ, несмотря на достигнутые имъ блестящіе успѣхи — его спеціальностью стала русская исторія — все же диплома и связанныхъ съ нимъ правъ получить не могъ, а потому не могъ быть и оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію.

Тогда С. А. всецѣло посвящаетъ себя научно-каби-

нетной и архивной работѣ, результатомъ которой былъ цѣлый рядъ печатныхъ трудовъ. Въ скоромъ времени появляются его «Изъ прошлаго русской земли (ч. 1.)» и «Происхожденіе раскола», затѣмъ «Очерки по исторіи крѣпостного права», «Очерки изъ исторіи до-Петровской Руси», монографія «Самодержавіе въ его исконномъ смыслѣ», «Изъ прошлаго русской земли (ч. 2)», и, наконецъ, «Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени».

Исключительное знаніе С. А. эпохи Петра Великаго послужило основаніемъ къ приглашенію его въ Государственный и Главный Архивъ, гдѣ онъ и работалъ по разборкѣ Кабинета Петра Великаго. Этой работѣ онъ отдался съ увлеченіемъ, и неоднократно говорилъ, что она постоянно открываетъ ему совершенно новыя историческія перспективы. Черпая изъ этой сокровищницы свѣжіе, еще невѣдомые исторической наукѣ, матеріалы, онъ готовилъ большой новый трудъ по исторіи Петра Великаго. Судьба этого труда мнѣ неизвѣстна.

С. А. не былъ, однако, узкимъ специалистомъ, замкнувшимся въ избранной имъ области. Онъ много читалъ и по другимъ отраслямъ знанія и былъ вообще разносторонне образованнымъ человѣкомъ. Помню, какъ въ 1910 году, во время нашего совмѣстнаго проживанія на югѣ Баваріи, онъ меня поразилъ своимъ блестящимъ знаніемъ англійскихъ конституціонныхъ порядковъ. Русскую классическую литературу онъ зналъ прекрасно; но и современные писатели были ему не чужды: онъ внимательно слѣдилъ за новѣйшей литературой и хорошо умѣлъ отдѣлять въ ней плевелы отъ здоровыхъ ростковъ.

Въ партію Народной Свободы С. А. вступилъ не сразу. Одобряя почти во всемъ к.-д. программу, онъ говорилъ, что одной хорошей программы ему мало, что надо сначала посмотрѣть, какъ эта программа будетъ проводиться въ жизнь, т. е. какова будетъ тактика партіи. Несомнѣнно, однако, что на первоначальное воздержаніе С. А. отъ вступленія въ партію имѣло вліяніе и то обстоятельство, что онъ, какъ большой индивидуалистъ по натурѣ, долго не рѣшался подчинить свою политическую

волю партійной дисциплинѣ. Однако, придя къ заключенію, что тактика партіи его въ общемъ удовлетворяетъ, онъ счелъ своимъ долгомъ и формально примкнуть къ своимъ единомышленникамъ.

Серьезный, всегда спокойный, молчаливый, нѣсколько даже флегматичный, С. А. не принадлежалъ къ числу активныхъ борцовъ партіи. Онъ былъ то, что называется «рядовымъ кадетомъ». Но тѣ, съ кѣмъ онъ ближайшимъ образомъ соприкасался по партійной линіи (какъ, напримѣръ, въ к.-д. Комитетѣ его района), къ его мнѣнію всегда прислушивались. Его спокойный, трезвый умъ часто находилъ хорошіе выходы изъ положеній, затруднявшихъ гораздо болѣе опытныхъ, чѣмъ онъ, политиковъ. Поэтому его кандидатура часто выставлялась на болѣе замѣтныя въ партійной жизни мѣста; но, со свойственной ему ровной сдержанностью, онъ ее неизмѣнно отклонялъ.

Въ 1918-мъ году С. А., какъ и многіе другіе члены партіи Народной Свободы, примкнулъ къ движенію, извѣстному подъ именемъ «Національнаго Центра». Никакой активной роли онъ въ этомъ движеніи не игралъ. Все его отношеніе къ нему сводилось къ участію — и притомъ очень рѣдкому — въ нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ болѣе активныхъ дѣятелей «Центра». Однако, для большевиковъ и этого оказалось достаточнымъ, чтобы его разстрѣлять.

Насколько далеко въ это время С. А. стоялъ отъ активной политической дѣятельности, видно уже изъ того, какъ онъ былъ арестованъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля 1919 г. С. А., именно потому, что онъ не былъ въ курсѣ антибольшевицкой активной дѣятельности, зашелъ къ своему старому сотоварищу по к.-д. партіи, инж. В. И. Штейнингеру, у котораго, онъ имѣлъ основанія надѣяться, получить интересовавшія его свѣдѣнія и стать въ курсѣ событій. Между тѣмъ В. И. Штейнингеръ былъ за нѣсколько дней до этого арестованъ Чекой со всей своей семьей (о чемъ С. А., конечно, и не подозрѣвалъ), и въ квартирѣ его была оставлена засада. Въ эту засаду попалъ С. А. и, послѣ долгихъ и, по слухамъ, чрезвычайно же-

стокихъ, допросовъ въ Петербургской Чека, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и былъ въ сентябрѣ того же года разстрѣлянъ вмѣстѣ со многими дѣятелями Національнаго Центра. Гимназія М. Н. Стоюниной, гдѣ онъ преподавалъ исторію и гдѣ онъ пользовался всеобщей любовью, имѣла большое, по тѣмъ временамъ, мужество устроить по немъ торжественную панихиду. Мы же, старые друзья его и погибшихъ съ нимъ, отслужили по нимъ тайную панихиду. Изъ всѣхъ, бывшихъ на этой панихидѣ, нынѣ осталось въ живыхъ только двое, — остальные тоже всѣ были потомъ разстрѣляны большевиками.

Б. Г. Катеневъ

А. А. ВОЛКОВЪ

А. А. Волковъ былъ убитъ большевиками вмѣстѣ со Щепкинымъ, Алферовыми, Астровыми, вмѣстѣ съ учительницей М. А. Якубовской и другими, погибшими въ сентябрѣ 1919 года. Его убили за то, что у него, будтобы, найденъ былъ шифръ, которымъ шифровалась переписка «Національнаго Центра». Возможно, что это правда. Несомнѣнно, однако, то, что покойный былъ съ головой погруженъ въ свои ученые труды, всегда стоялъ далеко отъ политики, и въ данномъ случаѣ, если даже участвовалъ въ конспираціи, то по свойствамъ своего характера и преобладающихъ въ немъ научныхъ интересовъ, не могъ играть замѣтной роли въ дѣятельности «Національнаго Центра».

А. А. Волковъ былъ приватъ-доцентомъ Московскаго Университета, преподавателемъ Высшихъ женскихъ курсовъ и Московскаго Института инженеровъ путей сообщенія. Это былъ математикъ, истинный ученый, отдавшійся наукѣ по призванію и проявившій за свою короткую жизнь большую талантливость. Ученые математики отмѣчаютъ его серіозныя научныя достиженія и его труды по неэвклидовой геометріи и по теоретической ариф-

метикѣ. По словамъ проф. Е. Л. Буницкаго, книга А. А. Волкова по теоретической арифметикѣ — «Эволюція понятія о числѣ» — была драгоцѣннымъ пособіемъ при усвоеніи логическихъ основъ арифметики.

А. А. Волковъ обладалъ чарующей общительностью и большой сердечной отзывчивостью, что привлекало къ нему сердца его сотоварищей и учащейся молодежи. И его убили... **Н. А.**

ГЕОРГІЙ НИКИТИЧЪ СУХОВЪ

Георгій Никитичъ Суховъ былъ мелкимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ. Примкнувъ къ партіи Народной Свободы, сталъ дѣятельнымъ членомъ ея въ Петербургѣ.

Захватъ власти большевиками Г. Н. ощутилъ крайне болѣзненно, и рѣшилъ не допускать возможности ихъ длительнаго владычества. «Вотъ выборы въ Учредительное Собраніе имъ покажутъ» — говаривалъ онъ въ началѣ ноября, принимая самое дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Когда большевицкія преслѣдованія заставили партію к.-д. перейти на нелегальное положеніе, онъ добросовѣстно продолжалъ работать въ подпольѣ. Пользуясь своей демократической внѣшностью, онъ часто бралъ на себя отвѣтственныя порученія и смѣло выполнялъ ихъ, рискуя своей жизнью.

Послѣ ареста В. И. Штейнингера и П. В. Герасимова, подъ ближайшимъ руководствомъ которыхъ Г. Н. работалъ, онъ увидѣлъ, что и за нимъ идетъ чекистская слѣжка. Онъ попытался скрыться. Чтобы замести за собой слѣды, онъ поѣхалъ по Балтійской жел. дорогѣ въ Гатчину, тамъ перешелъ на Варшавскую ж. д., доѣхалъ до станціи Александровской, и направился на Царскосельскій вокзалъ, чтобы ѣхать по направленію къ ст. Дно. Но въ Царскомъ Селѣ на вокзалѣ его уже ждали. Онъ былъ арестованъ и черезъ полтора мѣсяца разстрѣлянъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ дѣятелями «Національнаго Центра» и др. (по дѣлу 67-ми). **Б. К.**

Другія жертвы Ч. К. 1919 года

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БЫКОВЪ

У Быкова были большія заслуги передъ русскими рабочими... Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка, съ изданіемъ первыхъ законовъ объ охранѣ труда, въ Россіи открылось новое поприще для практической общественной работы. На только что учрежденную тогда фабричную инспекцію легла трудная задача борьбы на два фронта. Новые законы встрѣчали энергичное противодѣйствіе со стороны владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Съ другой стороны, и во вліятельныхъ правящихъ кругахъ новые органы государственной власти и ихъ спеціальныя функціи не вызывали сочувствія. Петербургская бюрократія считала законы опасной уступкой либеральному общественному мнѣнію, а на людей, взявшихъ на себя проведеніе ихъ въ жизнь, глядѣла подозрительно. Уступку стремились, по возможности, обезвредить, если нельзя было ея взять назадъ. Фабричной же инспекціи старательно совали палки въ колеса и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, гнали вступавшихъ въ ея ряды людей идеи и живого дѣла, предпочитая видѣть на ихъ мѣстѣ работниковъ болѣе обычнаго чиновничьяго склада.

Извѣстно, что первый и самый знаменитый русскій фабричный инспекторъ, проф. И. И. Янжулъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ бюрократической рутиной и бюрократическимъ упорнымъ противодѣйствіемъ требованіямъ жизни, вынужденъ былъ покинуть свой боевой постъ. Но святое мѣсто пусто не бываетъ: у него нашлись продолжатели изъ среды молодой интеллигенціи того времени, которая не отказалась отъ попытокъ работать и расчищать путь къ дальнѣйшему движенію на новомъ, только что завоеванномъ, участкѣ общественной дѣятельности.

Александръ Николаевичъ принадлежалъ къ числу этихъ піонеровъ.

«На мнѣ, — пишетъ Быковъ въ одной своей замѣткѣ автобіографическаго содержанія, — рѣзко отразилось вліяніе эпохи моей юности, т. е. конца 70-хъ годовъ, съ ихъ идеалистическимъ народничествомъ».

Несомнѣнно, что это настроеніе и толкнуло его на общественную работу по «охранѣ труда», вѣрнымъ которой онъ оставался всю жизнь. Фабричная инспекція, это былъ главный каналъ, по которому шла его работа, но не единственный. Той же цѣли можно было служить въ литературѣ и съ профессорской кафедры. А. Н. послѣдовательно использовалъ всѣ эти рессурсы.

Но прежде, чѣмъ вступить на этотъ путь, Быковъ попытался приложить свои силы на другихъ поприщахъ, ища дѣла по душѣ и въ соотвѣтствіи со своими юношескими стремленіями. Сынъ художника и владѣльца хорошей картинной галлереи, онъ и самъ предназначался къ художественной карьерѣ. Рисунки 14-лѣтняго мальчика давали поводъ возлагать на него надежды такимъ мастерамъ, какъ Крамской, Айвазовскій, Якобій. Надежды эти не обманулъ юноша. По окончаніи курса реальнаго училища, Быковъ былъ принятъ на архитектурное отдѣленіе Академіи Художествъ. Но уже черезъ годъ онъ перешелъ въ Петербургскій Технологическій Институтъ. Художникъ предпочелъ карьеру техника, болѣе близкую къ гущѣ жизни.

Кратковременнаго опыта оказалось, однако, достаточно, чтобы молодой инженеръ-технологъ убѣдился, что частная служба въ промышленности «не соотвѣтствуетъ ни его способностямъ, ни его стремленіямъ». Тѣмъ не менѣе отойти отъ гущи жизни онъ не хочетъ и совсѣмъ разстаться съ промышленностью не думаетъ. «Охрана труда» становится съ тѣхъ поръ его постояннымъ девизомъ. Быковъ начинаетъ искать путей для вступленія въ фабричную инспекцію.

Это ему удается въ 1889-мъ году. Въ теченіе почти четверти вѣка работаетъ Быковъ въ качествѣ фабричнаго

инспектора въ Тулѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Харьковѣ, Ригѣ, наконецъ, въ Центральномъ Управленіи Инспекціи въ Петербургѣ. Такое непрерывное передвиженіе съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ не было сплошнымъ повышеніемъ по службѣ способнаго и удачливаго работника. Въ служебныхъ странствованіяхъ Быкова нерѣдко даже дѣйствительное повышеніе являлось, въ сущности, удаленіемъ неудобнаго, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, человѣка. У него были выдающіяся способности, онъ обладалъ большими спеціальными знаніями, онъ велъ свое дѣло съ безупречной корректностью. Это признавалось, съ этимъ приходилось считаться. Но... но въ Москвѣ у него образовались, нежелательныя для его ближайшаго начальства, связи съ прогрессивной журналистикой, въ Харьковѣ глава мѣстной административной власти прямо и откровенно «не пожелалъ» имѣть дѣло съ этимъ корректнымъ, но завѣдомо либеральнымъ, фабричнымъ инспекторомъ, въ Ригѣ онъ навлекъ на себя неудовольствіе уже министра внутреннихъ дѣлъ своимъ содѣйствіемъ успѣху прогрессивнаго блока на выборахъ въ первую государственную Думу. И повсюду, куда бы его ни заносила судьба, онъ входилъ въ интересы мѣстной общественной жизни, принималъ дѣятельное участіе въ просвѣтительной работѣ общества, сближался съ его прогрессивными элементами, забывая или, лучше сказать, не считаясь съ тѣмъ, что начальство относилось къ нему подозрительно и недоброжелательно.

Въ Петербургѣ А. Н. лишился возможности практически, непосредственно работать на поприщѣ охраны труда, но могъ продолжать свое излюбленное дѣло въ качествѣ преподавателя Политехническаго и Технологическаго Институтовъ. Однако, министерскій отдѣлъ промышленности, куда на службу онъ былъ переведенъ изъ Риги, «не нашелъ возможнымъ, — какъ говорится въ той же автобіографической запискѣ, — предоставить ему сколько-нибудь серьезной и самостоятельной работы». Неудобнаго въ провинціи инспектора взяли въ Петербургъ, но и здѣсь своей склонностью къ «серьезной и

самостоятельной работѣ» онъ было тоже неудобенъ. Его задумали было снова сплавить куда-либо въ провинцію, кстати отстранивъ такимъ образомъ отъ профессуры. Но онъ на этотъ разъ заупрямился въ виду открывшейся для него возможности продолжить дѣло жизни съ профессорской кафедры и отклонилъ предложенное мѣсто, хотя оно и сопряжено было съ повышеніемъ по службѣ. Тогда его попросту «уволили» изъ фабричной инспекціи, «причисливъ» къ министерству «безъ сохраненія содержанія». Быковъ ушелъ въ городскую общественную работу въ качествѣ гласнаго Петербургской городской Думы и члена городской управы, продолжая свою преподавательскую и литературную дѣятельность.

Какъ писатель и журналистъ, Быковъ дебютировалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» по вопросамъ фабричной жизни и рабочаго быта. Въ началѣ своей литературной карьеры, по условіямъ того времени, писать онъ могъ только подъ псевдонимами, мѣняя ихъ. Такъ, первый же его псевдонимъ («Инженеръ-технологъ») былъ быстро разгаданъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя этимъ интересовались, но не очень одобряли литературные опыты безупречнаго, но неудобнаго инспектора. Пришлось замѣнить этотъ псевдонимъ новымъ, оказавшимся болѣе долговѣчнымъ. Ф. П. (потомъ Павловъ), появившись въ той же газетѣ, перешелъ на столбцы и другихъ изданій, а затѣмъ и на обложки книгъ Быкова по рабочему вопросу. Подъ псевдонимомъ же А. Н. сталъ печать свои статьи и на общія публицистическія темы. «Письма съ юга Сѣверянина» начались также въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а когда имя талантливаго корреспондента московской газеты стало достаточно извѣстнымъ читающей публикѣ, его публицистическіе очерки, какъ бывало это и съ другими корреспондентами «Русскихъ Вѣдомостей», протopили себѣ дорогу подъ тѣмъ же псевдонимомъ въ толстые журналы («Русское Богатство», «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы»). И только въ послѣдніе годы передъ революціей Быковъ сталъ свои статьи и книги подписывать полнымъ именемъ.

Въ общемъ, литературная дѣятельность Быкова была и по содержанію и по объему значительна, и снискала ему репутацію умнаго, талантливаго и наблюдательнаго писателя, симпатіи котораго на всемъ ея многолѣтнемъ протяженіи не удалялись отъ основной ноты его юношескаго идеализма. Идеи зрѣли, практическія программы слѣдовали за перемѣнами въ окружающей обстановкѣ, но главныя очертанія политическаго символа вѣры — широкій демократизмъ, неотдѣлимый отъ требованій соціальной справедливости и государственнаго порядка, покоящагося на правѣ и свободѣ, — были вынесены Быковымъ смолоду и донесены до послѣднихъ дней.

О Быковѣ можно сказать пословицей: «съ чѣмъ въ колыбельку, съ тѣмъ и въ могилку».

И тѣмъ трагичнѣе конецъ этого поборника интересовъ «труда»... Онъ не могъ примириться съ диктатурой, поправшей свободу и право, подъ прикрытіемъ фразъ о тѣхъ же интересахъ «труда». Онъ вступилъ съ ней въ неравную борьбу, и погибъ отъ руки палача при расправѣ съ Петербургомъ послѣ отступленія Юденича.

Владиміръ Розенбергъ

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ МЕДВѢДЕВЪ

Въ лицѣ Александра Васильевича Медвѣдева Суджанское земство и партія Народной Свободы потеряли одного изъ наиболѣе цѣнныхъ своихъ дѣятелей.

А. В. родился въ 1880-мъ году въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, въ с. Ржавѣ. По окончаніи Курской гимназіи, А. В. поступилъ въ Московскій Университетъ на юридическій факультетъ. Однако, ему не пришлось окончить Университета. Старшіе его братья въ это время принимали дѣятельное участіе въ общественной земской жизни родного уѣзда, какъ гласные, мировые судьи, непремѣнные члены и т. п. По этому пути пошелъ и А. В. Избранный уѣзднымъ гласнымъ, А. В., совсѣмъ моло-

дымъ человѣкомъ, входитъ въ составъ Суджанской уѣздной земской управы, предсѣдателемъ которой былъ князь Петръ Дмитріевичъ Долгоруковъ, а членами В. В. Усовъ, Н. П. Ляховъ и А. Я. Выдринъ. Дѣятельность этой управы нашла себѣ глубокій и горячій откликъ въ уѣздѣ, а работа подъ руководствомъ кн. Петра Долгорукова была лучшей общественной школой для А. В. Будучи самымъ молодымъ изъ всего состава управы, онъ отдался весь земской работѣ, завѣдуя отдѣломъ народнаго образованія. Дѣятельный, общительный, радушный товарищъ и сослуживецъ, внимательный и предупредительный для подчиненныхъ, А. В. скоро снискалъ себѣ искреннюю любовь и большую популярность въ уѣздѣ. Можно было думать, что такъ блестяще начавшаяся земская карьера еще шире развернется въ будущемъ. Однако, смѣна состава уѣздныхъ гласныхъ въ 1907-мъ году, когда всѣ передовые и либеральные гласные были замѣнены правыми, прервала дѣятельность Медвѣдева, заставивъ покинуть управу и любимое дѣло. Вынужденно устранившись отъ земской жизни въ уѣздѣ, А. В. тщетно старался на послѣдующихъ выборахъ пробить стѣну, загородившую ему дорогу къ земской дѣятельности. Но лишь съ февральской революціей А. В. могъ вновь приложить свои силы и знанія въ общественной работѣ. Въ первыхъ числахъ марта 1917-го года онъ избирается предсѣдателемъ Суджанскаго исполнительнаго комитета, а въ серединѣ марта предсѣдателемъ земской управы. А. В. вновь вступилъ въ земскую жизнь. Но это была уже не та жизнь, не та обстановка, не та работа, къ которой онъ привыкъ, которую зналъ и любилъ. Земская жизнь 1917-го года представляла нѣчто очень сложное, уродливое, необычное въ сравненіи съ прошлымъ. Каждый мѣсяцъ стоилъ трехлѣтія. Безъ средствъ, но съ удесятереннымъ бюджетомъ, безъ административнаго контроля, но съ вмѣшательствомъ населенія чуть ли не во всѣ мѣропріятія, земская дѣятельность 1917-го года требовала необычайной тактичности и настойчивости. Земское хозяйство рушилось. Разрушеніе усиливалось съ каждымъ мѣсяцемъ. Од-

Н. А. ОГОРОДНИКОВЪ
1872 — 1919.

Н. В. ОГНЕВЪ
† 1918.

А. А. ВИЛЕНКИНЪ
1883 — 1918

К. К. ЧЕРНОСВИТОВЪ
1865 — 1919.

В. Н. ПЕПЕЛЯЕВЪ
1885 — 1920.

ному А. В. было немыслимо поддерживать валившееся зданіе. Умѣніе, охота, способности быстро приноравливаться къ положенію, ораторскія данныя, корни прежнихъ связей и популярности у населенія позволили А. В. съ честью выходить изъ тяжелаго положенія въ то трудное время. Но онъ хорошо видѣлъ, что вся его земская дѣятельность лишь балансированіе надъ пропастью. Видя въ немъ одну изъ наиболѣе почтенныхъ и активныхъ фигуръ уѣзда, противники, въ лицѣ эсеровъ и нарождавшихся большевиковъ, вели яростную кампанію противъ А. В. Боровшійся вначалѣ съ ними, Медвѣдевъ вскорѣ увидалъ тщетность своихъ усилій, главное — убѣдился въ безнадежности и безцѣльности земской работы въ такой обстановкѣ. Осенью, при выборахъ новой управы, по новому закону, Медвѣдевъ не попалъ больше въ предсѣдатели. Ему пришлось вновь отойти отъ земской дѣятелности, и на этотъ разъ окончательно. Послѣ октябрьскаго переворота земство было ликвидировано, какъ органъ самоуправленія. Страшную осень 1917-го года и не менѣе страшную зиму 1918-го года А. В. провелъ у себя въ имѣніи, въ с. Разгребляхъ. Наступленіе нѣмцевъ зимой 1918-го года и созданіе гетманской Украины разрѣзали Суджанскій уѣздъ на двѣ части. Меньшая часть уѣзда, съ городомъ Суджей, отошла къ Украинѣ, остальная часть уѣзда осталась въ Россіи. Граница прошла какъ разъ черезъ село Разгребли. Здѣсь большевики рѣшили устроить пограничный постъ. Банды красноармейцевъ, наводнявшія уѣздъ въ эту зиму, завладѣли усадьбой А. В. Ему пришлось бѣжать. Онъ рѣшилъ ѣхать на Донъ. Добравшись до Новочеркасска, онъ былъ арестованъ тамъ и скончался въ тюрьмѣ отъ тифа, передъ самымъ освобожденіемъ Дона добровольцами.

Въ родномъ уѣздѣ добрую память объ А. В. Медвѣдевѣ не сотрутъ и годы совѣтскаго владычества.

В. А. Евреиновъ

ВЛАДИМІРЪ ПАВЛОВИЧЪ НАУМЕНКО

Въ ночь на 8-ое іюля 1919-го года въ Кіевѣ былъ разстрѣлянъ большевиками Владиміръ Павловичъ Науменко.

Вся жизнь В. П. прошла въ Кіевѣ, и его имя связано съ цѣлымъ рядомъ культурныхъ и просвѣтительныхъ начинаній, какъ русскихъ, такъ и украинскихъ. Вліяніе его чарующей личности, вліяніе его педагогическаго таланта сказалось на цѣломъ рядѣ его учениковъ и ученицъ, сохранившихъ на всю жизнь благодарную память о своемъ учителѣ.

В. П. родился 7-го іюля 1856-го года въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, гдѣ отецъ его былъ директоромъ гимназіи. Учился сначала тамъ же, а затѣмъ въ Кіевской II гимназіи. По окончаніи историко-филологическаго факультета Кіевскаго Университета, онъ въ 1873-мъ году начинаетъ свою педагогическую дѣятельность въ родной и близкой ему второй гимназіи и въ продолженіи 30 лѣтъ, до своей отставки въ 1903-мъ году, преподаетъ въ ней и въ женской гимназіи св. Ольги русскій языкъ и литературу. Цѣлое поколѣніе кіевской молодежи училось у В. П. и наслѣдовало отъ своего учителя любовь къ русской культурѣ. Учитель онъ былъ изумительный. Его уроки, живые и образные, слушались всегда съ одинаковымъ интересомъ. Вліяніе его на подрастающее поколѣніе было очень большое, и это тревожило его начальство. Времена были тогда тяжелыя... Предаваясь иногда въ кругу своихъ близкихъ воспоминаніямъ, В. П. очень красочно и юмористически разсказывалъ о тяжелыхъ условіяхъ своей педагогической работы, и надо было изумляться, какъ могъ онъ въ этихъ условіяхъ достигать тѣхъ огромныхъ результатовъ, о которыхъ онъ всегда скромно умалчивалъ. Выйдя въ отставку въ 1903-мъ году, В. П. Науменко соглашается принять участіе въ попыткахъ созданія въ Кіевѣ школы совмѣстнаго образованія новаго типа, и съ этихъ поръ начинается наше личное знакомство и сотрудничество въ педагогической работѣ. Къ идеѣ созданія

совмѣстной школы В. П. отнесся съ обычной своей энергіей и вдумчивостью. Умилительно было видѣть, какъ онъ отдаетъ свое время и силы этой маленькой школѣ, въ которой въ 1903-мъ году было всего лишь около 50 дѣтей. Обдумывая планъ будущей работы, онъ преподаетъ въ немногочисленномъ старшемъ классѣ школы, принимаетъ къ сердцу всѣ ея достиженія и неудачи и, когда въ 1905-мъ году, по несочувствію министра народнаго просвѣщенія Глазова къ идеѣ совмѣстнаго обученія, школу приходится раздѣлить на мужскую и женскую гимназіи, В. П. соглашается, по просьбѣ родителей-учредителей, взять на себя директорство мужской гимназіи и становится во главѣ «Частной гимназіи В. П. Науменко». Онъ оставилъ это мѣсто лишь въ 1914-мъ году, когда при министрѣ гр. Игнатьевѣ ему удалось оформить передачу гимназіи на имя кружка родителей, ея основателей.

В. П. съ жаромъ отдается своей новой дѣятельности, и ему удается въ какихъ нибудь два года поставить гимназію на должную высоту. Съ помощью кружка учредителей, онъ обезпечиваетъ ее отличнымъ помѣщеніемъ и прекраснымъ оборудованіемъ. Ему удается подобрать персоналъ, согласный съ его идеями, и онъ старается, насколько это возможно, провести въ ней и новые методы. Времена были для этого особенно неблагопріятныя. Въ столицѣ мѣнялись министры, въ Кіевѣ — попечители округа, а съ ними мѣнялись и взгляды на обученіе и образованіе. Въ Округѣ и Министерствѣ началась личная борьба противъ В. П. и созданнаго имъ учрежденія. Въ гимназію, противъ его воли и желанія кружка учредителей, назначались учителя, не раздѣлявшіе основныхъ принциповъ, руководившихъ В. П. при созданіи имъ гимназіи. Надо было всегда преклоняться передъ той стойкостью и терпѣніемъ, съ которыми В. П. отстаивалъ свое дѣтище. Въ 1909-мъ году, въ связи съ закрытіемъ «Кіевскаго общества грамотности», въ которомъ В. П. Науменко былъ предсѣдателемъ, попечитель округа Зиловъ настаивалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія Шварцемъ о закрытіи гимназіи или же о выборѣ новаго дирек-

тора. Энергіи лицъ, входившихъ въ составъ учредительскаго кружка, удалось отвратить этотъ ударъ, гимназія продолжала функціонировать и В. П. остался ея директоромъ-учредителемъ.

Не довольствуясь своей обширной педагогической дѣятельностью, еще въ 1893-мъ году В. П. беретъ на себя редакторство журнала «Кіевская Старина», а въ 1908-мъ году организуетъ «Украинское Науковое Товарищество», предсѣдателемъ котораго онъ былъ до 1917-го года. Въ то же время онъ состоитъ также предсѣдателемъ «Кіевскаго общества грамотности» и, благодаря обширности своихъ связей и знакомствъ, обезпечиваетъ это общество собственнымъ домомъ съ театральнымъ заломъ, въ которомъ идутъ представленія на украинскомъ языкѣ. Закрытіе общества въ 1909-мъ году является для него очень тяжелымъ ударомъ. Масса силъ и энергіи ушло на сохраненіе этого культурнаго уголка, работа котораго выходила далеко за предѣлы Кіева.

Въ 1916-мъ году, съ цѣлымъ кружкомъ педагоговъ, онъ открываетъ «Педагогическое общество», становится его предсѣдателемъ, устраиваетъ цѣлый рядъ докладовъ по животрепещущимъ педагогическимъ вопросамъ, выдвинутымъ жизнью, и мечтаетъ объ изданіи въ Кіевѣ педагогическаго журнала.

Весной 1917-го года, въ періодъ временнаго правительства, В. П. назначается помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а затѣмъ, по уходѣ Н. Н. Василенко, и попечителемъ округа. Онъ пробылъ на этомъ посту лишь до конца 1917-го года, а осенью 1918-го года былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія Украинской Державы въ правительствѣ Гетмана Скоропадскаго. По вступленіи большевиковъ въ Кіевъ министры гетманскаго правительства были объявлены «внѣ закона». Но ни просьбы близкихъ, ни убѣжденія друзей не могли заставить В. П. уѣхать изъ Кіева и не только уѣхать, но даже перемѣнить квартиру. Послѣ 4-5 дней скитанія по городу, онъ съ упрямствомъ заявилъ, что онъ возвращается къ себѣ домой продолжать начатую

научную работу, и отговорить его отъ этого намѣренія не удалось. «Не чувствую за собой никакой вины. Я всю жизнь служилъ своему народу, а отъ своей судьбы не уйдешь», — повторялъ онъ.

В. П. Науменко былъ арестованъ 5-го іюля на своей квартирѣ, и всѣ хлопоты и мольбы его друзей и учениковъ оказались тщетны... Разстрѣлъ послѣдовалъ 8-го іюля ночью.

Родной Кіевъ, Украину, свой родной языкъ В. П. Науменко любилъ страстной любовью. Счастливѣйшими часами жизни его были тѣ, которые онъ проводилъ на своемъ хуторѣ въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Маленькій хуторокъ, съ бѣленькимъ крошечнымъ домикомъ на песчаномъ берегу Днѣпра, былъ его излюбленнымъ мѣстомъ. Все на этомъ клочкѣ земли было создано его руками. Здѣсь онъ находился въ постоянномъ общеніи съ народомъ, давалъ совѣты, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ своихъ односельчанъ, въ постройкѣ ихъ церкви и школы.

Уставъ отъ повседневной работы, отъ сутолоки городской жизни, онъ пользовался всякой свободной минутой, всякимъ праздникомъ, чтобы поѣхать на хуторъ и подышать тамъ просторомъ украинскихъ полей, полюбоваться Днѣпромъ, пообщаться со своими сосѣдями-хуторянами. Этимъ досугомъ онъ дорожилъ больше всего, возвращаясь съ хутора всегда бодрымъ и умиротвореннымъ.

В. П. долгое время былъ уѣзднымъ гласнымъ Золотоношскаго уѣзда, а также и губернскимъ гласнымъ Полтавской губерніи.

Я не касаюсь здѣсь его дѣятельности, какъ украинскаго ученаго и дѣятеля. Я хотѣла бы лишь отмѣтить, что, любя Украину и работая для нея, цѣня ея языкъ, обычаи и особенности, В. П. Науменко такъ же сильно любилъ Россію, великолѣпно зналъ и цѣнилъ ея культуру и эта культура властно владѣла его душой.

Членомъ партіи Народной Свободы В. П. Науменко состоялъ цѣлый рядъ лѣтъ.

А. Жекулина

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧЪ БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ

Извѣстный земскій статистикъ и народникъ, Николай Андреевичъ Благовѣщенскій родился въ 1858-мъ году въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, въ семьѣ небогатаго мелкаго землевладѣльца изъ духовныхъ. По окончаніи курса юридическихъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ, Н. А. начинаетъ работать по земской статистикѣ въ Курской губерніи, гдѣ принимаетъ участіе въ первомъ земскомъ статистическомъ обслѣдованіи крестьянскаго хозяйства, предпринятомъ Курскимъ губернскимъ земствомъ. Какъ результатъ этого обслѣдованія, Н. А. составилъ сводную работу о «Грамотности крестьянъ Курской губерніи». Продолжая свою службу въ Курскомъ губернскомъ земствѣ, Н. А. издаетъ въ 1893-мъ году большой трудъ: «Сводный статистическій сборникъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ», затѣмъ книгу — «Крестьянское хозяйство» томъ 1. Принимаетъ Н. А. также дѣятельное участіе въ періодической печати, какъ сотрудникъ столичныхъ газетъ и какъ сотрудникъ разныхъ статистическихъ и экономическихъ изданій. Въ 1898-мъ году онъ выпускаетъ весьма цѣнный трудъ — изслѣдованіе «Четверное право». Это изслѣдованіе, посвященное своеобразнымъ бытовымъ и экономическимъ отношеніямъ крестьянъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Курской губерніи, явилось крупнымъ вкладомъ въ русскую литературу обычнаго права.

Постоянное общеніе съ крестьянствомъ, близкое и детальное знакомство съ нимъ, благодаря многолѣтней статистической работѣ въ деревнѣ, сдѣлали Н. А. однимъ изъ видныхъ знатоковъ крестьянскаго хозяйства и крестьянской среды.

Народническія симпатіи у Благовѣщенскаго коренились глубоко и имѣли нѣсколько идеалистическій характеръ. Эти послѣднія тенденціи съ годами росли и крѣпли. Съ 1907-го года Н. А. не принимаетъ больше участія въ статистической работѣ Курскаго губернскаго земства.

Его, какъ народника, лѣваго «кадета», новый составъ губернскаго земства удалилъ со службы.

Февральскую революцію Н. А. встрѣтилъ восторженно. Онъ хотѣлъ отдать свои силы созданію новыхъ условій жизни въ деревнѣ. Первые мѣсяцы послѣ февральской революціи онъ много работалъ въ новыхъ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ Курска и Щигровъ. Онъ выступалъ на безчисленныхъ митингахъ въ селахъ, въ родныхъ Щиграхъ и пр., стараясь найти общій языкъ съ населеніемъ. Однако, онъ не узнавалъ своихъ бывшихъ пріятелей, онъ, «народникъ», сталъ какъ-то быстро чуждъ этому народу. Съ глубокой скорбью и болью Н. А. скоро это осозналъ, и уже къ моменту октябрьской революціи отошелъ въ сторону.

Въ концѣ 1919-го года онъ былъ арестованъ совѣтской властью. Въ тюрьмѣ Н. А. заразился тифомъ и скончался.

В. А. Евреиновъ

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ДОБРОВОЛЬСКІЙ

Викторъ Ивановичъ Добровольскій вступилъ въ конституціонно-демократическую партію въ первые же дни послѣ ея образованія, былъ постояннымъ членомъ ея Петербургскаго городского комитета и основателемъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ Литейнаго районнаго комитета — съ 1905-го по 1917-ый годъ. Въ этомъ двоякомъ качествѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ самыхъ разнообразныхъ партійныхъ начинаніяхъ. Думается, что трудно было бы найти человѣка, болѣе преданнаго партіи, чѣмъ онъ. Ея интересы онъ защищалъ всегда и вездѣ; въ ея работѣ онъ искренно и убѣжденно видѣлъ благо Россіи. Считая партію вѣрной выразительницей той «золотой середины», которая, по его убѣжденію, одна только и могла вывести Россію на настоящій конституціонный и демократическій путь, онъ на многочисленныхъ

митингахъ и собраніяхъ неустанно и съ неослабной энергіей отбивалъ многочисленныя нападки на партію и справа и слѣва. Въ такихъ случаяхъ онъ охотно переходилъ въ наступленіе и горячо обрушивался на противника, не безъ успѣха доказывая ошибочность его политическихъ взглядовъ и утвержденій.

Быть можетъ, его рѣчи не блистали какой-нибудь исключительной глубиной, и нѣкоторые кадетскіе ораторы могли бы на его мѣстѣ развить болѣе тонкую аргументацію, но у него была та священная запальчивость, основанная на глубочайшемъ убѣжденіи въ своей правотѣ, которая такъ необходима на публичныхъ митингахъ, такъ какъ она вліяетъ на митинговую массу больше, чѣмъ самыя тонкія логическія разсужденія. И часто приходилось наблюдать, какъ самый беззастѣнчивый ораторъ, вродѣ знаменитаго «товарища Абрама» (Н. В. Крыленко) терялся и не находилъ реплики на пылкую рѣчъ В. И.

Однако, еще болѣе на мѣстѣ В. И. былъ въ роли предсѣдателя митинга. Было прямо удивительно, какъ этотъ горячій и страстный человѣкъ умѣлъ брать себя въ руки и сохранять полное спокойствіе и безпристрастіе въ качествѣ предсѣдателя собранія. Онъ даже внѣшне преображался, и лицо его принимало какое то каменное выраженіе. Онъ благоговѣйно чтилъ свободу слова и умѣлъ ее предоставить всѣмъ ораторамъ безъ исключенія, даже такимъ, рѣчи которыхъ были ему лично глубоко антипатичны, — но при непремѣнномъ условіи, чтобы эта свобода слова осуществлялась въ формахъ безукоризненно корректныхъ. И въ этомъ отношеніи онъ, какъ предсѣдатель, былъ одинаково безпощаденъ, какъ къ своимъ политическимъ противникамъ, такъ и къ своимъ единомышленникамъ. Помню, какъ одинъ молодой кадетъ, въ рѣчи противъ говорившаго передъ нимъ социалъ-демократа, позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ личныхъ выпадовъ. В. И. сначала его остановилъ мягко, потомъ болѣе строго и, наконецъ, лишилъ его слова. Въ перерывѣ этотъ молодой кадетъ и съ нимъ нѣкоторые другіе, напали на В. И., укоряя его, что онъ зажимаетъ

«своимъ» ротъ. В. И. холодно отвѣтилъ, что подъ его предсѣдательствомъ «свобода слова — всѣмъ, но распутство слова — никому».

Чаще всего, однако, В. И. приходилось защищать свободу слова отъ чиновъ полиціи. Въ дореволюціонныя времена на всякомъ публичномъ собраніи присутствовалъ полицейскій офицеръ, который являлся какъ бы цензоромъ преній. Если онъ находилъ, что пренія выходятъ за предѣлы допустимаго, то онъ могъ объявить предостереженіе, сначала первое, потомъ второе, а вмѣсто третьяго просто объявить собраніе закрытымъ. Такіе «цензоры» часто злоупотребляли своими правами, иногда даже просто для того, чтобы сократить время, которое имъ, по обязанностямъ службы, приходилось тратить на присутствованіе въ собраніи. Въ случаяхъ такихъ «предостереженій», В. И. неуклонно вступалъ съ полицейскимъ офицеромъ въ пререканія, доказывая, что никакого эксцесса рѣчи въ данномъ случаѣ не было, что если-бы таковой былъ, то онъ, какъ предсѣдатель, и безъ вмѣшательства полиціи, остановилъ бы оратора, и что поэтому онъ считаетъ объявленное предостереженіе неправильнымъ и какъ бы не бывшимъ. Помню, какъ однажды, сдѣлавъ второе предостереженіе, приставъ Шебеко пригрозилъ закрыть собраніе, на что В. И. ему немедленно отвѣтилъ: «Вы можете даже ввести въ залу нарядъ полиціи, но отъ этого вы будете не менѣе неправы». И собраніе было благополучно доведено до конца.

Популярный присяжный повѣренный, обремененный большой практикой, онъ все же находилъ время заниматься и юридико-литературной работой и общественными дѣлами въ качествѣ гласнаго Петербургской Думы.

Революція глубоко потрясла В. И. Всю жизнь мечтавшій о перемѣнѣ строя, много для этого поработавшій, онъ — искренній и глубокій патріотъ — считалъ ее совершенно несвоевременной, а все усиливавшійся развалъ фронта онъ воспринималъ, какъ величайшее національное несчастье.

Когда, послѣ большевицкаго переворота, партія при-

нуждена была (въ Петербургѣ) уйти въ подполье, В. И. туда за ней не послѣдовалъ. Однако, онъ не считалъ себя вправѣ совершенно отойти отъ всякой политической дѣятельности, и рѣшилъ использовать свой невольный досугъ на писаніе антибольшевицкихъ брошюръ и воззваній. Но въ самомъ началѣ этой работы его увлекла мысль написать цѣлую книгу, посвященную опроверженію не только большевизма, но и соціалистической доктрины вообще. Эта работа его поглотила всецѣло. Цѣлыми днями онъ читалъ, собиралъ матеріалы и писалъ.

Во время одного изъ обысковъ его черновые наброски были захвачены Чекой. Онъ былъ арестованъ и вскорѣ отправленъ въ Москву. Что и какъ съ нимъ тамъ происходило, намъ неизвѣстно. Но 26-го сентября 1919-го года, въ ночь послѣ произведеннаго анархистами взрыва въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ числѣ тысячъ другихъ жертвъ большевицкаго испуга и мести, былъ разстрѣлянъ и В. И.

По разсказу коменданта МЧК, Захарова [1]), это произошло такъ:

«Прямо съ мѣста взрыва пріѣхалъ въ МЧК блѣдный, какъ полотно, и взволнованный Дзержинскій и отдалъ приказъ: разстрѣливать по спискамъ всѣхъ кадетъ, жандармовъ, представителей стараго режима и разныхъ тамъ князей и графовъ, находящихся во всѣхъ мѣстахъ заключенія Москвы, во всѣхъ тюрьмахъ и лагеряхъ».

Такъ, однимъ словеснымъ распоряженіемъ одного человѣка, были обречены на немедленную смерть многія тысячи людей, и въ ихъ числѣ одинъ изъ нашихъ вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ соратниковъ.

Б. Г. Катеневъ

---

[1]) С. П. Мельгуновъ. «Красный терроръ въ Россіи». Изд. 2-ое. Стр. 47.

АЛЕКСАНДРЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ РАППЪ

Александръ Владиміровичъ Раппъ родился въ 1888 году, въ семьѣ помѣщика Суджанскаго уѣзда, Курской губерніи. По окончаніи Московскаго Университета по юридическому факультету, онъ былъ въ 1913-мъ году избранъ мировымъ судьей по Курскому мировому округу. Въ этой должности онъ оставался до 1918-го года, неся послѣдній, 1917-ый годъ, и обязанности товарища предсѣдателя Курскаго мирового съѣзда. Въ партію Народной Свободы вступилъ въ мартѣ 1917-го года, и былъ делегатомъ Курскаго губернскаго комитета партіи на всероссійскомъ съѣздѣ партіи въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ театрѣ. Въ концѣ 1918-го года былъ арестованъ и просидѣлъ въ тюрьмѣ до весны 1919-го года. Когда Курскъ былъ взятъ войсками ген. Деникина, А. В. Раппъ вступилъ въ ряды добровольческой арміи, отступая вмѣстѣ съ нею къ югу. Въ послѣдніе дни 1919-го года онъ былъ тяжело раненъ въ бою подъ Маріуполемъ и остался на полѣ сраженія, гдѣ и былъ добитъ большевиками.

В. А. Евреиновъ

КНЯЗЬ АМПЛІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ КРАПОТКИНЪ

Сынъ извѣстнаго дѣятеля эпохи освободительныхъ реформъ Александра II, князь А. С. Крапоткинъ — типичный образецъ тонкой культуры конца прошлаго вѣка. Его дѣятельность, какъ нельзя болѣе, отвѣчала общественнымъ стремленіямъ того времени. Юристъ по образованію, большой знатокъ и тонкій цѣнитель русской литературы, самъ поэтъ, онъ былъ носителемъ лучшихъ традицій русскаго культурнаго общества, ставившаго себѣ цѣлью общественное служеніе на основахъ свободы, права и соціальной справедливости. Онъ никогда не искалъ популярности, но всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе своей умной, спокойной рѣчью и чѣмъ-то кроткимъ, свѣтлымъ и незлоби-

вымъ, что дѣлало его особенно обаятельнымъ. Въ его, иногда нѣсколько застѣнчивыхъ, политическихъ сужденіяхъ чувствовалась твердая и глубокая вѣра въ цѣнность идеаловъ свободы и права, овѣянныхъ какъ-бы нѣкоторымъ романтизмомъ. Князь Амплій Сергѣевичъ былъ долгое время мировымъ судьей города Москвы. Среди товарищей по Мировому Съѣзду онъ пользовался любовью и уваженіемъ, какъ со стороны старыхъ, такъ и со стороны молодыхъ судей. Любило его и вѣрило ему и населеніе Пречистенскаго участка города Москвы, гдѣ онъ творилъ свое правосудіе. Это былъ не карающій судья, а подлинный мировой судья — другъ населенія, добрый совѣтчикъ, равный для всѣхъ, не классовый, а подлинно народный судья. Онъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и судьи Л. В. Любенкова. Кн. Крапоткинъ былъ гласнымъ Тульскаго земскаго собранія, одно время гласнымъ Московской городской Думы.

Въ большевицкія времена кн. А. С. Крапоткинъ неоднократно попадалъ въ руки тюремщиковъ. Развѣ мало винъ было за нимъ? Онъ былъ княземъ. Онъ былъ судьей. Онъ былъ культурнымъ человѣкомъ. Онъ былъ благороденъ и полонъ личнаго достоинства. Въ тюрьмѣ онъ не падалъ духомъ, хотя его больное сердце усугубляло тягостность заключенія. По словамъ лицъ, дѣлившихъ съ нимъ заточеніе, онъ охотно отдавалъ и въ тюрьмѣ «общественному благу» свои знанія и свою особливую любовь къ русской литературѣ. Заключенные нерѣдко слушали его разсказы-лекціи изъ области исторіи русской литературы.

Такъ шли дни, недѣли, мѣсяцы. Силы истощались. Однажды загремѣлъ засовъ камеры.

— Амплій Крапоткинъ! По городу съ вещами!

Князь Крапоткинъ поднялся съ своего мѣста, упалъ и тутъ же умеръ отъ разрыва сердца.

Говорятъ, его вызывали, чтобы освободить изъ тюрьмы. . .

Н. А.

IV. Убитые въ 1920 году

ВИКТОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЕПЕЛЯЕВЪ

Вмѣстѣ съ адмираломъ Колчакомъ, 7-го февраля 1920 года разстрѣлянъ былъ большевиками и Викторъ Николаевичъ Пепеляевъ, занимавшій постъ предсѣдателя совѣта министровъ въ правительствѣ Колчака. Членъ 4-ой Государственной Думы отъ Томской губерніи, сибирякъ по рожденію, — онъ родился въ Томскѣ, въ 1885-мъ году, — В. Н. выросъ въ военной семьѣ. Его отецъ былъ офицеромъ, а его братъ, А. Н. Пепеляевъ, принялъ участіе въ великой войнѣ, прослуживъ въ 43-мъ Сибирскомъ стрѣлковомъ полку въ теченіе всей кампаніи, а впослѣдствіи, во время гражданской войны, командовалъ одной изъ армій адмирала Колчака.

В. Н. Пепеляевъ еще въ средней школѣ интересовался вопросами общественной жизни, принималъ участіе въ ученическихъ кружкахъ и, желая получить подготовку къ общественной дѣятельности, поступилъ на юридическій факультетъ Томскаго Университета, который окончилъ въ 1909-мъ году. Однако, его не влекли къ себѣ ни карьера гражданской службы, ни адвокатура. Онъ рѣшилъ посвятить себя педагогической дѣятельности, и сдалъ при историко-филологическомъ факультетѣ Томскаго Университета спеціальные экзамены по исторіи и

другимъ предметамъ, предоставлявшіе право на преподаваніе исторіи въ средней школѣ. Въ 1911-мъ году онъ приглашенъ былъ учителемъ исторіи въ гимназію въ городѣ Бійскѣ, въ предгорьяхъ Алтая. Здѣсь В. Н. быстро завоевалъ симпатіи учениковъ, вкладывая всю свою душу въ гимназическое преподаваніе. Особенно увлекался В. Н. преподаваніемъ русской исторіи и исторіи Сибири. Исторіей своего родного края онъ много занимался, равно, какъ и русской колоніальной политикой въ Азіи.

Пришла осень 1912-го года, а вмѣстѣ съ нею и избирательная кампанія въ 4-ую государственную Думу. Молодой популярный учитель исторіи Бійской гимназіи былъ избранъ выборщикомъ отъ города Бійска, а затѣмъ, въ Томскѣ, и членомъ Государственной Думы отъ Томской губерніи.

Двѣ довоенныхъ думскихъ сессіи прошли для Пепеляева въ работѣ въ думскихъ комиссіяхъ, въ особенности въ комиссіи народнаго образованія, гдѣ молодой томскій депутатъ игралъ весьма замѣтную роль въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ школьной политики, попадавшихъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій. Во время преній по бюджету министерства народнаго просвѣщенія весной 1913-го года онъ произнесъ большую рѣчь, посвященную вопросамъ постановки дѣла начальнаго и средняго образованія. На всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей народнаго образованія, состоявшемся въ Петербургѣ, въ рождественскіе дни 1913-го года, В. Н. Пепеляевъ прочелъ докладъ о постановкѣ преподаванія въ начальныхъ школахъ на родномъ языкѣ и принялъ дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда.

Когда началась война и земскій союзъ и союзъ городовъ приступили къ организаціи санитарныхъ отрядовъ для отправки ихъ на фронтъ, Пепеляевъ вмѣстѣ съ другимъ сибирскимъ депутатомъ отъ Забайкальскаго казачьяго войска, С. А. Таскинымъ, сталъ во главѣ 3-го Сибирскаго санитарнаго отряда, организованнаго союзомъ городовъ. Отрядъ былъ прикомандированъ къ 11-ой Сибирской стрѣлковой дивизіи, въ рядахъ которой моло-

дымъ пѣхотнымъ офицеромъ сражался братъ В. Н., будущій командующій одной изъ армій адмирала Колчака. Все свободное отъ короткихъ думскихъ сессій время В. Н. проводилъ на фронтѣ, работая, какъ въ передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ отряда, такъ и въ тыловомъ лазаретѣ.

Въ первые дни революціи В. Н., пріѣхавшій на сессію Государственной Думы, находился въ Петербургѣ и, когда Временное Правительство и Временный Комитетъ Государственной Думы рѣшили назначить спеціальнаго комиссара въ Кронштадтъ, это осиное гнѣздо грядущаго большевизма, то ихъ выборъ остановился на В. Н. Пепеляевѣ. Онъ безъ колебаній согласился принять на себя отвѣтственныя и опасныя обязанности комиссара Временнаго Правительства въ революціонномъ Кронштадтѣ, и въ теченіе трехъ недѣль его пребыванія въ Кронштадтѣ тамъ установилось относительное спокойствіе. Пепеляеву удалось освободить большую часть изъ арестованныхъ матросами офицеровъ и внести на нѣкоторое время успокоеніе въ матроскіе ряды. Въ его докладахъ Временному Правительству и Комитету Государственной Думы В. Н. настаивалъ на необходимости ареста матроскихъ главарей, по наущенію и подъ предводительствомъ которыхъ звѣрски убиты были въ первые дни революціи адмиралъ Виренъ и другіе офицеры; онъ указывалъ Временному Правительству на необходимость употребить военную силу для того, чтобы ликвидировать Совѣтъ матроскихъ и рабочихъ депутатовъ въ Кронштадтѣ. Само собой разумѣется, что энергичный комиссаръ Временнаго Правительства возбудилъ противъ себя негодованіе среди вождей Петербургскаго Совѣта, и подъ давленіемъ ихъ онъ долженъ былъ отказаться отъ поста комиссара Кронштадта. Онъ не находилъ, кромѣ того, поддержки и сочувствія своимъ планамъ борьбы противъ крайнихъ теченій и въ самомъ Временномъ Правительствѣ.

Будучи твердо убѣжденъ, что спасеніе Россіи зависитъ отъ сохраненія боеспособности дѣйствующей арміи и крѣпости фронта, онъ поступилъ лѣтомъ 1917-го

года добровольцемъ въ одинъ изъ полковъ того Сибирскаго стрѣлковаго корпуса, при которомъ онъ работалъ въ теченіе войны какъ уполномоченный союза городовъ. Онъ былъ свидѣтелемъ трагедіи разложенія русской арміи на фронтѣ, и возвратился въ октябрѣ 1917-го года въ Петербургъ для того, чтобы принять участіе въ Предпарламентѣ, организованномъ послѣднимъ правительствомъ Керенскаго. Однако же черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда В. Н. Пепеляева съ фронта — 25 октября — Предпарламентъ былъ разогнанъ большевиками и Временное Правительство было свергнуто.

Послѣ большевицкаго переворота, вплоть до весны 1918-го года, онъ оставался въ Петербургѣ, скрываясь отъ преслѣдованій большевиковъ и принимая участіе въ подпольной борьбѣ противъ захватившаго власть большевицкаго правительства. Но всѣ его мысли были на далекой родинѣ, въ Сибири, куда онъ и отправился въ маѣ 1918-го года, пробравшись черезъ большевицкій фронтъ для того, чтобы принять участіе въ борьбѣ противъ большевиковъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ сперва товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ правительствѣ адмирала Колчака, а затѣмъ послѣдовательно занималъ посты министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ.

Руководство правительственной политикой попало въ руки Пепеляева въ тотъ моментъ, когда армія Колчака отступала подъ давленіемъ большевицкихъ силъ, а въ тылу поднималась волна возстаній противъ бѣлаго правительства. Нужно было спѣшно думать о спасеніи фронта и о борьбѣ съ революціонной пропагандой въ тылу. В. Н. во время отступленія находился все время съ адмираломъ Колчакомъ. Вмѣстѣ они захвачены были большевиками въ Иркутскѣ, вмѣстѣ заключены въ тюрьму и вмѣстѣ разстрѣляны во дворѣ Иркутской тюрьмы въ холодное зимнее утро 7-го февраля 1920-го года.

Такова исторія короткой, но полной событіями жизни Виктора Николаевича Пепеляева. Почему судьба привела его на постъ послѣдняго премьера правительства ад-

мирала Колчака? Для всѣхъ, кто близко зналъ В. Н., были ясны три основныхъ, руководящихъ черты его характера: твердая воля, настойчивость въ проведенiи въ жизнь принятыхъ имъ рѣшенiй и глубокiй истинный патрiотизмъ. Онъ твердо вѣрилъ въ то, что борьба вооруженной рукой противъ большевиковъ есть единственный путь къ возрожденiю былой мощи Россiи и къ созданiю русскаго демократическаго правительства.

Въ составѣ членовъ Государственной Думы, принадлежавшихъ къ партiи Народной Свободы, Пепеляевъ былъ самымъ молодымъ изъ всего молодого поколѣнiя. Но, несмотря на молодость, онъ обладалъ исключительной энергiей и самообладанiемъ, и во время революцiи оказался въ первыхъ рядахъ не только конституцiонно-демократической партiи, но и въ томъ общественномъ движенiи, которое поставило передъ собой цѣль борьбы съ большевиками до конца. Не безъ основанiя Троцкiй въ одной изъ своихъ рѣчей въ маѣ 1917-го года въ Петербургскомъ Совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, коснувшись дѣятельности Пепеляева на посту комиссара Кронштадта, назвалъ его однимъ изъ опасныхъ враговъ большевизма.

Вмѣстѣ съ энергiей и твердой волей, другой отличительной чертой В. Н. Пепеляева были искренность сужденiй и откровенность въ высказыванiи своихъ мнѣнiй, а также совершенно исключительная любовь къ правдѣ и ненависть и презрѣнiе ко лжи и неискренности, которыя всегда возбуждали въ немъ чувство негодованiя, и часто, какъ въ Государственной Думѣ, такъ и на политическихъ митингахъ, онъ съ мѣста прерывалъ негодующими возгласами рѣчи тѣхъ ораторовъ, которые, какъ ему казалось, были лживыми или клеветническими. Откровенная, подчасъ грубая, искренность Пепеляева создавала ему много враговъ, въ особенности среди соцiалистовъ, но всѣ, даже враги его, всегда отзывались о немъ съ уваженiемъ.

П. П. Гронскiй

А. А. ЧЕРВЕНЪ-ВОДАЛИ

Это былъ человѣкъ полный силъ и большой энергіи. Человѣкъ инициативы, предпріимчивости и умѣнія не только говорить, но и съ увлеченіемъ дѣлать то, что составляло предметъ его убѣжденій. Онъ былъ популярнымъ нотаріусомъ въ Твери. Его знали, ему довѣряли и цѣнили. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей и культурныхъ людей, которые оживляли довольно сѣрое существованіе нашей провинціи въ предшествовавшіе войнѣ годы. Война и начавшееся вмѣстѣ съ ней оживленіе общественной дѣятельности выводятъ А. А. изъ спокойнаго теченія провинціальной жизни и ставятъ его въ первые ряды активныхъ дѣятелей по оказанію помощи раненымъ и по организаціи помощи арміи. Онъ съ жаромъ отдается общественной работѣ, оказываясь въ самомъ центрѣ ея. Организуетъ эту работу въ Твери и, по уполномочію мѣстныхъ органовъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ созданіи и организаціи въ Москвѣ Всероссійскаго Союза Городовъ. Онъ является представителемъ Твери на съѣздахъ союза и неизмѣнно избирается въ составъ Главнаго Комитета союза. Общественная работа для А. А. была его стихіей. Здѣсь онъ преображался, постоянно вносилъ инициативу, новую мысль, настойчиво проводилъ намѣченные планы и обнаруживалъ практическую дѣловитость.

Послѣ февральскихъ дней вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей новый составъ гласныхъ Московской городской Думы, избранный еще въ концѣ 1916-го года, но не допущенный къ работѣ министромъ Н. А. Маклаковымъ. Новая Дума избрала новый составъ городской Управы. Въ составъ членовъ послѣдней былъ избранъ А. А. Червенъ-Водали.

Послѣ большевицкаго переворота А. А. принялъ дѣятелное участіе въ торгово-промышленной организаціи Москвы и въ Совѣтѣ общественныхъ дѣятелей. Отъ этой послѣдней организаціи онъ входилъ въ такъ называемую «девятку», которая послужила основаніемъ возникшему

въ скоромъ времени «Правому Центру». Несогласный съ уклономъ этого Центра въ сторону нѣмецкой оріентаціи, А. А. вмѣстѣ съ другими вышелъ изъ нея и былъ однимъ изъ основателей «Національнаго Центра». Онъ дѣятельно участвовалъ въ работахъ этой организаціи и вмѣстѣ съ другими ея членами переѣхалъ сначала въ Кіевъ, потомъ въ Одессу и Екатеринодаръ. Тамъ онъ принялся за работу по составленію проектовъ гражданскаго устройства мѣстностей, которыя занимала Добровольческая армія, вложивъ много энергіи и знанія въ работу по пересмотру Городового Положенія. Когда же изъ Сибири товарищи по к.-д. партіи и по организаціи Національнаго Центра потребовали, чтобы къ нимъ ѣхали лица, которые могли бы помочь въ работѣ по устройству дезорганизованной жизни Сибири, А. А., вмѣстѣ съ Н. К. Волковымъ и П. А. Бурышкинымъ, отправился въ далекій путь.

Въ Сибири А. А. вступилъ въ составъ правительства адмирала Колчака. Но было уже поздно. Предпринятое дѣло освобожденія безнадежно погибало. Всѣ усилія спасти дѣло, вдохнуть въ него отлетавшую отъ него душу, вернуть ему силу и поступательное движеніе, были безрезультатны. Оставалось или, признавъ дѣло проиграннымъ, отступить, или рѣшить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступать нельзя и, какъ на войнѣ, *нужно* оставаться въ бою до конца, ибо того требуетъ долгъ.

Очевидно, такъ понялъ и совѣстью своей воспринялъ положеніе А. А. Червенъ-Водали, когда добровольно передалъ себя въ руки своихъ политическихъ противниковъ.

Въ тѣ дни онъ былъ во главѣ остатковъ правительства Колчака. Онъ могъ уйти вмѣстѣ съ другими. Послѣдніе поѣзда, хотя и съ большимъ рискомъ, но все еще отходили отъ Иркутска. Его уговаривали уѣхать. Но онъ призналъ своимъ *долгомъ* пойти въ городъ и вступить въ непосредственные переговоры съ захватившими власть эсерами. Онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. А черезъ нѣсколько дней эсеры сдали городъ большевикамъ...

Въ «Извѣстіяхъ Сибревкома» № 2, 1920 г., помѣщенъ своеобразный отчетъ о томъ, какъ происходилъ «судъ» надъ членами правительства Колчака.

Судъ происходилъ въ «громадномъ зданіи Омскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ 20 мая 1920 года. Въ составѣ суда — Павлуновскій и члены: Косыревъ, Байковъ, Мамонтовъ и Щепинкинъ».

«Самозванное правительство, — по словамъ отчета, —предстало передъ народнымъ судомъ въ слѣдующемъ составѣ: Червенъ-Водали, Шумиловскій, Красновъ, Морозовъ, Преображенскій, Ларіоновъ, Степаненко, Жуковъ, Писаревъ, Болдыревъ, Клафтонъ, Гришина-Алмазова, Цеслинскій, Ячевскій, Граціановъ, Пальченко, Молодыхъ, Дмитріевъ, Карликовъ, Введенскій, Василевскій, Новомбергскій, Третьякъ. За исключеніемъ Гришиной-Алмазовой — всѣ министры и ихъ товарищи. [1]). Обвинитель Гойхбра, защитники Бородулинъ, Айзинъ и Ароновъ. Третьякъ, б. министръ труда, эс-эръ, обзываетъ колчаковское правительство шайкой воровъ, бандитовъ и мошенниковъ. Судебное разбирательство продолжается 10 дней».

Далѣе въ отчетѣ перечисляются 13 пунктовъ, «во время суда доказанныхъ обвиненій». Чего тутъ только нѣтъ! Тутъ и обвиненіе въ «объявленіи царскаго гимна «Коль славенъ» національнымъ гимномъ», тутъ и «возстановленіе царскаго андреевскаго флага». Тутъ и «ложное освѣдомленіе другихъ странъ о совѣтской Россіи (клевета о звѣрствахъ, насиліяхъ, святотатствѣ, кощунствѣ, обобществленіи женщинъ)». Тутъ и «наемъ иностранныхъ разбойничьихъ шаекъ, чехословаковъ, поляковъ и пр.. .».

По отношенію къ А. А. Червенъ-Водали оказались «доказанными» и слѣдующіе пункты обвиненія: «убійство отдѣльныхъ неугодныхъ правительству лицъ, вродѣ разстрѣляннаго Новоселова.... атаманскій переворотъ или сверженіе эсеровской «директоріи» и провозглашеніе

---

[1]) Многіе изъ перечисленныхъ лицъ никакого отношенія къ правительству Колчака не имѣли.

единоличнымъ правителемъ Колчака»... Какъ извѣстно, эти событія, включая и «атаманскій переворотъ», произошли въ то время, когда А. А. Червенъ-Водали былъ на югѣ Россіи и не помышлялъ еще о поѣздкѣ въ Сибирь.

«Обвинитель въ своей заключительной рѣчи, — говорится далѣе въ отчетѣ, — спросилъ: «Какого наказанія достойны преступники-«колчаковцы»? — на что присутствующіе воскликнули: «Смерти!».

Послѣ этого «подсудимые Червенъ-Водали, Шумиловскій, Ларіоновъ и Клафтонъ — подвергаются высшей мѣрѣ наказанія — разстрѣлу. Остальные подсудимые приговариваются къ лишенію свободы и общественнымъ работамъ на разные сроки. Гришина-Алмазова оправдана».

Приговоръ этого своеобразнаго «суда» былъ приведенъ въ исполненіе надъ А. А. Червенъ-Водали, А. К. Клафтономъ, Ларіоновымъ и Шумиловскимъ въ ночь съ 22 на 23-е іюля 1920-го года.

Мнѣ довелось видѣть письмо, написанное А. А. Червенъ-Водали за два часа до разстрѣла.

Письмо поразительное. Почеркъ твердый, мужественный, не обнаруживающій ни волненія, ни упадка духа. А содежаніе этого коротенькаго письма производитъ неотразимое впечатлѣніе. Онъ пишетъ своей женѣ и малолѣтнему сыну. Онъ знаетъ, что сейчасъ его поведутъ на казнь... Онъ знаетъ, что у него сейчасъ насильно отнимутъ жизнь... И у него нѣтъ ни воплей отчаянія, ни проклятій, ни призывовъ къ мщенію... Онъ посылаетъ женѣ и сыну свою любовь, свое благословеніе, свое послѣднее прости. Идя на смерть, онъ свидѣтельствуетъ о своей глубокой вѣрѣ въ правоту дѣла, за которое боролся и за которое умираетъ...

Поистинѣ, русскіе люди умѣютъ быть вѣрными своему долгу и совѣсти. Поистинѣ, русскіе люди умѣютъ умирать.

Н. Астровъ

А. К. КЛАФТОНЪ

Александръ Константиновичъ Клафтонъ родился приблизительно въ 1870-мъ году въ Вятской губерніи, на одномъ изъ заводовъ, гдѣ служилъ его отецъ, выходецъ изъ Англіи.

Гимназію онъ окончилъ въ Вяткѣ, въ Университетѣ учился въ Казани по медицинскому факультету. Онъ принималъ участіе въ студенческихъ кружкахъ, выступалъ часто на собраніяхъ политическаго характера и, когда онъ былъ на 4-мъ курсѣ, его, въ числѣ многихъ другихъ студентовъ, арестовали. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Казанской тюрьмѣ, Клафтонъ былъ освобожденъ. Прослушать полный курсъ медицинскаго факультета онъ смогъ, но сдать окончательные экзамены ему не удалось: онъ былъ высланъ лѣтомъ 1894-го года въ Самару на три года. Здѣсь Клафтонъ занялся сначала журнальной дѣятельностью. Студенческій радикализмъ у него къ этому времени погасъ, онъ сталъ болѣе умѣреннымъ, но оставался демократомъ. Въ это время въ Самарѣ выходила газета «Самарскій Вѣстникъ», издававшаяся однимъ изъ предводителей дворянства и старавшаяся проводить чисто дворянскія узко-классовыя тенденціи. Однако, издатель-редакторъ ея, Н. К. Реутовскій, сблизившись съ высланной изъ Казани молодежью, увлекся новыми идеями, и газета рѣзко перемѣнила направленіе. Въ составъ редакціи вошелъ и А. К., который писалъ въ ней фельетоны на мѣстныя злобы дня и на общественныя темы. Журнальная дѣятельность снискала Клафтону широкую популярность въ мѣстномъ обществѣ. Но газета довольно скоро (въ мартѣ 1896 года) была закрыта на 4 мѣсяца и уже не возобновилась. Клафтонъ перешелъ тогда на службу въ мѣстное земство. Сначала онъ служилъ въ уѣздномъ земствѣ, потомъ сталъ секретаремъ Самарской губернской земской управы, и въ этой должности обнаружилъ недюжинныя способности общественнаго дѣятеля. Послѣ японской войны, когда началось общественное движеніе въ земской средѣ, Клафтонъ горячо отдался ему. А когда

послѣ революціи 1905-го года создалась Конституціонно-Демократическая партія, Клафтонъ вошелъ въ ея составъ и съ тѣхъ поръ состоялъ членомъ Самарскаго губернскаго комитета партіи. Стойкій и неподатливый въ своихъ убѣжденіяхъ, сознательно преданный демократической идеѣ, положенной въ основу политической программы партіи Народной Свободы, человѣкъ активнаго настроенія, готовый отвѣтствовать за то, что дѣлалъ, и въ то же время никогда не переоцѣнивавшій своихъ силъ — таковъ былъ А. К. Клафтонъ по впечатлѣніямъ встрѣчъ въ пору до большевицкаго переворота.

Видѣвшій Клафтона на работѣ въ Сибири послѣ октябрьскаго переворота, проф. Б. Перзъ отзывался объ этой его работѣ съ высокой похвалой, а его самого характеризовалъ, какъ «дѣятельнаго, энергичнаго и прекраснаго человѣка».

Если между Клафтономъ и центральными органами партіи всегда существовала тѣсная связь и онъ, глубоко вѣровавшій въ авторитетъ вождей партіи и въ силу творчества коллективнаго разума партіи, былъ всегда истинымъ и преданнымъ к.-д., то со времени революціи эта связь еще болѣе закрѣпилась и стала для него необходимой.

Послѣдняя московская партійная конференція въ маѣ 1918-го года, вслѣдъ за которой немедленно были разгромлены большевиками всѣ центральныя учрежденія партіи, была для членовъ партіи, присутствовавшихъ на конференціи, какъ бы послѣднимъ завѣщаніемъ партіи. Эта конференція, какъ бы завѣщала борьбу съ насильниками до конца, съ негодованіемъ отвергала постыдный Брестъ-Литовскій миръ и намѣчала дальнѣйшую работу членовъ партіи на основахъ сохраненія вѣрности союзнымъ договорамъ.

Прошли года. Многое и многіе измѣнились съ тѣхъ поръ. Пережито много горестныхъ разочарованій. Но, оглядываясь на это прошлое, вспоминая условія и обстановку того времени ,приходится признать, что иныхъ директивъ въ то время изъ Москвы быть не могло. Эти ди-

рективы, ставившіе выше всего интересы Россіи, совпадали съ настроеніями широкихъ круговъ партіи к.-д.

Эти наказы были приняты къ исполненію членами партіи, разошедшимися изъ Москвы въ разныя стороны. Понятно, что твердые люди, типа Клафтона, остались имъ вѣрны до конца, и умерли въ борьбѣ за правду, которая въ нихъ заключалась.

Съ этими наказами уѣхалъ въ Сибирь сначала В. Н. Пепеляевъ. А потомъ, послѣ долгихъ мытарствъ и злоключеній, пробрался туда и А. К. Клафтонъ.

Нѣсколько его писемъ изъ Сибири дошло до меня. Онъ оказался тамъ во главѣ кадетскихъ группъ, послѣ того, какъ В. Н. Пепеляевъ вступилъ въ составъ правительства адмирала Колчака. Въ то время въ Сибири, кромѣ мѣстныхъ к.-д. группъ, оказались бѣженскія к.-д. группы. Такъ, въ Сибири собрались к.-д. комитеты: самарскій, симбирскій, казанскій, уфимскій, оренбургскій, пермскій, и сложилась группа петербургскихъ к.-д. Нужно было объединить эти группы и направить ихъ работу на помощь слагавшейся власти, на устройство жизни и порядка.

Въ первой половинѣ 1919-го года казалось безспорнымъ, что «государство, плохо ли, хорошо ли, закладывается здѣсь, въ Сибири», какъ писалъ Клафтонъ изъ Омска, и призывалъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, не медля, ѣхать въ Сибирь.

«Случилось такъ, — писалъ онъ, — что лучшіе офицеры и лучшіе политическіе вожди тамъ, у Васъ, на Дону, а сѣрая масса здѣсь, и эта сѣрая масса должна складывать государственность именно здѣсь». «Наши партійные дѣятели сдѣлали огромную ошибку, бросивъ Сибирь на произволъ судьбы и сконцентрировавъ всѣ свои силы, тамъ, на Дону... Здѣсь полное безлюдье. Всѣ должны учиться, чтобы подняться надъ губернскимъ масштабомъ до государственнаго горизонта, а учиться нѣтъ времени, работать приходится среди опасеній внезапныхъ рецидивовъ большевизма, въ полномъ хаосѣ психологическаго и государственнаго разложенія, усталости... при явно

оккупаціонныхъ замыслахъ сосѣдей, ихъ соперничествѣ между собой и неприкрытой эгоистической политикѣ почти всѣхъ... Каждый новый шагъ въ Россію все болѣе усложняетъ нашу задачу и задачу современной власти»...

Въ другомъ письмѣ, развивая тѣ же мотивы, Клафтонъ писалъ: «У насъ нѣтъ людей, штатскихъ и военныхъ, которые были бы на голову выше среды и узкихъ интересовъ дня... Нужно прислать съ юга срочно лучшія силы, чтобы они могли руководить общественной и государственной жизнью, ставъ во главѣ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Необходимы люди съ авторитетомъ и именами, извѣстными Россіи... Здѣсь нѣтъ ни финансистовъ, ни дипломатовъ, ни аграрниковъ...».

Это были вопли изъ Сибири, обращенные къ югу. Это было въ то самое время, когда съ юга многіе съ надеждой взирали на Сибирь, вмѣстѣ съ Клафтономъ исповѣдуя вѣру, что надлежащій фундаментъ будущей россійской государственности закладывается именно въ Сибири. Таковы были аберраціи съ той и другой стороны.

На зовъ изъ Сибири, съ юга отправилось нѣсколько человѣкъ. Среди нихъ П. А. Бурышкинъ, Н. К. Волковъ, С. Н. Третьяковъ и А. А. Червенъ-Водали.

Въ строкахъ, посвященныхъ памяти послѣдняго, сообщены нѣкоторыя подробности того, какъ кончилась для Клафтона его борьба.

Въ этихъ строкахъ приведены выдержки изъ отчета о пародіи на судъ, состоявшейся 20-го мая 1920-го года въ Омскѣ надъ членами правительства адмирала Колчака.

На восклицаніе обвинителя г. Гойхбра:

— Чего достойны подсудимые?

Толпа, заполнявшая желѣзнодорожныя мастерскія, завопила:

— Смерти!

Въ чемъ именно оказался повиннымъ Клафтонъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Н. А.

В. А. ЖАРДЕЦКІЙ

Молодой московскій адвокатъ. Во время войны работалъ въ Союзѣ Городовъ, и въ апрѣлѣ 1917-го года былъ назначенъ предсѣдателемъ западно-сибирскаго комитета С. Г. Въ Омскѣ онъ игралъ руководящую роль въ мѣстномъ комитетѣ партіи и былъ душой политическаго блока, образовавшагося изъ представителей торгово-промышленнаго комитета, правыхъ соціалистовъ, кадетовъ и кооператоровъ. Блокъ этотъ оказывалъ поддержку адм. Колчаку и его правительству.

У Жардецкаго въ Омскѣ скрывался нѣкоторое время бывшій предсѣдатель временнаго правительства кн. Г. Е. Львовъ.

Разстрѣлянъ В. А. Жардецкій большевиками послѣ того, какъ они завладѣли Сибирью, въ 1920-мъ году.

В. О.

ВИКТОРЪ ВИКТОРОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ

Въ Университетѣ онъ былъ на два курса старше меня, этотъ высокій брюнетъ съ впалой грудью и смуглымъ, суровымъ лицомъ политическаго заговорщика. Постоянно можно было его видѣть въ университетскомъ корридорѣ за конспиративной бесѣдой съ какимъ нибудь благоговѣйно слушавшимъ его юнымъ студентомъ, котораго онъ поучалъ, или давалъ ему какія-нибудь таинственныя порученія. На первомъ курсѣ я передъ Бартеневымъ робѣлъ. Онъ казался мнѣ, семнадцатилѣтнему мальчику, необыкновенно серьезнымъ, недоступнымъ и таинственнымъ. И только впослѣдствіи, когда я ближе съ нимъ сошелся, когда въ дружеской бесѣдѣ его суровое лицо вдругъ озарялось дѣтски-наивной улыбкой, я понялъ, какой это былъ кроткій, терпимый и безобидный человѣкъ.

Въ Университетѣ онъ организовывалъ кружки само-

образованія, въ которыхъ читалъ рефераты на всевозможныя темы — о Спенсерѣ и Огюстѣ Контѣ, о французской революціи, о Шекспирѣ, о соціальной жизни пчелъ, о половомъ вопросѣ, о Карлѣ Марксѣ и соціализмѣ. Конечно, послѣдняя тема была какъ бы завершеніемъ его рефератнаго зданія, ибо въ тѣ времена онъ смотрѣлъ на себя не только, какъ на культуртрегера, но и какъ на пропагандиста.

Въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія народническое революціонное движеніе въ Россіи заглохло, а марксизмъ только еще зарождался. Русскіе марксисты считались единицами, и однимъ изъ первыхъ былъ В. В. Бартеневъ. Воспринявъ эту классовую доктрину, онъ счелъ себя обязаннымъ пойти съ проповѣдью въ рабочую среду. Дебютировалъ тѣмъ, что, познакомившись съ двумя рабочими, ходилъ съ ними на свиданіе на островъ Голодай, гдѣ подъ опрокинутой лодкой читалъ имъ популярное изложеніе ученія Карла Маркса. На этомъ и кончилась его «революціонная» дѣятельность, ибо одинъ изъ двухъ рабочихъ оказался провокаторомъ. Бартеневъ былъ арестованъ и сосланъ на пять лѣтъ въ Обдорскъ. Вернувшись изъ ссылки, онъ разсказывалъ мнѣ, что и тамъ занялся просвѣтительной работой. Организовалъ кружокъ самообразованія, въ который вошли исправникъ, священникъ и нѣсколько рыбопромышленниковъ. И длинными зимними вечерами, въ занесенномъ снѣгомъ захолустномъ городкѣ, В. В. читалъ своимъ новымъ друзьямъ о Пушкинѣ и Шекспирѣ, о Спенсерѣ и Контѣ, объ эпохѣ Возрожденія и французской революціи.

Въ ссылкѣ онъ увидалъ, какое облагораживающее культурное вліяніе на обывателей самыхъ медвѣжьихъ угловъ можетъ оказать задавшійся этой цѣлью интеллигентный человѣкъ, и рѣшилъ, что именно въ этомъ заключается его призваніе. Поэтому, вернувшись въ свой родной Псковъ, онъ окончательно отказался отъ революціонной дѣятельности, и взялъ мѣсто акцизнаго чиновника въ самомъ глухомъ углу Псковской губерніи, въ городѣ Торопцѣ. Тамъ онъ тоже все свободное отъ слу-

жебныхъ занятій время посвящалъ формированію кружковъ самообразованія. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ повышеніе и былъ переведенъ въ Псковъ, гдѣ я съ нимъ вторично встрѣтился. Всегда полный самыхъ разнообразныхъ умственныхъ интересовъ, онъ и тутъ вносилъ большое оживленіе въ тусклую провинціальную жизнь. Въ это время во Псковъ былъ высланъ Ленинъ, съ которымъ В. В., еще не порвавшій съ марксизмомъ, поддерживалъ добрыя отношенія. Но Псковъ все же казался Бартеневу слишкомъ культурнымъ городомъ, а его по прежнему влекла русская глушь. И онъ добился своего перевода въ Архангельскую губернію, куда и уѣхалъ съ женой и двумя дѣтьми.

Съ тѣхъ поръ я потерялъ изъ виду этого оригинальнаго человѣка, и уже здѣсь, за границей, узналъ, что во время революціи онъ снова не счелъ себя вправѣ уклониться отъ политической борьбы, на этотъ разъ вступивъ въ партію Народной Свободы. Выступалъ на митингахъ, спорилъ съ большевиками. А когда большевики захватили Архангельскъ, кроткій и тихій В. В. Бартеневъ съ неизмѣнной дѣтской улыбкой на смугломъ суровомъ лицѣ былъ разстрѣлянъ ими, какъ «врагъ народа».

Знали ли его палачи, что они разстрѣливаютъ не только русскаго патріота и культурнаго дѣятеля, но и одного изъ первыхъ русскихъ марксистовъ, нѣкогда сосланнаго въ Сибирь за пропаганду ученія Карла Маркса?

В. Оболенскій

ЭММАНУИЛЪ АБРАМОВИЧЪ ДУБОСАРСКІЙ

Эммануилъ Абрамовичъ Дубосарскій родился 23-го октября 1879-го года въ г. Керчи, въ зажиточной купеческой семьѣ. Окончивъ Керченскую гимназію, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Харьковскаго Университета. Въ 1899-мъ году за участіе въ студенческомъ движеніи Дубосарскій былъ высланъ въ Вологодскую губер-

нію, откуда, съ разрѣшенія властей, уѣхалъ за границу. Возвратившись, окончилъ Университетъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ.

Послѣ возникновенія партіи Народной Свободы Дубосарскій вошелъ въ ея ряды. Въ 1905-мъ — 1906-мъ годахъ онъ принималъ участіе въ качествѣ адвоката въ процессахъ, возникшихъ въ связи съ погромами, происходившими послѣ событій 1905-го года, изобличая мѣстныя власти въ участіи въ этихъ погромахъ. Въ ноябрѣ 1906-го года онъ былъ арестованъ, но отъ угрожавшей ссылки въ административномъ порядкѣ ему удалось освободиться.

Съ этого времени начинается работа Э. А. Дубосарскаго въ партіи Народной Свободы, въ составѣ ея петербургскаго комитета. Эта работа не прекращалась до его смерти.

Дубосарскій былъ точно рожденъ для политической борьбы. Энергія его была безпредѣльна. Партія какъ-бы замѣняла ему семью и родныхъ. Хорошій ораторъ, глубоко убѣжденный человѣкъ, неутомимый агитаторъ, онъ готовъ былъ въ любой моментъ бросить Петербургъ, свои дѣла, и мчаться куда нибудь на окраину, чтобы принять тамъ участіе въ избирательной борьбѣ и помочь мѣстнымъ кадетамъ. Программа партіи была для него цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, планомъ устроенія будущей свободной, счастливой Россіи, въ ближайшемъ осуществленіи котораго у него не было сомнѣній. Особая черта поражала въ Дубосарскомъ — отсутствіе всякаго честолюбія или личныхъ цѣлей въ его общественной работѣ. Онъ не претендовалъ быть партійнымъ идеологомъ или занимать руководящіе посты въ партіи, и до конца остался членомъ Петербургскаго городского комитета, безкорыстно неся на себѣ огромную работу, какъ въ столицѣ, такъ и въ разъѣздахъ по провинціи; чаще всего онъ посѣщалъ родной ему Крымъ, участвуя тамъ въ различныхъ избирательныхъ кампаніяхъ.

Политическія убѣжденія Дубосарскаго отличались

умѣренностью. Онъ не сочувствовалъ соціалистическимъ теченіямъ и принадлежалъ къ среднему направленію въ партіи Народной Свободы. Глубокая любовь къ родинѣ и вѣра въ ея свѣтлое будущее не покидали его до конца жизни.

Во время революціи Дубосарскій примкнулъ къ непримиримымъ и дѣятельнымъ врагамъ большевиковъ. Его работа въ Петербургѣ была прервана арестомъ въ серединѣ 1917-го года. Освободившись изъ подъ ареста, онъ съ большимъ трудомъ пробрался въ Керчь. Въ Крыму, со всей своей неукротимой энергіей, онъ ведетъ непрерывную и неустанную борьбу противъ большевиковъ словомъ, перомъ и участіемъ въ организаціяхъ, поддерживающихъ бѣлыя арміи.

При эвакуаціи Крыма арміей Врангеля, Дубосарскій отказался покинуть родину. Въ Керчь вступили большевики. Комендантомъ Керчи былъ назначенъ матросъ Лукьяновъ, участникъ убійства Кокошкина и Шингарева, котораго еще ранѣе изобличалъ въ этомъ Дубосарскій. Расправа надъ жителями Керчи производилась нѣсколькими большевиками, изъ которыхъ извѣстны имена Данишевскаго и Кшановскаго.

25-го декабря 1920-го года былъ арестованъ Дубосарскій и вся керченская организація партіи Народной Свободы (Мирвисъ, Капуниковъ, Сапроничевъ, Спадони и др.). На слѣдующій день, въ ночь на 27-ое декабря, арестованные, въ количествѣ 178 человѣкъ, были выведены за городъ, гдѣ ихъ разстрѣляли, предварительно раздѣвъ до нага. По разсказамъ случайно уцѣлѣвшихъ, свойственное Дубосарскому бодрое настроеніе не покинуло его до конца и, идя на смерть, онъ заражалъ другихъ неустрашимостью и презрѣніемъ къ своимъ палачамъ.

Н. В. Тесленко

А. К. ЛЕОНТОВИЧЪ

Блестящій бакинскій адвокатъ-криминалистъ и чрезвычайно популярный мѣстный общественный дѣятель. Послѣ большевицкаго переворота продолжалъ играть крупную роль въ городскомъ хозяйствѣ г. Баку, стоя во главѣ продовольственнаго дѣла въ самое трудное время, когда этому большому промышленному городу грозилъ голодъ. Жители Баку спасеніемъ города отъ продовольственнаго кризиса въ значительной степени обязаны организаціоннымъ способностямъ и неизсякаемой энергіи А. К. Леонтовича.

Въ 1920-мъ году онъ былъ разстрѣлянъ большевиками на сѣверномъ Кавказѣ.

П.

И. А. АНТОНОВЪ

И. А. Антоновъ — Рязанскій городской голова. Онъ принадлежалъ къ старой рязанской купеческой семьѣ, которая изъ рода въ родъ давала своихъ представителей въ мѣстную городскую Думу. Нѣсколько поколѣній Антоновыхъ были городскими головами города Рязани. Въ трудные минуты Антоновы не разъ выручали свой родной городъ, ссужая городскому управленію нужныя средства. Связь Антоновыхъ съ Рязанью была крѣпкая, органическая. Мирно и тихо шла рязанская жизнь, не торопливо развиваясь и совершенствуясь. Это была типичная русская провинція, постепенно и не спѣша втягивавшаяся въ общій процессъ развитія производительныхъ силъ страны въ десятилѣтія, предшествовавшія войнѣ и революціи.

Наступила война, и тихая провинція пробудилась ставъ стремительно на работу для общаго дѣла.

Съ самаго начала войны 1914-го года И. А. Антоновъ установилъ живую и дѣятельную связь съ Московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, принялъ уча-

стіе во всѣхъ съѣздахъ, которые собирались въ Москвѣ въ связи съ войной, а, по возникновеніи Всероссійскаго Союза Городовъ, на первомъ его съѣздѣ былъ избранъ членомъ Главнаго Комитета Союза. Въ этомъ званіи онъ оставался до самаго конца. Онъ дѣятельно участвовалъ въ работѣ Союза Городовъ, внося въ нее много практически цѣнныхъ указаній. Онъ былъ во главѣ Рязанскаго Комитета Союза Городовъ, который вскорѣ сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ Комитетовъ Союза. Подъ руководствомъ И. А. Антонова этотъ Комитетъ развилъ большую работу, какъ въ области помощи раненымъ и больнымъ, такъ и въ области продовольствованія городского населенія.

Послѣ переворота 1917-го года связь И. А. съ Москвой еще болѣе укрѣпилась. Онъ примкнулъ къ партіи Народной Свободы и оказался включеннымъ въ списки кандидатовъ въ члены Учредительнаго Собранія отъ Рязанской губерніи.

Большевицкій переворотъ пресѣкъ неутомимую работу этого безкорыстнаго труженика на общее благо. Оторванный отъ привычной и любимой работы, униженный и разоренный, брошенный въ тюрьму, онъ тяжело страдалъ, и погибъ во власти тяжелаго психическаго недуга.

Н. А.

А. Н. ЗЕМБИЦКІЙ

Молодой, способный, обладавшій несомнѣннымъ крупнымъ организаторскимъ дарованіемъ, культурный и прогрессивно настроенный, А. Н. Зембицкій обратилъ на себя вниманіе большой работой, которую онъ произвелъ во время войны въ отдѣлѣ Московской городской Управы, гдѣ, подъ руководствомъ П. П. Юренева, совершалъ громадную работу по снабженію арміи одеждой, теплыми вещами и другими необходимыми предметами. А. Н. Зембицкій былъ выбранъ въ составъ Московской городской

Управы и оставался въ должности ея члена до разгона Московской Думы большевиками.

Вмѣстѣ съ другими, А. Н. не мирился съ мыслью, что коммунизмъ можетъ стать укладомъ русской жизни, что коммунизмъ соотвѣтствуетъ духу и потребностямъ русскаго народа. Эта мысль была для него чудовищна по своей нелѣпости. Но то, что творилось въ Москвѣ и въ Россіи, неистовства большевиковъ, ихъ кровожадная злоба, ложь и обманъ, человѣконенавистничество — томило и угнетало его душу. Онъ сталъ задумываться, терять самообладаніе, терять надежду... Казалось, что каменная туча нависла надъ Россіей, окончательно закрыла свѣтъ и погребла ее безвозвратно. Казалось, наступило царство зла и смерти.

Его неоднократно бросали въ тюрьму. Освобождали и снова арестовывали. Выматывали душу, смущенную и терявшую вѣру.

Однажды, освобожденный изъ тюрьмы, онъ вернулся домой, ласково побесѣдовалъ съ близкими и, улучивъ минуту, когда остался одинъ, покончилъ съ собой.

Это было актомъ самоосвобожденія изъ ада, созданнаго большевиками.

Н. А.

V. Убитые въ 1921 и въ послѣдующіе годы

ВЛАДИМІРЪ КАРЛОВИЧЪ ВИНБЕРГЪ

Это былъ, вѣроятно, самый старый по возрасту членъ партіи Народной Свободы. Когда партія возникла въ 1905-мъ году и онъ, въ числѣ первыхъ, вошелъ въ ея ряды, ему было 68 лѣтъ. Въ 4-ую государственную Думу онъ былъ избранъ 75 лѣтъ, и тоже былъ самымъ старымъ изъ членовъ Думы.

Посѣтители государственной Думы всегда обращали вниманіе на этого красиваго старика съ большой сѣдой бородой, никогда не пропускавшаго ни одного ея засѣданія, занимавшаго свое мѣсто въ пустомъ еще залѣ и добросовѣстно досиживавшаго до конца, какіе бы скучные ораторы ни говорили съ трибуны.

Замѣчательный это былъ человѣкъ. Замѣчательный не какими либо исключительно выдающимися дарованіями, а особой внутренней гармоніей своей личности. Я не ошибусь, если скажу, что всѣ люди, болѣе или менѣе близко его знавшіе, считали его лучшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ, кого они когда-либо встрѣчали. Дѣйствительно, если можно говорить объ образцовомъ человѣкѣ, человѣкѣ, гармонически сочетавшемъ въ себѣ три основныхъ человѣческихъ начала — физическое, духовное и умственное,

— то именно такимъ человѣкомъ былъ В. К. Винбергъ. Онъ не былъ ни красавцемъ, ни атлетомъ. Но былъ удивительно благообразенъ и обладалъ несокрушимымъ здоровьемъ; до старости не зналъ, что такое болѣзнь. Имѣлъ всегда отличный аппетитъ и спалъ, какъ убитый, но могъ подолгу не ѣсть и не спать, не страдая ни отъ голода, ни отъ усталости. Въ 75 лѣтъ онъ еще могъ свободно пройти верстъ десять, не отдыхая, легко, безъ отдышки взбирался въ Петербургѣ на пятый этажъ, а въ Крыму шелъ въ гору, какъ по ровному. Помню, какъ однажды вернулся онъ въ Ялту верхомъ изъ далекихъ горныхъ деревень огорченный, что почувствовалъ головокруженіе, когда ѣхалъ по тропинкѣ надъ обрывомъ.

В. К. не обладалъ отвлеченнымъ философскимъ умомъ. Его умъ былъ чисто жизненный, совершенно не способный уйти изъ сферы реальности въ область абсолютовъ, но все умъ крѣпкій и четкій, въ соотвѣтствіи съ латинской поговоркой: in corpore sano mens sana.

Смолоду усвоивъ матеріалистическія идеи, онъ остался имъ вѣренъ до смерти. Но, яростно отрицая въ спорахъ объективность понятій о добрѣ и злѣ, доказывая, что «все позволено» и стоя въ области морали на точкѣ зрѣнія утилитаризма, онъ былъ безсиленъ обосновать собственную высокую мораль и благородство своихъ побужденій. Между тѣмъ, вся его жизнь, какъ личная, такъ и общественная, была служеніемъ ближнему, и всѣ его поступки вытекали изъ глубоко нравственныхъ побужденій и исключительно развитого чувства долга и чести. В. К. не сознавалъ этого разлада между своимъ мышленіемъ и моралью, а потому внутренняя гармонія его личности не нарушалась.

Часто встрѣчаются люди, личная жизнь которыхъ рѣзко уклоняется отъ высокихъ принциповъ, проводимыхъ ими въ жизни общественной, и обратно — моральные въ личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, совершенно упраздняющіе мораль изъ своихъ общественныхъ отношеній. Для В. К. не существовало разницы между личной и общественной жизнью. И ту, и другую провелъ онъ въ

бодромъ и радостномъ исполненiи моральнаго долга и, если судьба посылала ему иногда тяжкiя испытанiя, то преодолѣвалъ онъ ихъ, не вступая въ компромиссъ со своей совѣстью. И трудно говорить о его общественной жизни, не касаясь его жизни семейной и личной.

В. К. Винбергъ родился въ 1836-мъ году. Отецъ его былъ обрусѣвшiй шведъ, мать — прибалтiйская нѣмка. Окончивъ курсъ въ корпусѣ Лѣсничихъ (впослѣдствiи, Лѣсной Институтъ), онъ получилъ мѣсто лѣсного ревизора въ Ялтинскомъ уѣздѣ, гдѣ, женившись на крымской жительницѣ, онъ окончательно и водворился. Имѣнiе «Саяни», принадлежавшее его женѣ, дало ему цензъ для земской дѣятельности, которой онъ посвятилъ большую часть своей долгой жизни.

Еще въ корпусѣ, стоя вдали отъ какой бы то ни было политики, а просто въ силу природнаго свободолюбiя, онъ испытывалъ влеченiе къ либеральнымъ идеямъ, а, женившись на дѣвушкѣ изъ либеральнаго круга, окончательно въ нихъ укрѣпился. Это былъ перiодъ великихъ реформъ, когда либеральныя идеи воспринимались прямо изъ воздуха. Воспринимались не отвлеченно, а сейчасъ же переходили въ творчество. Полный силъ и энергiи, молодой В. К. сразу же ушелъ въ это творчество всѣмъ своимъ существомъ. Какъ только открылись учрежденiя мировыхъ судовъ, онъ былъ избранъ мировымъ судьей города Ялты, а съ возникновенiемъ земскихъ учрежденiй — гласнымъ Ялтинскаго уѣзднаго и Таврическаго губернскаго земства и, наконецъ, въ началѣ 70-хъ годовъ — предсѣдателемъ губернской земской Управы. Три трехлѣтiя подрядъ онъ единогласно избирался земскимъ собранiемъ на этотъ отвѣтственный постъ, отвѣтственный въ особенности въ тѣ времена, когда нужно было налаживать новое еще земское дѣло и создавать земскiя традицiи.

В. К. былъ блестящимъ организаторомъ, а благодаря обаятельности своей личности, умѣлъ группировать вокругъ себя преданныхъ и увлеченныхъ дѣломъ людей. И работа кипѣла въ его рукахъ. Всякое дѣло, за которое

онъ брался, онъ добросовѣстно изучалъ. Зналъ въ подробностяхъ дорожное дѣло, изучилъ школьное и больничное строительства и т. д. Между прочимъ, главнымъ образомъ благодаря его иниціативѣ, въ Сакахъ, Евпаторійскаго уѣзда, Таврическое земство организовало грязелѣчебницу, впослѣдствіи прославившуюся на всю Россію...

На земской работѣ окончательно сложились его политическія убѣжденія, отлившись въ форму конституціоннаго либерализма съ ярко выраженной демократической окраской. Его честная и прямая натура не мирилась съ иными путями, кромѣ открытой борьбы на строго законной почвѣ. Никогда не сходя съ законнаго пути въ своей борьбѣ съ правительствомъ и будучи органически неспособенъ къ подпольной революціонной работѣ, онъ, однако, какъ и многіе либералы того времени, не могъ не относиться сочувственно къ народовольческой молодежи, ставшей на путь террористическихъ заговоровъ. Самый терроръ, какъ методъ борьбы, былъ для него всегда неріемлемъ, но молодежь, геройски жертвовавшая своей жизнью за свободу и справедливость, была безконечно близка его сердцу. И многіе изъ революціонныхъ дѣятелей, скрываясь отъ преслѣдованія полиціи, находили пріютъ въ его крымскомъ имѣніи Саяни. Жила тамъ и Софья Перовская, и «бабушка русской революціи» Е. К. Брешко-Брешковская, и многіе другіе. Одно время Софья Перовская служила фельдшерицей въ больницѣ Таврическаго губернскаго земства, и это обстоятельство ему было поставлено въ особую вину, когда онъ подвергся административнымъ преслѣдованіямъ.

Въ 1881-мъ году, по случаю восшествія на престолъ Александра III, В. К., входившій въ организованный И. И. Петрункевичемъ «земскій союзъ», предложилъ губернскому земскому собранію принять выработанный имъ текстъ адреса съ указаніемъ на необходимость конституціи. Послѣ горячихъ дебатовъ въ земскомъ собраніи, адресъ этотъ былъ отвергнутъ большинствомъ одного голоса. Авторъ его былъ арестованъ и высланъ на житель-

ство въ Дерптъ (Юрьевъ). Черезъ два года онъ получилъ право переселиться въ Петербургъ, гдѣ городская Дума избрала его мировымъ судьей. Дорвавшись, послѣ вынужденнаго бездѣлья, до знакомаго и любимаго дѣла, онъ радостно отдалъ ему свои силы, но департаментъ полиціи далъ о немъ такой отзывъ, на основаніи котораго Сенатъ не рѣшился утвердить его въ должности. И снова этотъ неутомимый общественный работникъ надолго былъ устраненъ отъ общественнаго дѣла.

Онъ возвращается въ свое имѣніе, и десять лѣтъ проводитъ тамъ, занимаясь хозяйствомъ. Не похожъ онъ былъ на обычныхъ помѣщиковъ, ведшихъ, по большей части, въ своихъ имѣніяхъ праздную жизнь. Съ утра до вечера онъ былъ въ работѣ. Самъ занимался переливкой вина, производилъ обрѣзку винограда съ рабочими, ставилъ и чинилъ изгороди, столярничалъ и т. д. Всегда съ пилой, топоромъ, лопатой. А въ длинные зимніе вечера садился за письменный столъ и писалъ книгу по виноградарству и винодѣлію. Эта книга выдержала нѣсколько изданій, и долгое время была единственнымъ въ Россіи руководствомъ въ этой спеціальной отрасли хозяйства.

Лишь въ 1903-мъ году, 66-лѣтнимъ старикомъ, послѣ вынужденнаго 20-лѣтняго перерыва, В. К. снова получаетъ возможность заняться своей любимой общественной работой. На этотъ разъ его выбираютъ предсѣдателемъ Ялтинской уѣздной земской управы. Несмотря на свой почтенный возрастъ, этотъ вѣчно юный старикъ былъ тогда еще полонъ силъ и энергіи. И дѣло кипитъ въ его рукахъ. Онъ вникаетъ во всѣ мелочи земскаго хозяйства, работаетъ съ утра до вечера. Уходитъ въ Управу въ 8 часовъ утра, возвращается часто къ полуночи. Служащимъ за имъ не угнаться, хотя работаютъ они не за страхъ, а за совѣсть. И въ нѣсколько лѣтъ Ялтинскій уѣздъ сталъ неузнаваемъ. Одна за другой возникаютъ новыя школы, строятся больницы, проводится реформа земскаго обложенія, основывается касса мелкаго кредита и т. п. Всегда свѣжій и бодрый, доступный всѣмъ и каждому, онъ находитъ время среди своихъ разнообразныхъ занятій при-

нимать въ управѣ мѣстныхъ жителей, приходящихъ къ нему съ самыми разнообразными дѣлами, за различными совѣтами — юридическими, домашними, семейными. Внимательно всѣхъ выслушиваетъ, добросовѣстно вникаетъ во всѣ детали и всѣхъ наставляетъ. Иногда для разрѣшенія какого нибудь сложнаго юридическаго вопроса онъ часами роется въ сводѣ законовъ и въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, чтобы дать правильный совѣтъ неизвѣстному татарину изъ далекой горной деревни. Зато не было въ Ялтинскомъ уѣздѣ, да, вѣроятно, и во всемъ Крыму, болѣе популярнаго человѣка. Татары относились къ нему съ особой бережной нѣжностью, называя «нашъ дѣдушка». Для нихъ «нашъ дѣдушка» былъ высшимъ юридическимъ и моральнымъ авторитетомъ.

В. К. пробылъ предсѣдателемъ Ялтинской земской управы 9 лѣтъ, изъ нихъ шесть лѣтъ совпали съ правленіемъ знаменитаго генерала Думбадзе, самодержца Ялтинскаго уѣзда. В. К., либералу и законнику, было очень трудно работать въ созданной генераломъ Думбадзе атмосферѣ произвола. Думбадзе постоянно вмѣшивался въ земскія дѣла, не подлежавшія его компетенціи, арестовывалъ и высылалъ изъ Ялтинскаго уѣзда лучшихъ земскихъ служащихъ. В. К. отстаивалъ основанныя на законѣ и постоянно нарушавшіяся невѣжественнымъ генераломъ земскія права, не ища его расположенія, а, наоборотъ, вступая съ нимъ въ самую рѣшительную борьбу. Первое время Думбадзе, привыкшій къ раболѣпству, настроился къ нему крайне враждебно и грозилъ высылкой. Но вскорѣ самъ поддался обаянію личности этого удивительнаго старика и даже сталъ иногда обращаться къ нему за совѣтами и указаніями.

В. К. былъ, конечно, безсмѣннымъ выборщикомъ во всѣ четыре Думы, но отказывался отъ избранія въ депутаты, считая, что въ земской работѣ онъ больше можетъ принести пользы. И только въ 1912-мъ году, желая послѣдніе годы своей жизни провести въ болѣе близкомъ общеніи съ дѣтьми и внуками, жившими въ Петербургѣ, онъ рѣшился выставить свою кандидатуру въ 4-ую госу-

дарственную Думу. Несмотря на то, что къ 80-ти годамъ онъ сохранялъ еще полную работоспособность, онъ все-же понималъ, что въ этомъ возрастѣ не можетъ играть крупной роли въ политической жизни, а потому сознательно устранялся отъ «большой политики», не выступалъ съ рѣчами ни въ Думѣ, ни въ засѣданіяхъ фракціи, а со свойственной ему добросовѣстностью занялся мелкой комиссіонной работой.

Февральскую революцію онъ принялъ бодро и съ глубокой вѣрой въ ея счастливый для Россіи исходъ. И тутъ, чувствуя себя уже не въ силахъ активно участвовать въ разгоравшейся борьбѣ, онъ счелъ, однако, для себя невозможнымъ уклониться хотя бы отъ черной работы. Когда образовался Комитетъ Государственной Думы, онъ сталъ его казначеемъ. Въ революціонные дни, съ прекращеніемъ трамвайнаго движенія въ Петербургѣ, этотъ глубокій старикъ, накинувъ на плечи свою старую «разлетайку», ходилъ пѣшкомъ съ Александровскаго проспекта Петербургской стороны въ Таврическій дворецъ и обратно, дѣлая ежедневно около 20 верстъ пѣшкомъ.

Черезъ полгода послѣ большевицкаго переворота ему удалось пробраться въ Крымъ, въ свое имѣніе Саяни, гдѣ онъ соединился со всей своей семьей.

Семейная жизнь сложилась у него исключительно счастливо. Онъ умѣлъ ее гармонически сочетать со своей общественной работой, внося въ нее не меньше любви и заботливости. Съ женой, въ самой тѣсной интимной дружбѣ, окружая ее нѣжными заботами, онъ прожилъ свыше пятидесяти лѣтъ. Было у него семеро дѣтей и 16 внуковъ. И все это огромное семейство каждое лѣто съѣзжалось на южный берегъ, въ имѣніе Саяни, куда и онъ когда то пріѣзжалъ молодымъ лѣсничимъ и гдѣ началась его семейная жизнь.

Первое семейное горе онъ пережилъ въ возрастѣ 75 лѣтъ, когда умерла его старшая любимая внучка. А затѣмъ вскорѣ похоронилъ жену, младшаго сына и старшую дочь. Но и эти личныя несчастья не сломили его. Живя въ тяжкихъ матеріальныхъ условіяхъ во время граж-

данской войны, онъ сохранялъ свой бодрый оптимизмъ, вѣрилъ въ побѣду бѣлаго движенія, подбодряя сомнѣвающихся. А когда приходили въ Крымъ большевики и устанавливали свои порядки, онъ старался вникать въ большевицкіе законы и, въ предѣлахъ этихъ законовъ, отстаивалъ свои права такъ, какъ онъ это дѣлалъ когда-то въ условіяхъ самодержавнаго строя. Но методы, вліявшіе даже на генерала Думбадзе, были безсильны по отношенію къ большевикамъ. Видя вокругъ себя сплошной произволъ и насиліе, а, главное, всякое отсутствіе здраваго смысла, старикъ совершенно терялся, и только глубокая вѣра въ народъ и въ конечное торжество правды, вѣра въ то, что «такъ» долго не можетъ продолжаться, все еще поддерживала бодрость его духа. Два раза завладѣвали Крымомъ большевики, два раза всѣ имѣнія въ Крыму конфисковывались, но, очевидно, такова была популярность «нашего дѣдушки» среди мѣстнаго населенія, что большевики только «брали на учетъ» его имѣніе, а конфисковать не рѣшались. Наконецъ, окончательно укрѣпившись въ Крыму, послѣ Врангелевской эвакуаціи, они взяли въ совхозъ и старое «Саяни», а «дѣдушку» поставили управляющимъ.

Навѣрное можно сказать, что болѣе честнаго и добросовѣстнаго управляющаго они бы не нашли. В. К. строго блюлъ казенные интересы, довольствуясь лишь положеннымъ ему скромнымъ жалованіемъ.

Было голодно, было трудно, но все же оставалась семья — дѣти и внуки, съ которыми онъ жилъ и о которыхъ заботился.

Но вотъ, въ сентябрѣ 1921-го года, въ связи съ попыткой выѣхать за границу нѣкоторыхъ членовъ семьи В. К., въ «Саяни» нагрянули чекисты и арестовали всѣхъ, кто тамъ въ это время находился. Посадили въ ялтинскую тюрьму и 86-лѣтняго В. К.

До тюрьмы онъ былъ еще бодрымъ старикомъ. Много работалъ физически и умственно, подготовляя новое изданіе своего руководства по виноградарству. Ужасныя условія тюремнаго сидѣнія онъ тоже переносилъ хорошо.

Но его выпустили изъ тюрьмы одного. Въ тюрьмѣ остались его двѣ дочери, сынъ и трое внуковъ, которымъ грозила смерть.

Его богатырскій организмъ, ослабленный голодомъ и тюрьмой, не могъ выдержать этого послѣдняго испытанія — мучительной тревоги за жизнь самыхъ близкихъ людей. Какъ то сразу онъ потерялъ вкусъ къ жизни и быстро сталъ дряхлѣть умомъ и тѣломъ.

Въ январѣ 1922-го года онъ скончался. Его хоронили оставшіеся съ нимъ трое маленькихъ внуковъ,, нѣсколько друзей и татары изъ сосѣдней деревни, пришедшіе сказать послѣднее прости «нашему дѣдушкѣ».

В. Оболенскій

ПАМЯТИ Н. И. ЛАЗАРЕВСКАГО

Средняго роста, худощавый, темноволосый, бритый. Живые, полные мысли, глаза, глубоко сидящіе по бокамъ тонкаго носа. Въ обликѣ — что-то напоминающее Гоголя. Легкія движенія и въ то же время степенность. Немногорѣчивъ, но заговоритъ — красивый баритонъ ласкаетъ слухъ, а высказался — есть надъ чѣмъ подумать. Держится скромно, но замѣтенъ: хоть и не выдвигаетъ себя, а выдвигается.

Таковъ былъ Николай Ивановичъ Лазаревскій всего 27-ми лѣтъ отъ роду, когда я впервые встрѣтился съ нимъ въ 1895-мъ году. Такимъ же я видѣлъ его въ послѣдній разъ, осенью 1917-го года, когда онъ уже приближался къ 50-лѣтнему возрасту; развѣ лишь сѣдина кое-гдѣ чуть-чуть показалась.

Начало нашего знакомства связано съ возникновеніемъ товарищескаго кружка оставленныхъ при Петербургскомъ Университетѣ по юридическому факультету для приготовленія къ профессурѣ. Мы, члены кружка, ежемѣсячно (за вычетомъ лѣтняго перерыва) собирались у тѣхъ изъ насъ, чьи квартиры были достаточно вмѣсти-

тельны (насколько помню, то у В. М. Устинова, оставленнаго по кафедрѣ международнаго права, то у А. Н. Мандельштама, оставленнаго по кафедрѣ международнаго права, впослѣдствіи доктора международнаго права и дипломата, то у С. М. Прутченко, впослѣдствіи магистра государственнаго права и попечителя петербургскаго учебнаго округа, то у меня); кто нибудь читалъ докладъ по своей спеціальности, а другіе возражали, дополняли, обмѣнивались мнѣніями. Послѣ, за ужиномъ, завязывалась непринужденная бесѣда, и мы расходились, каждый разъ все болѣе сблизившись другъ съ другомъ. Болѣе или менѣе постоянно участвовали въ нашихъ собраніяхъ 24 человѣка. Среди нихъ были и составившіе себѣ потомъ имя въ наукѣ и достигшіе позже значительнаго положенія (напримѣръ, кромѣ уже упомянутаго А. Н. Мандельштама и С. М. Прутченко, профессора А. А. Жижиленко, Н. Н. Розинъ и В. М. Гордонъ, бар. А. Ф. Мейендорфъ, впослѣдствіи товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, бар. М. А. Таубе, впослѣдствіи профессоръ и товарищъ министра народнаго просвѣщенія, А. М. Ону, Е. Н. Фену, Н. А. Елачичъ), но и въ такомъ окруженіи Николай Ивановичъ обращалъ на себя исключительное вниманіе, какъ рѣдкимъ сочетаніемъ необычайной быстроты и строгой послѣдовательности мышленія, такъ и отчетливою продуманностью своихъ знаній: онъ обладалъ и систематичнымъ, поднимающимся осторожно по восходящимъ ступенямъ, умомъ ученаго и легкою, по разнымъ направленіямъ, находчивостью человѣка жизни, держа всегда наготовѣ ключи ко всѣмъ шкапамъ той библіотеки, которою была его голова уже и тогда. Онъ и лично привлекалъ къ себѣ, но нисколько о томъ не заботился, никого не зазывалъ, но и не запиралъ дверей своего внутренняго міра сплошь передъ всѣми, хоть и съ мягкой рѣшительностью не пускалъ почти всѣхъ дальше пріемныхъ комнатъ души.

Въ 1897-мъ году судьба бросила меня въ провинцію, и я свидѣлся съ Н. И. уже въ бурные мѣсяцы первой революціи, или — точнѣе — ея попытки. Онъ былъ уже

магистромъ государственнаго права и работалъ надъ своей прекрасной диссертаціей объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, гдѣ такъ наглядно выявилось его умѣніе спускать висящія въ воздухѣ крышу и перекрытіе научныхъ обобщеній какъ разъ на поднимающіеся отъ земли и никогда не завершенные низы опытныхъ положеній, даваемыхъ жизнью. Разговоры наши на этотъ разъ, конечно, не могли не выйти за порогъ тихихъ комнатъ науки: слишкомъ тогда было шумно на улицѣ текущаго дня. И подъ новымъ угломъ зрѣнія Н. И. возбудилъ во мнѣ почтительное удивленіе все тѣмъ же своимъ даромъ цѣлостно сочетать то, что у большинства никогда не сочеталось; чудесная уравновѣшенность жила въ этомъ, далеко не безстрастномъ, человѣкѣ. Видя неправды стараго порядка и открыто сочувствуя стремленіямъ его преображенія, онъ не закрывалъ глазъ и на неправды въ такихъ попыткахъ и на положительное въ нашей государственности. Будучи малороссомъ по рожденію и петербуржцемъ (если можно такъ выразиться) по усыновленію, онъ огорчался и петербургскимъ дальтонизмомъ, не видѣвшимъ разной окраски Кіева и, напримѣръ, Пензы, и украинской слѣпотой, не отличавшей Великороссіи отъ Великой Россіи. И притомъ — это несравненное его умѣніе быть одновременно немногословнымъ и многомысленнымъ, не убѣждающимъ (а просто думающимъ вслухъ) и убѣдительнымъ, этотъ ласковый юморъ, искорками беззлобной насмѣшки сверкавшій и въ серьезномъ его разговорѣ, — какъ они мнѣ памятны и до сихъ поръ!

Петербургъ — безпощадный разъединитель: въ немъ нерѣдко приходилось терять изъ виду и чтимыхъ людей. И я, послѣ ряда лѣтъ, когда встрѣчался съ Н. И. рѣдко и случайно, снова подошелъ къ нему ближе уже во время войны. Мы оба оказались членами одной комиссіи, которой я не назову: злословить не хочу, а хорошаго о ней не скажешь. Въ безплодной скукѣ ея засѣданій, когда мы часами топтались на мѣстѣ, я, сидя съ Н. И. рядомъ, былъ захваченъ однажды нѣсколькими его словами о томъ, надъ чѣмъ онъ теперь работаетъ по государ-

ственному праву. И вотъ какъ-то, выходя вмѣстѣ съ нимъ изъ того министерства, гдѣ мы засѣдали, я пошелъ туда же, куда и онъ; и, помню, мы медлили разстаться, а я все спрашивалъ и слушалъ. Государственнымъ правомъ я занимался урывками, и все-же я юристъ, да къ нѣкоторымъ изъ мыслей моего собесѣдника я подходилъ какъ цивилистъ, а потому рѣшаюсь сказать, что онъ поразилъ бы не одного меня. Оговариваясь, что вся его постройка еще въ лѣсахъ, и работы предстоитъ на годы, онъ, безъ лишнихъ, по своему обычаю, словъ, дѣлился со мною выношенными имъ новыми опредѣленіями и построеніями въ направленіи дальнѣйшаго преобразованія науки о государствѣ въ подлинное государственное право. Мнѣ и прежде думалось, что государственное право, заимствуя изъ гражданскаго — порою неосмотрительно — готовыя понятія, недостаточно использовало свойственный цивилистикѣ строгій юридическій методъ. Такъ, напримѣръ, казалось бы, что нельзя отношеніе членовъ парламента къ избирателямъ и партіямъ строить подобно отношеніямъ изъ частноправнаго представительства, жалованіе по государственной и общественной службѣ приравнивать къ заработной платѣ, и, съ другой стороны, давно пора заговорить о юридическихъ сдѣлкахъ въ публичноправной области и о случаяхъ ихъ недѣйствительности. Но, вступая на чужую почву, я двигался робко, боясь своихъ мыслей, и какова же была моя радость, когда я услышалъ государствовѣда, который и смѣлѣе, и убѣдительнѣе, и куда дальше, шире и цѣлостнѣе меня продвинулся въ томъ же направленіи. Мы какъ бы подали голосъ другъ другу, роя туннель съ противоположныхъ сторонъ: я изъ владѣній гражданскаго, а онъ изъ владѣній государственнаго права. Онъ, конечно, прорылъ больше и неизмѣримо лучше, и мнѣ горько, что я теперь припоминаю только то, надъ чѣмъ думалъ и самъ, хотя помню, что совсѣмъ для меня новое прозвучало тогда на мой слухъ крупнѣе, величественнѣе. Написано ли было имъ что-либо изъ этого? Сохранилось ли написанное?

Есть у Анатоля Франса разсказъ, въ которомъ по-

вѣствователь говоритъ, что, глядя на портретъ Ампера въ дѣтствѣ и видя, какъ великаго математика напоминаетъ лицомъ одинъ рано умершій талантливый мальчикъ, онъ понялъ, чего эта преждевременная смерть лишила Францію. Не на такомъ шаткомъ основаніи, а съ полной достовѣрностью, я твержу: мнѣ извѣстно, чего лишилась Россія съ преждевременной смертью Лазаревскаго.

И еще сейчасъ вспоминается: лѣтомъ 1916-го года, когда я бывалъ у Н. И. въ Павловскѣ, онъ показался мнѣ слишкомъ безнадежно смотрящимъ въ будущее, а на дѣлѣ обнаружилъ большую прозорливость, сказавъ, что теперь едва ли есть спасительный для Россіи выходъ: тѣ реформы, которыя дѣйствительно нужны намъ, даже если бы и были даны или вырваны, уже не удовлетворятъ общественнаго нетерпѣнія, обостреннаго до крайней раздражительности.

Вотъ и все, что я могу сказать о Н. И. Мало этого, конечно. Но задача составить его біографію, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, была бы мнѣ не подъ силу, и я постарался только выявить тотъ обликъ дорогого для меня человѣка, который запечатлѣнъ на пленкѣ моей памяти.

Насколько я знаю, Николай Ивановичъ Лазаревскій, происходившій изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился въ 1869-мъ году и, кажется, въ Конотопскомъ уѣздѣ. Учился онъ въ Царскосельской гимназіи и Петербургскомъ Университетѣ, былъ потомъ профессоромъ государственнаго права въ Петербургѣ и юрисконсультомъ министерства финансовъ, а при временномъ правительствѣ сталъ сенаторомъ и присутствовалъ въ 1-мъ департаментѣ Сената. Разстрѣляли его въ 1921-мъ году вмѣстѣ съ Н .С. Гумилевымъ и др. по дѣлу В. Н. Таганцева. Говорятъ, у Н. И. нашли проекты государственнаго устройства Россіи послѣ большевиковъ, — преступленіе чудовищное, караемое смертной казнью даже и тогда, когда она уже отмѣнена: власть совѣтская. .

Сергѣй Завадскій

Н. И. ЛАЗАРЕВСКІЙ — УЧИТЕЛЬ ПРАВА

Бестужевскіе курсы. Полутемная XIII аудиторія въ концѣ длиннаго тихаго корридора въ верхнемъ этажѣ. Первая лекція перваго курса юридическаго факультета. Государственное право. Некрупными шагами, спокойно, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, входитъ Николай Ивановичъ Лазаревскій. Садится, вынимаетъ изъ бокового кармана пачку листочковъ, обводитъ всѣхъ внимательными, пытливыми глазами. Лекція началась. Негромкій голосъ; не совсѣмъ чистое произношеніе. Надо внимательно вслушиваться.

И съ перваго же дня слушатели попадаютъ въ ту атмосферу спокойной, ясной, глубокой мысли, которая сразу сближаетъ ихъ съ профессоромъ и другъ съ другомъ. Право, его роль въ жизни народовъ, его связанность со всѣми явленіями общественной жизни — такъ просто, такъ естественно и несомнѣнно выступаютъ изъ лекціи. Первая школа юридической мысли, школа государственнаго мышленія, правового осмысливанія всѣхъ сферъ и отдѣльныхъ проявленій государственной и общественной жизни — вотъ что давали лекціи Н. И. Онъ сумѣлъ передать слушателямъ то, чѣмъ полонъ былъ самъ: несокрушимую вѣру въ правовое государство, спокойное отношеніе къ различнымъ формамъ правленія, если только онѣ обставлены достаточными и реально соблюдаемыми конституціонными гарантіями, пламенную убѣжденность въ конечномъ торжествѣ права въ государственной жизни. Спокойно и рѣшительно критиковалъ онъ безправіе русскаго государственнаго строя, ярко обрисовывалъ знаменитую 87-ую статью, рѣзко осуждалъ «законъ» 3 іюня; блестящая лекція его о 17-мъ октября — возвѣщенныхъ и неосуществившихся правахъ — была настолько смѣла въ устахъ человѣка, бывшаго на государственной службѣ, что встрѣчена была дружными апплодисментами, такими рѣдкими на спокойномъ юридическомъ факультетѣ. Помню и сейчасъ удивленный взглядъ Н. И. и глубокій, тоже спокойный, поклонъ.

Съ первыхъ же дней между аудиторіей и профессоромъ протянулись прочныя нити взаимнаго пониманія и стремленія къ дружной совмѣстной работѣ. Листочки спокойно лежали на столѣ, и свободно лилась плавная, красивая и въ то же время совсѣмъ простая рѣчь. Внимательные глаза неустанно слѣдили за аудиторіей, особенно часто останавливаясь тамъ, гдѣ встрѣчали отвѣтную мысль и напряженное вниманіе. Малѣйшее замѣченное выраженіе непониманія, несогласія — вызывали новыя объясненія, убѣждающіе доводы. Рѣдко удавалось Н. И. отдохнуть въ перерывъ между двухчасовой лекціей — столько вопросовъ задавалось ему въ совсѣмъ темномъ корридорѣ, уставленномъ шкафами съ книгами, у тихой «юридической аудиторіи». Всегда внимательные, поражавшіе богатой эрудиціей, отвѣты. Право и жизнь такъ просто и такъ естественно «пронизывали» другъ друга, и ясность мышленія такъ незамѣтно передавалась отъ учителя къ ученикамъ. Для болѣе серьезныхъ и углубленныхъ бесѣдъ Н. И. охотно открывалъ и двери своего дома, и бѣлая келійка на Мойкѣ, съ книжными шкафами до потолка, съ маленькимъ низенькимъ столикомъ и неизмѣнной пишущей машинкой, на которой Н. И. писалъ самъ, «сочиняя», — памятна многимъ и многимъ изъ насъ.

Но не только по вопросамъ его предмета приходилось Николаю Ивановичу откликаться. Къ нему шли со всѣмъ. Съ вопросами научнаго характера, за совѣтами по учебнымъ, даже по личнымъ дѣламъ — такъ легко и просто было обратиться къ Н. И. И всѣ были убѣждены, что все вниманіе, все доступное знаніе, вся свойственная Н. И. сердечность — все будетъ отдано пришедшему за совѣтомъ. И часто на послѣднихъ курсахъ, когда уже предметъ Н. И. былъ «сданъ», порою даже по окончаніи курсовъ — его бывшія ученицы все приходили и приходили «поговорить». И уходили, проясненныя.

Съ большимъ и теплымъ чувствомъ вспоминается Н. И. Лазаревскій, сумѣвшій первый насъ научить любить право и чувствовать его въ жизни, первый пробудившій въ насъ правовое чувство и давшій намъ первую шко-

лу юридической мысли. И не хочется вѣрить, что уже никогда больше не увидишь его изящную худощавую фигуру, его блѣдное лицо съ неправильными, немного острыми чертами, съ глубоко сидящими маленькими черными глазами ,полными мысли и легкой ироніи; никогда больше не услышишь его рѣчь, такую милую, такую доступную и такую глубоко продуманную; никогда больше не почувствуешь того глубокаго и простого благородства, внѣшняго и внутренняго, которымъ былъ проникнутъ обликъ Н. И.

Бестужевка.

АБРАМЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ХАДЖИ

Абрамъ Яковлевичъ Хаджи, караимъ по національности, родился въ 1873-мъ году. Окончивъ Симферопольскую гимназію, поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго Университета, гдѣ усердно занимался науками, но принималъ близкое участіе и въ студенческомъ движеніи, вращаясь въ радикальныхъ кружкахъ петербургской молодежи.

По окончаніи Университета, Абрамъ Яковлевичъ вернулся въ свой родной Симферополь, гдѣ занялся адвокатурой, которая и стала его постоянной профессіей. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ состоялъ гласнымъ Симферопольской городской Думы. Когда, послѣ революціи, произошли выборы въ Думу демократическую, большинство старыхъ гласныхъ было забалотировано, но А. Я. былъ избранъ и переизбирался каждый разъ на выборахъ, назначавшихся смѣнявшими другъ друга въ Крыму правительствами.

Въ партію Народной Свободы А. Я. Хаджи вступилъ съ первыхъ дней ея основанія, въ 1905-мъ году, а съ 1908 до 1918 года состоялъ предсѣдателемъ ея Таврическаго губернскаго комитета.

Таково, въ общихъ чертахъ, краткое жизнеописаніе

этого, мало извѣстнаго за предѣлами Таврической губерніи, члена партіи Народной Свободы.

Но тѣмъ, кто лучше зналъ покойнаго Абрама Яковлевича, кто имѣлъ возможность ближе съ нимъ общаться, имя это говоритъ гораздо больше краткой біографіи рядового провинціальнаго общественнаго дѣятеля, и въ этомъ сборникѣ, посвященномъ памяти погибшихъ нашихъ товарищей и единомышленниковъ, мнѣ хочется болѣе полно возстановить его образъ.

Въ Симферополѣ всѣ знали его маленькую, сутулую фигурку съ большой головой, восточнаго типа лицомъ и сурово-задумчивыми подслѣповатыми глазами. На одинъ глазъ онъ былъ совсѣмъ слѣпъ, а другимъ видѣлъ плохо, и могъ читать лишь черезъ лупу, которую всегда носилъ въ карманѣ. Его зрѣніе было такимъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ и это, вѣроятно, повліяло на всю его психику. На улицѣ не узнавалъ знакомыхъ, а, когда его окликали, подходилъ вплотную, внимательно осматривая снизу вверхъ встрѣченнаго знакомаго.

Къ внѣшнимъ дефектамъ Абрама Яковлевича, кромѣ исключительно маленькаго роста и совсѣмъ плохого зрѣнія, нужно прибавить еще легкое заиканіе, когда онъ говорилъ, мѣшавшее плавности его рѣчи. Кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно застѣнчивъ и тиходуменъ, а потому въ спорахъ и публичныхъ состязаніяхъ съ быстрыми и находчивыми противниками часто пассовалъ. Словомъ, если можно представить себѣ типъ человѣка, не могущаго быть адвокатомъ, то таковымъ былъ А. Я. Хаджи. И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ адвокатомъ, и адвокатомъ съ довольно обширной практикой, несмотря на большое число конкуррентовъ. Объясняется это другими качествами его. Онъ былъ кристально чистымъ и скрупулезно честнымъ человѣкомъ, широко образованнымъ, хорошо знающимъ свое дѣло и добросовѣстно къ нему относившимся. Сомнительныхъ дѣлъ А. Я. никогда не велъ и, если онъ брался за дѣло, то, значитъ, онъ съ чистой совѣстью могъ отстаивать его правоту. Моральный авторитетъ этого маленькаго, подслѣповатаго и плохо владѣющаго рѣчью

человѣка, въ судебныхъ разбирательствахъ часто являлся болѣе вѣскимъ аргументомъ для суда, чѣмъ блестящія рѣчи его противниковъ. Тѣ же свойства выдвинули его и въ первые ряды симферопольской общественности. Онъ много работалъ въ комиссіяхъ городской Думы, а въ общихъ собраніяхъ выступалъ рѣдко; никогда не говорилъ для того, чтобы что-нибудь сказать, а бралъ слово лишь въ исключительныхъ случаяхъ, ради чего нибудь нужнаго и важнаго. И его мнѣнія выслушивались со вниманіемъ, такъ какъ они были всегда продуманы и обоснованы. Большей частью онъ говорилъ спокойно и дѣловито, безъ полемическаго задора, и лишь тогда, когда въ словахъ противника было искаженіе истины, онъ вскипалъ и какъ-то неуклюже начиналъ говорить рѣзкости. Ибо, будучи самъ исключительно добросовѣстнымъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, человѣкомъ, совершенно не переносилъ лжи, фальши и напыщеннаго фразерства. Въ Симферополѣ многіе говорили съ ироніей о «маленькомъ Хаджи», а между тѣмъ ни одно общественное начинаніе не проходило безъ его участія. На партійныхъ собраніяхъ А. Я. тоже выступалъ рѣдко. Однако, въ теченіе многихъ лѣтъ, протекшихъ со времени роспуска второй Думы и вплоть до революціи 1917-го года, онъ могъ почти про себя сказать, что въ Симферополѣ «партія — это я». Ибо въ промежутки между выборами въ Думу, всегда привлекавшими къ партійной дѣятельности свѣжія силы, велъ скромную партійную работу въ Симферополѣ одинъ Абрамъ Яковлевичъ, вкладывая въ нее свою душу.

И такъ во всемъ. Какимъ бы общественнымъ дѣломъ онъ ни занимался, онъ не претендовалъ на первыя роли, и брался за нихъ лишь въ силу крайней необходимости Тихій и скромный, онъ, однако, твердо и съ упорствомъ велъ свою линію, въ соотвѣтствіи со своими убѣжденіями и нравственнымъ чутьемъ. Въ провинціальномъ городѣ о каждомъ человѣкѣ злословятъ. Объ А. Я. Хаджи мнѣ никогда не приходилось слышать ничего такого, что клало бы тѣнь на его частную и общественную жизнь.

Я былъ знакомъ съ А. Я. Хаджи болѣе 15 лѣтъ. Въ

особенности сблизился съ нимъ въ періодъ гражданской войны, когда перебрался изъ Петербурга въ Симферополь. Часто бывалъ у него, въ его домѣ, на Екатерининской улицѣ, гдѣ онъ жилъ сначала со старухой матерью, а затѣмъ со старшей сестрой, всегда радушно угощавшей меня всевозможными караимскими лакомствами. Мягкій и тихій, А. Я. среди своихъ многочисленныхъ братьевъ и сестеръ пользовался огромнымъ авторитетомъ, который чувствовался въ отношеніи къ нему даже въ непринужденныхъ бесѣдахъ за чайнымъ столомъ.

О многомъ и многомъ мнѣ пришлось переговорить за это время съ А. Я., и только въ этихъ дружескихъ разговорахъ, съ глазу на глазъ, онъ проявлялся весь, съ его недюжиннымъ умомъ, проницательностью мысли, умѣньемъ понимать окружающихъ людей, съ сильнымъ духомъ и глубокимъ моральнымъ чутьемъ.

И этого человѣка, никому не причинившаго зла, тихаго и скромнаго, убили... Убили самымъ отвратительнымъ и коварнымъ образомъ. Однажды, въ разгаръ большевицкаго террора, въ началѣ 1921-го года, Абрамъ Яковлевичъ вышелъ изъ дому по какому то дѣлу, и больше назадъ не возвращался. Всѣ поиски оказались тщетными. Если вѣрить мѣстнымъ властямъ, въ тюрьму его не приводили. Очевидно, гдѣ нибудь за городомъ «вывели въ расходъ».

В. Оболенскій

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ БАРТЪ

Высокій блондинъ со свѣтло-голубыми глазами и бѣлыми холеными руками. Всегда здоровый, бодрый, румяный. Одѣтый съ иголочки, хотя безъ преувеличеннаго франтовства, но съ особой опрятностью, свойственной людямъ германскаго происхожденія. Таковъ былъ по внѣшности Александръ Павловичъ Бартъ. Нѣмцемъ онъ былъ и по своему внутреннему складу. Спокойно-самоувѣрен-

ный, аккуратный до педантизма въ дѣлахъ, строгій формалистъ и законникъ, вѣжливо-требовательный начальникъ и исполнительный подчиненный.

Александръ Павловичъ вступилъ въ партію Народной Свободы лишь послѣ февральской революціи. «Кадетомъ» по убѣжденіямъ онъ былъ и ранѣе, но, занимая должность управляющаго Казенной Палатой въ Таврической губерніи, не могъ совмѣстить ее съ открытымъ участіемъ въ оппозиціонной партіи.

Познакомился я съ А. П. Бартомъ весной 1917-го года, когда пріѣзжалъ въ Крымъ по продовольственнымъ дѣламъ, командированный временнымъ правительствомъ. Онъ тогда состоялъ членомъ мѣстнаго комитета партіи, но въ политической работѣ ея мало принималъ участія. Онъ хорошо зналъ свое дѣло, и основной задачей его тогда было — спасти расхлябанную революціей бюрократическую машину, которой управлялъ, отъ окончательнаго разрушенія. Уравновѣшенный и не теряющійся въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, бюрократъ по призванію, онъ дѣйствительно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи.

Когда, въ январѣ 1918-го года, большевики завладѣли Крымомъ, А. П. остался на своемъ посту. Большевикамъ импонировало его спокойствіе и знаніе дѣла, и ему, благодаря огромной выдержкѣ, удалось охранить свое вѣдомство отъ разгрома властвовавшихъ тогда въ Крыму севастопольскихъ матросовъ. Оставался онъ управляющимъ Казенной Палатой и тогда, когда нѣмцы завладѣли Крымомъ и передали управленіе въ руки татарско-нѣмецкаго правительства генерала Сулькевича. Въ этотъ періодъ мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя Губернской земской управы, часто приходилось обращаться къ А. П., чтобы черезъ него добывать средства для земскаго дѣла отъ враждебнаго земству правительства. И онъ неоднократно выручалъ изъ бѣды земскія учрежденія.

Ушли нѣмцы, и образовалось новое Крымское Правительство во главѣ съ С. С. Крымомъ. А. П. Бартъ, въ качествѣ управляющаго Казенной Палатой, фактически

руководившій финансами отрѣзаннаго отъ остальной Россіи Крыма, былъ приглашенъ новымъ правительствомъ на должность министра финансовъ.

Будучи министромъ, онъ, какъ и прежде, мало вмѣшивался въ общую политику, а дѣловито, спокойно и отчетливо велъ свое спеціальное дѣло, проявивъ много находчивости и инціативы, которыя требовались отъ лица, завѣдывавшаго финансами маленькой территоріи во время полной экономической разрухи. И, нужно сказать, что финансы Крымскаго краевого правительства, благодаря цѣлому ряду мѣропріятій, проводившихся А. П. Бартомъ, были въ относительномъ порядкѣ.

Снова пришли большевики, и А. П. вмѣстѣ со своими коллегами по правительству, пришлось временно выѣхать за границу, откуда онъ немедленно вернулся, какъ только Крымъ опять былъ занятъ добровольческой арміей. И снова больше года онъ управляетъ Казенной Палатой, сначала при Деникинѣ, а затѣмъ при Врангелѣ. Трудно ему приходилось, особенно въ послѣдній періодъ власти Деникина, когда въ Крыму распоряжался генералъ Слащевъ, не признававшій никакихъ законовъ и формальностей. Привыкшій къ строгой законности и формализму, необходимому въ финансовыхъ дѣлахъ, онъ никакъ не могъ приспособиться къ чисто башибузукскимъ методамъ Слащева и, показывая мнѣ иногда нелѣпыя телеграммы этого генерала съ требованіемъ выдачи денегъ, разводилъ руками и говорилъ: « Ну, какъ же работать въ такихъ условіяхъ!». И все-таки работалъ, боролся со Слащевымъ, сколько могъ, и дѣлалъ свое дѣло.

Въ ноябрѣ 1920-го года Крымъ окончательно былъ взятъ большевиками. Передъ отъѣздомъ, я зашелъ къ А. П. Онъ былъ такой же, какъ всегда: блестѣвшій чистотой и опрятностью, бодрый, спокойный, самоувѣренный...

— Вы развѣ остаетесь? — спросилъ я его.

— Конечно, остаюсь, — отвѣтилъ онъ спокойно. — И не понимаю, зачѣмъ вы ѣдете. Вѣдь теперь гражданская война кончилась, и большевики надолго завладѣли

Россіей. Какой же смыслъ уѣзжать? Приходится временно примириться съ тѣмъ, что есть, и продолжать свою работу, хотя бы и подъ властью большевиковъ, но на своей родинѣ. Это тяжело, но неизбѣжно. Поэтому я рѣшилъ остаться. А за себя лично не боюсь. Я уже разъ уѣзжалъ ради сохраненія своей жизни, и три мѣсяца совершенно безсмысленно провелъ за границей. Теперь же я совершенно увѣренъ въ томъ, что, съ окончаніемъ гражданской войны, кончится и періодъ террора. А, кромѣ того, вѣдь, всѣ знаютъ, что я лично человѣкъ дѣловой и къ политикѣ мало имѣлъ отношенія. . .

Онъ говорилъ такъ увѣренно и убѣдительно, что я, тоже не безъ колебаній рѣшившій покинуть Россію, невольно подумалъ, что онъ, можетъ быть, болѣе правъ, чѣмъ я. Мы простились, горячо пожавъ другъ другу руки. . .

А черезъ два мѣсяца я узналъ, что этотъ человѣкъ, такъ логично разсуждавшій о своей безопасности, сталъ одной изъ первыхъ жертвъ страшнаго большевицкаго террора, залившаго Крымъ потоками невинной крови. Не сомнѣваюсь, что умеръ онъ мужественно.

Убійство А. П. Барта было однимъ изъ самыхъ безсмысленныхъ кровавыхъ дѣлъ большевиковъ.

Умеръ онъ въ возрастѣ не свыше 45 лѣтъ, полный силъ и здоровья, и могъ бы еще долго и плодотворно работать на пользу родины, съ которой сознательно не хотѣлъ разстаться въ моментъ стихійнаго бѣгства людей, еще менѣе его имѣвшихъ основаніе бояться за свою жизнь. . .

В. Оболенскій

ГРИГОРІЙ ЛЬВОВИЧЪ БѢЛОСТОЦКІЙ

Онъ погибъ въ связи съ такъ называемымъ заговоромъ Таганцева. Связанъ ли онъ былъ съ этимъ «дѣломъ», или его просто убили, пользуясь случаемъ, это остается тайной.

Въ спискахъ убитыхъ вмѣстѣ съ проф. Таганцевымъ значится и Бѣлостоцкій, Г. Л. Около его имени обозначено, что онъ юристъ. Тутъ же невѣрныя свѣдѣнія объ его годахъ. Вотъ и все, что оставили чекисты отъ этого талантливаго и благороднаго человѣка.

А между тѣмъ его жизнь, хотя и короткая, была яркой и содержательной жизнью. Ярка она была, можетъ быть, не столько событіями, сколько внутреннимъ содержаніемъ и тѣмъ, что одухотворяло ее. А этимъ одухотвореніемъ была горячая и неизмѣнная любовь къ людямъ.

Я лично зналъ Григорія Львовича и сохранилъ въ своей памяти обаяніе этой незаурядной личности.

Л. Г. родился въ 1882-мъ году въ Ташкентѣ. Первой воспитательницей и руководительницей его была его мать, женщина исключительной души и культуры. Среднее учебное заведеніе онъ проходилъ сначала въ Ташкентѣ, а кончилъ гимназію въ Курскѣ. Въ 1900-мъ году онъ поступилъ въ Харьковскій Университетъ. Тутъ начинается его общественная жизнь. Условія того времени опредѣлили судьбу живого и выдающагося по дарованіямъ юноши. Онъ предсѣдательствуетъ на студенческихъ сходкахъ, участвуетъ въ «студенческихъ безпорядкахъ». Въ результатѣ, его исключаютъ изъ Университета. Мало того, ему приходится отбывать тюремное заключеніе, и онъ попадаетъ въ Изюмскую тюрьму. Только послѣ перерыва онъ поступаетъ въ Кіевскій Университетъ, который и кончаетъ въ 1905-мъ году. Дальнѣйшую дорогу жизни выбирать не приходится. Дарованія уже опредѣлились. Его ораторскій талантъ былъ внѣ сомнѣнія, а душевное влеченіе призывало на защиту слабыхъ и угнетенныхъ. Это стремленіе не покидало его всю его жизнь. Выборъ былъ сдѣланъ безъ колебанія. Онъ избралъ дѣятельность адвоката, и вскорѣ зарекомендовалъ себя на этотъ поприщѣ, какъ вдумчивый и талантливый работникъ. Еще совсѣмъ молодымъ, онъ выступалъ въ нѣсколькихъ крестьянскихъ процессахъ. Въ свое время обратило на себя вниманіе его выступленіе въ качествѣ защитника по

дѣлу крестьянъ, обвинявшихся въ разгромѣ экономіи министра Стишинскаго.

Первая Государственная Дума поглощаетъ все его вниманіе и всѣ интересы. Онъ видитъ въ ней осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ и путь къ разрѣшенію самыхъ насущныхъ и самыхъ тревожныхъ для Россіи вопросовъ. Его желаніе пріобщиться къ работѣ перваго народнаго представительства настолько пылко и трогательно, его талантливость настолько свѣтится и искрится во всемъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, что безъ колебанія я сдѣлалъ все, что было нужно, чтобы принять его въ составъ Канцеляріи первой Государственной Думы. Ему была дана, какъ бы для испытанія, срочная работа по систематизаціи и подготовкѣ къ докладу обширнаго и страшнаго матеріала по знаменитому, печальной памяти, Бѣлостокскому погрому. Съ этой работой онъ справился блестяще. Она закрѣпила его положеніе около Думы. При Государственной Думѣ онъ оставался до 1913-го года, переживая всѣ надежды и разочарованія, связанныя съ дѣятельностью русскаго народнаго представительства за эти годы. Оставляя работу въ Государственной Думѣ, онъ говорилъ своимъ друзьямъ и близкимъ, что вернется въ Думу, но уже депутатомъ по спискамъ к.-д. партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Таковы были его мечты.

Въ январѣ 1914-го года онъ зачислился въ составъ петербургской адвокатуры. Его замѣтили. Ему предсказывали блестящее будущее. Тутъ съ особенной яркостью обнаружились его основныя черты и свойства. Разносторонне образованный, онъ завоевываетъ общія симпатіи, уваженіе и положеніе. Однако, онъ остается вѣрнымъ основнымъ принципамъ своей жизни. Исключительно благожелательный къ людямъ, безсребренникъ, онъ охотно шелъ на помощь туда, гдѣ онъ видѣлъ попранную справедливость, нарушенню правду и право.

Эти черты особенно ярко выявились послѣ большевицкаго переворота. Именно тутъ должны были проявиться подлинныя свойства человѣка. Тогда всѣ положительныя свойства человѣческой души подверглись же-

стокому испытанію. Г. Л. выдержалъ это испытаніе въ полной мѣрѣ.

Въ свое время онъ оказывалъ дѣятельную помощь тѣмъ, кого травили жандармы старой власти. Теперь, когда травимые раньше, стали владыками и насильниками, онъ сталъ на защиту гонимыхъ. Живя подъ вѣчной угрозой ареста и разстрѣла, пренебрегая опасностью, онъ постоянно за кого-то хлопоталъ, кому-то помогалъ скрыться, бѣжать, спасаться отъ неминуемой гибели... Многіе, многіе въ эти страшные годы находили убѣжище и отдыхъ у Г. Л., въ его радушной, ласковой семьѣ. Лично мнѣ, въ трудные для меня дни, пришлось воспользоваться у него убѣжищемъ и пріютомъ, когда за мной уже слѣдили по пятамъ.

Сознавая отлично весь рискъ своего положенія, Г. Л., несмотря на уговоры и мольбы близкихъ, отказался покинуть Россію. Сильно исхудавшій, изможденный, съ горящими глазами, онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что его мѣсто въ Россіи и что поэтому онъ не имѣетъ права покинуть своего поста.

А сколькимъ онъ помогъ, сколькихъ спасъ, оставаясь на этомъ посту!.. Самъ же погибъ на немъ, вѣрный правдѣ своей жизни.

10-го августа 1921-го года Григорій Львовичъ былъ арестованъ. Его обвинили въ принадлежности къ боевой контръ-революціонной организаціи. А 24-го августа того же года онъ былъ разстрѣлянъ въ числѣ 168 другихъ, во главѣ съ проф. Таганцевымъ.

Н. Астровъ

АЛЕКСѢЙ КУЗЬМИЧЪ ДРОЗДОВЪ

Среди безчисленныхъ жертвъ краснаго террора пало много дѣятелей русскаго суда. Расправа съ ними была въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣломъ чистой мести. Погибшіе судьи и прокуроры не были ни политическими

борцами, ни воинами противобольшевицкой арміи. Восторжествовавшій режимъ просто сводилъ съ ними счеты, какъ съ представителями ненавистнаго ему «буржуазнаго» суда.

Такой жертвой палъ и членъ Симферепольскаго окружнаго суда, Алексѣй Кузьмичъ Дроздовъ. Вмѣстѣ съ нимъ погибли еще два члена суда — Д. Е. Гинковъ и Д. П. Ляхницкій, пользовавшіеся, какъ и А. К. Дроздовъ, вполнѣ заслуженной репутаціей лучшихъ судей въ Симферополѣ.

Дѣятельность покойнаго, какъ судьи, а впослѣдствіи и какъ гласнаго городской думы, я наблюдалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Случалось мнѣ вести съ нимъ въ 1917-мъ году и въ годы гражданской войны разговоры и на общія темы. О его личной, довольно тяжелой, жизни (у него была большая семья и психически-больная жена, онъ постоянно сильно нуждался), зналъ только по наслышкѣ.

Внѣшне — это былъ человѣкъ большого роста, очень привлекательной наружности, всегда радушный и доступный. Онъ почти всю свою судебную карьеру продѣлалъ, какъ криминалистъ, начавъ ее въ Кіевѣ съ должности секретаря судебнаго слѣдователя, и окончилъ членомъ суда по уголовному отдѣленію, сначала въ Екатеринодарѣ (1912-1914 г.г.), потомъ въ Симферополѣ (1914 г.), и только въ годы гражданской войны, чуть ли не въ 1920 году, перешелъ въ гражданское отдѣленіе. Прекрасный криминалистъ, онъ былъ отличнымъ судьей, выдѣлявшимся своей строго подчеркнутой безпристрастностью.

Въ молодые годы, въ бытность студентомъ Кіевскаго Университета, А. К. принималъ участіе въ революціонномъ движеніи, примыкая къ соц.-демократамъ. Въ Симферополѣ я встрѣтился съ нимъ уже, какъ съ членомъ партіи Народной Свободы, къ которой онъ примкнулъ, примѣрно, въ 1912-мъ году. Политическая и общественная дѣятельность не была его сферой. Но общественно-политическіе вопросы тѣмъ не менѣе его глубоко захватывали. Въ 1917-мъ году онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто глу-

боко и искренне сочувствовалъ и желалъ побѣды революціи, не только не чая себѣ отъ этого какихъ-либо выгодъ, но сознательно принося жертвы во имя торжества свободы. Когда весной 1917-го года въ Симферопольскомъ окружномъ судѣ было составлено, по инициативѣ члена суда Д. Е. Гинкова, обращеніе къ министру юстиціи Керенскому, съ протестомъ противъ проектировавшагося послѣднимъ повышенія оклада служащимъ судебнаго вѣдомства, однимъ изъ первыхъ, подписавшихъ его, былъ Дроздовъ. А въ это время дороговизна уже очень сильно давала себя чувствовать чиновникамъ. Я бесѣдовалъ съ Дроздовымъ на эту тему и, помню, меня поразила его по юношески горячая убѣжденность въ необходимости общей жертвенности. Съ горячимъ сочувствіемъ онъ относился и къ борьбѣ противъ большевиковъ, выражая сожалѣніе, что не можетъ принять въ ней активнаго участія.

Послѣ окончательнаго занятія Крыма, въ ноябрѣ 1920-го года, большевики вспомнили о А. К. не сразу. Ему удалось даже устроиться на службу въ «Собес» (соціальное обезпеченіе). Но уже въ концѣ февраля 1921-го года онъ былъ арестованъ. Ему предъявили обвиненіе въ предсѣдательствованіи на судебномъ процессѣ по громкому дѣлу такъ называемыхъ евпаторійскихъ каменоломень. Обвинялась шайка бандитовъ, забаррикадировавшихся въ каменоломняхъ и оказавшая вооруженное сопротивленіе властямъ. Теперь, не то среди бандитовъ оказались большевики, не то нѣкоторые изъ бандитовъ сдѣлались большевиками. Такъ или иначе, бывшіе подсудимые мстили бывшему судьѣ. Судьба А. К. была рѣшена. 9-го марта 1921-го года онъ былъ разстрѣлянъ...

П. Б.

VI. Кн. Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ Кн. П. Д. ДОЛГОРУКОВА

Въ настоящемъ Сборникѣ нѣтъ мѣста сколько нибудь подробнымъ біографіямъ. На этихъ страницахъ дѣлаются попытки возстановить образы людей, погибшихъ въ годы революціи, не согнувшихся, не измѣнившихся, оставшихся вѣрными правдѣ своей жизни и Россіи.

Трагическая смерть князя Павла Долгорукова потрясла всѣхъ. Какъ ни притупились нервы, какъ ни привыкли люди къ кровожадному быту, создаваемому въ Россіи «диктатурой», утверждающей свою власть насиліемъ и терроромъ, убійство кн. Долгорукова и 19-ти съ нимъ — всколыхнуло общее негодованіе. Органы печати русской и иностранной страстнымъ негодованіемъ отозвались на это убійство-преступленіе. Со всѣхъ концовъ міра, изъ всѣхъ странъ, гдѣ пребываютъ русскіе люди, отъ друзей и единомышленниковъ покойнаго, отъ противниковъ и инакомыслящихъ, понеслись отклики безпредѣльнаго возмущенія передъ постыдными казнями, творимыми въ Россіи. Въ этихъ письмахъ-откликахъ каждый старался отмѣтить черты кн. Павла Дмитріевича, которыя ему казались наиболѣе характерными и значительными, старался припомнить событія и факты, въ которыхъ наи-

болѣе ярко отражалась личность покойнаго. Эти отклики на мученическую смерть кн. Павла Долгорукова, а также его собственныя письма, газетныя статьи и его интересныя, еще не изданныя, воспоминанія послѣднихъ лѣтъ даютъ обильный матеріалъ для возстановленія его образа и, можетъ быть, для пониманія смысла жизни и смерти этого своеобразнаго, исключительно цѣльнаго русскаго человѣка, для котораго жизнь внѣ русской земли оказалась хуже смерти. . .

Названные матеріалы легли въ основаніе этой статьи о князѣ Павлѣ Долгоруковѣ. Она является, такимъ образомъ, какъ бы коллективнымъ откликомъ людей, которымъ дорогъ образъ почившаго и которые преклоняются передъ его мученичествомъ и смертью. На нихъ онъ шелъ «просто и спокойно, какъ на исполненіе простого необходимаго очередного дѣла».

Жизненный путь кн. Павла Долгорукова былъ ярокъ и типиченъ для своей эпохи.

Князь Павелъ Долгоруковъ родился въ 1866-мъ году. Его дѣтскіе годы протекли въ старо-дворянской именитой семьѣ князей Долгоруковыхъ. И внутренній укладъ древняго рода, и внѣшняя обстановка всей жизни подготовили изъ него типичнаго русскаго барина-аристократа, передъ которымъ открывалась богатая, полная довольства и успѣха жизненная карьера. Роскошная подмосковная «Волынщина» въ Рузскомъ уѣздѣ, съ живо сохранившимися слѣдами пышнаго вѣка Екатерины, съ чугунными пушками — свидѣтелями покоренія Крыма, домъ-дворецъ въ Москвѣ, на Колымажномъ дворѣ, близъ Храма Христа Спасителя, въ глубинѣ старой усадьбы, съ вѣковымъ садомъ и столѣтними развѣсистыми дубами, — въ этой обстановкѣ протекали дѣтскіе и юношескіе годы князя. Съ этой же обстановкой связана неразрывно и вся его послѣдующая жизнь, вплоть до того, когда, въ 1918 году, ему пришлось уйти изъ родного дома, самовольно занятаго сначала какой-то броневой командой, потомъ

матросами «Морского Министерства» и, наконецъ, институтомъ имени Карла Маркса и Энгельса.

Его общественная работа началась вслѣдъ за окончанiемъ Московскаго Университета по физико-математическому факультету. Это была работа въ земствѣ, которая въ ходѣ сложнаго процесса, совершавшагося въ русской жизни на рубежѣ двухъ столѣтiй, принимала временами все болѣе политическiй характеръ. . .

Въ началѣ столѣтiя въ особнякѣ Долгоруковыхъ начали собираться люди разныхъ званiй и состоянiй, разныхъ профессiй. Кругъ интересовъ князя все расширялся. Онъ сближается съ учительской средой и оказываетъ большую услугу дѣлу объединенiя русскаго учительства. Въ домѣ Долгоруковыхъ происходятъ, называвшiяся въ свое время, «Долгоруковскiя бесѣды». Тутъ собирались и сюда съѣзжались со всѣхъ концовъ Россiи люди, которыхъ объединяли общественно-политическiе интересы. Тутъ велись разговоры, обсуждались планы созданiя политическихъ объединенiй.

Къ этому времени кн. Долгоруковъ уже сдѣлалъ свой выборъ, сдѣлалъ безъ колебанiй и шатанiй, сдѣлалъ окончательно. Онъ опредѣлилъ свое мѣсто въ русской жизни. Онъ избралъ себѣ общественную дѣятельность.

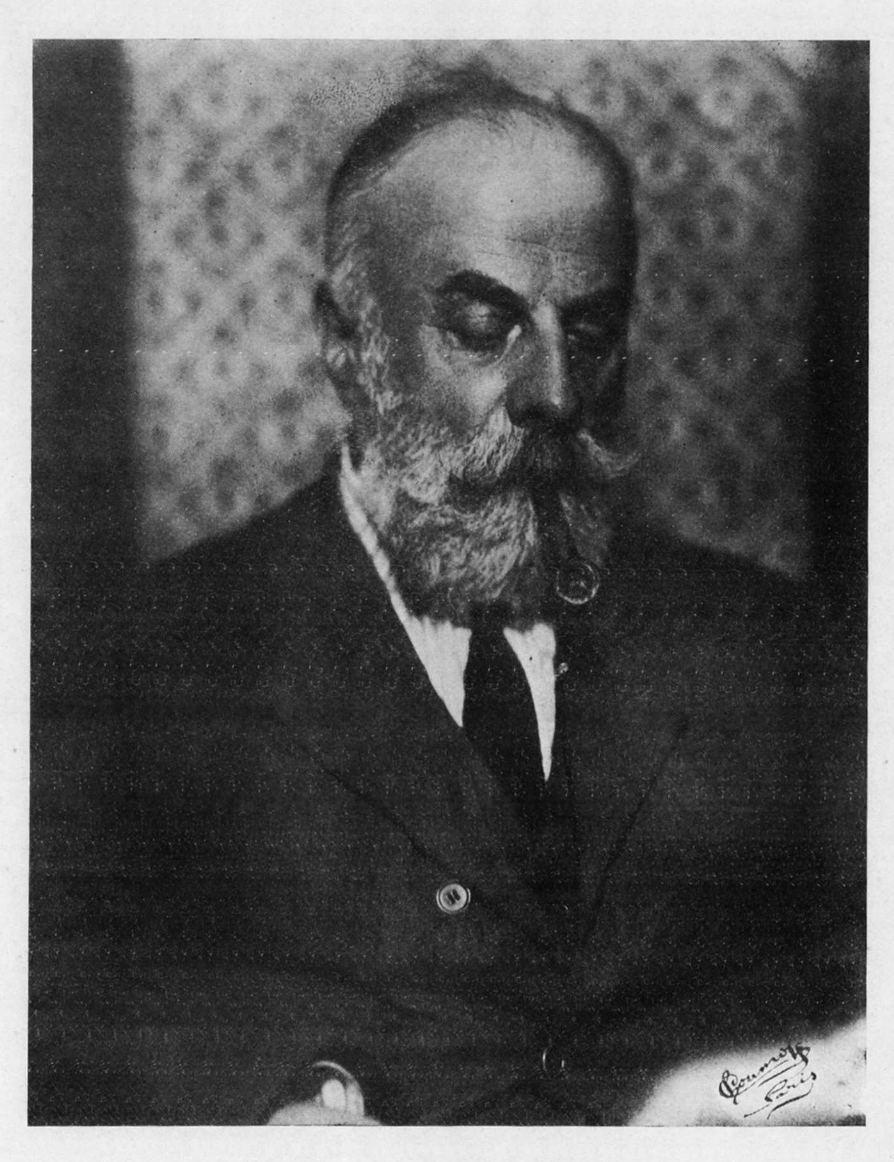
Характеризуя эту дѣятельность, кн. В. А. Оболенскiй въ своей статьѣ-некрологѣ въ «Послѣднихъ Новостяхъ» отмѣчаетъ, что кн. Долгоруковъ принадлежалъ къ общественнымъ дѣятелямъ, типъ которыхъ существовалъ только въ Россiи и не повторялся ни въ одной изъ другихъ странъ. Типъ этотъ создался въ Россiи въ теченiе послѣднихъ 60-ти лѣтъ. Жизнь общественныхъ дѣятелей, къ числу которыхъ принадлежалъ и кн. Павелъ Дмитрiевичъ, проходила не столько въ службѣ и работѣ, сколько въ служенiи и подвигѣ. У этихъ людей не было спецiальности, ихъ отличала широта культурныхъ взглядовъ, готовность служить общему благу, жертвенный порывъ отдачи себя на служенiе народу. Князь П. Д., — продолжаетъ Оболенскiй, — былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей этой эпохи, но почти не оставилъ слѣдовъ сво-

ей работы... Секретъ его популярности и крупной его роли — въ его моральной личности, въ томъ главномъ, что отличало крупного общественнаго дѣятеля отъ людей, можетъ быть, болѣе умныхъ и болѣе талантливыхъ. Волевой и упорный, онъ съ необычайной стойкостью защищалъ свои взгляды и послѣднiй уходилъ съ проигранныхъ позицiй. Суровая, строгая внѣшность соединялась съ мягкой, почти дѣтской душой. Вѣра въ правоту дѣла была въ немъ неразрывно связана съ вѣрой въ побѣду этого дѣла.

Къ этой характеристикѣ слѣдуетъ прибавить еще и черты, отмѣченныя другимъ лицомъ, съ дѣтства знавшимъ кн. Долгорукова. «Въ немъ ни тѣни не было княжеской спеси, — говоритъ въ «Возрожденiи» Н. Н. Львовъ. — У него была та простота, та близость къ народу, какая была у Толстого. Ничего дѣланнаго, выдуманнаго, никакой позы въ немъ не было... Онъ былъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ демократомъ. Въ немъ не было никакого тщеславiя, желанiя выдвинуться, покрасоваться. Онъ не искалъ для себя ни почестей, ни отличiй. Въ общественной дѣятельности онъ не добивался первой роли. Онъ выполнялъ свой долгъ упорно и настойчиво, какъ бы ни казался онъ незначительнымъ. Либералъ по убѣжденiю, онъ не былъ человѣкомъ громкой фразы, не былъ хрупкимъ идеалистомъ. Онъ умѣлъ отстаивать свои убѣжденiя и бороться за нихъ. Это идеалистъ съ изумительной стойкостью въ борьбѣ... Но, прежде всего, онъ былъ русскiй. Его любовь къ Россiи, ко всему родному глубоко заложена въ скрытыхъ корняхъ всего его существа. Онъ былъ спокоенъ и мужествененъ. И эти моральныя свойства его возвышались до подлиннаго героизма»...

Въ этихъ чертахъ проявлялось все духовное существо кн. Долгорукова. Эти черты характерны были для всей его жизни, и особенно ярко обнаруживались во всѣ наиболѣе отвѣтственные моменты этой жизни. Онѣ обнаружились во всей полнотѣ и красотѣ въ годы русской разрухи, въ годы испытанiй, когда все надуманное, искусственное, внѣшнее исчезало, когда человѣкъ, можетъ

Фот. П. Шумова

Кн. П. Д. ДОЛГОРУКОВЪ
1866 — 1927.

быть, невольно для себя, становился такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, безъ прикрасъ и обмана. Эти черты во всемъ величіи запечатлѣлись смертью кн. Павла Долгорукова.

Отказавшись отъ почестей, карьеры и положенія, которыя сулили ему его сословіе и богатство, этотъ аристократъ по рожденію и богатѣйшій человѣкъ оказался въ нелегальной организаціи («Союзъ Освобожденія»), намѣчавшей цѣлую систему мѣропріятій, направленныхъ противъ строя, защищавшаго привиллегіи сословія и класса, съ которымъ кровью и имущественно былъ связанъ князь. Съ этихъ поръ кн. Долгоруковъ весь, съ головой, ушелъ въ политическое движеніе. Задачей этого движенія было не стремленіе къ утопическимъ фантазіямъ, требовавшимъ для своего воплощенія революціонныхъ потрясеній, а осуществленіе конституціоннаго строя въ Россіи на демократическихъ началахъ.

Примкнувъ къ освободительному движенію, кн. Долгоруковъ принимаетъ самое живое участіе въ земскихъ и земско-городскихъ съѣздахъ 1904-1905 г.г., участіе замѣтное, отмѣченное избраніемъ его въ составъ делегаціи кн. С. Н. Трубецкого. Далѣе его участіе въ созданіи партіи Народной Свободы, избраніе его первымъ предсѣдателемъ ея ЦК., его кандидатура отъ города Москвы въ первую Государственную Думу и избраніе депутатомъ отъ Москвы во вторую Государственную Думу.

Въ этомъ движеніи намѣчались пути для устроенія русской жизни на новыхъ началахъ. Это движеніе боролось одновременно и съ реакціей и съ революціей. Наряду съ этимъ, кн. Долгоруковъ былъ убѣжденный и страстный противникъ смертной казни и увлеченный пацифистъ, исключавшій насиліе, какъ въ разрѣшеніи вопросовъ внутреннихъ въ государствѣ, такъ и вопросовъ внѣшнихъ отношеній между государствами. Какъ много испытаній суждено было вынести этому міровоззрѣнію въ послѣдующіе годы, когда разразилась русская катастрофа!..

Въ своихъ воспоминаніяхъ «Великая разруха» кн. Павелъ Долгоруковъ самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ прошелъ свой послѣдній путь въ годы русской катастрофы. Эти записки, законченныя лѣтомъ 1926-го года, т. е. за годъ до его насильственной смерти, подкрѣпленныя цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ людей, видѣвшихъ этотъ послѣдній этапъ жизни кн. Павла Дмитріевича, съ новой силой и убѣдительностью показываютъ, какъ, подъ вліяніемъ русской катастрофы, въ немъ крѣпли и съ новой силой выявлялись основныя черты и свойства его духа, съ какой силой въ немъ сказалась беззавѣтная преданность Россіи, вѣрность ей и неотрывность отъ нея... и какъ, въ испытаніяхъ и невзгодахъ, выросъ онъ духовно и нравственно.

Его воспоминанія, его письма и статьи полны характерныхъ для него выраженій и любимыхъ имъ «словечекъ», иногда съ поразительной мѣткостью и точностью опредѣляющихъ, какъ общее положеніе вещей, такъ и его собственное мѣсто среди этихъ вещей, сдвинутыхъ съ мѣста и перевернутыхъ вверхъ дномъ. Во всѣхъ случаяхъ жизни, иногда самыхъ трагическихъ, его не оставляетъ легкая, скользящая шутка, благодушный, никого не задѣвающій юморъ. Эти черты характеризуютъ его писанія въ такой же мѣрѣ, какъ онѣ проявлялись и въ его жизни.

Свое мѣсто въ совершавшихся событіяхъ онъ видѣлъ тамъ, гдѣ происходило наибольшее напряженіе, гдѣ нужно было дѣйствіе. Такъ было всегда, когда въ Россіи случалась какая нибудь общенародная бѣда. Такъ, онъ участвовалъ въ общественной помощи во время голода 1891 года. Во время русско-японской войны онъ — уполномоченный пяти передовыхъ отрядовъ московскаго земства. Въ 1915-мъ году онъ, во главѣ передового отряда Всероссійскаго Союза Городовъ въ Галиціи, цѣлую зиму работаетъ въ Тарновѣ, на Дунайцѣ, подъ обстрѣломъ тяже-

лыхъ нѣмецкихъ орудій, работаетъ подъ ураганнымъ огнемъ на Карпатахъ, въ Горлицѣ...

А когда пала царская власть и старое Русское государство подъ ударами внутренней смуты и подъ напоромъ центробѣжныхъ силъ стало распадаться и утрачивать свое единство, кн. Павелъ Долгоруковъ, оставаясь по прежнему вѣрнымъ своимъ идеаламъ, быстро и безъ колебаній опредѣлилъ свое положеніе и свое мѣсто среди новыхъ условій русской катастрофы.

Онъ принялъ русскую катастрофу съ какой-то «мужицкой силой и простотой», какъ мѣтко было опредѣлено это пріятіе въ одномъ изъ откликовъ на его смерть.

Свое отношеніе къ начавшемуся всеобщему распаду онъ быстро формулировалъ, и съ этой формулой сталъ обходить митинги въ столицахъ и солдатскія собранія на фронтѣ. Эта формула гласила: твердая власть! недопустимость раздвоенія власти!

Въ апрѣлѣ 1917-го года онъ уже на фронтѣ, въ качествѣ делегата Думской Комиссіи, среди начавшихъ разлагаться воинскихъ частей. За 18 дней пребыванія на фронтѣ онъ посѣтилъ 33 части, въ которыхъ произносилъ рѣчи, велъ бесѣды. Свои впечатлѣнія о фронтѣ онъ кратко формулировалъ такъ: необходимо возстановленіе авторитета власти и офицерства! Необходимо устраненіе двоевластія!

Въ дни борьбы за Москву онъ все время въ главномъ штабѣ сопротивленія и борьбы — въ Александровскомъ военномъ училищѣ, среди юнкеровъ и офицеровъ.

Въ организаціи дальнѣйшей борьбы онъ твердо укрѣпился въ идеѣ концентраціи сильной власти, которая должна быть поддержана всей русской общественностью, а эта послѣдняя, по его убѣжденію, должна была слиться въ широкое, надпартійное, національное объединеніе, слѣва направо и справа налѣво. Только сильная власть, только возстановленная русская армія, поддержанная всей русской общественностью, въ готовности самоотверженнаго и жертвеннаго подвига, — могутъ одолѣть въ Россіи власть 3-го интернаціонала и возстановить русскую

государственность въ ея величіи и силѣ. Эта идея руководила имъ въ его словахъ, писаніяхъ и въ дѣйствіяхъ во весь періодъ гражданской войны. А самъ онъ давалъ яркій образецъ рыцарской вѣрности въ служеніи этой идеѣ, примѣръ самоотреченія во имя той же идеи, примѣръ полнаго пренебреженія къ своимъ личнымъ выгодамъ и интересамъ. Его слова не расходились съ его дѣломъ!..

Онъ зналъ, что съ пассивнымъ, спекулирующимъ тыломъ, съ еврейскими погромами въ тылу, Добровольческая Армія, при всей ея доблести, воевать не можетъ. И онъ страстно, не покладая рукъ, работалъ надъ поднятіемъ настроенія тыла Добровольческой Арміи. Будучи ея вѣрнымъ рыцаремъ, онъ безъ колебаній отмѣчалъ въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ, что «герои на фронтѣ были часто отвратительны въ тылу».

Онъ призывалъ русскихъ людей поддержать русскую армію въ трагическія для нея минуты. Онъ обличалъ панику тыла, охватившую всѣхъ въ Новороссійскѣ эвакуаціонную лихорадку, упрекалъ людей, садившихся на пароходы, въ гражданскомъ дезертирствѣ, писалъ горячія статьи, произносилъ рѣчи, призывая «не терять сердца!». Убѣждая другихъ не покидать родную землю, выслушивая полунасмѣшливое, полугорестное замѣчаніе по своему адресу: «Донъ-Кихотъ!» — онъ такъ и остался одинъ среди покинутаго всѣми Новороссійска. Французы увезли его на борту броненосца «Вальдекъ-Руссо» въ Феодосію.

Не закрывая глазъ на недостатки, ошибки и неудачи лицъ, продолжавшихъ дальнѣйшую борьбу въ Крыму, слегка иронизируя надъ тѣмъ, какъ «правыя руки» портили «лѣвую политику», онъ все же оставался вѣрнымъ принятому рѣшенію «поддерживать армію, какъ политическую и національную силу, армію, какъ символъ борьбы съ большевиками». Такое же отношеніе къ арміи онъ упорно сохранялъ и въ эмиграціи, несмотря на совершенно измѣнившуюся обстановку. «Общественность не дол-

жна оставлять армiи!». Это были его постоянныя слова, которыя онъ не уставалъ повторять вездѣ и всегда.

Но вотъ, послѣ томительныхъ лѣтъ пребыванiя въ бѣженствѣ, онъ убѣждается, что «на разговорахъ объ объединенiяхъ далеко не уѣдешь». «Хотя, съ 1918-го года — пишетъ Долгоруковъ — я только и дѣлалъ, что призывалъ къ объединенiю, однако, разобщенность эмиграцiи съ Россiей, даже противобольшевицкой, все растетъ. Намъ необходимо знать подлинное положенiе и настроенiя въ Россiи».

Съ этого времени у него все больше и упорнѣе крѣпнетъ мысль о необходимости самому проникнуть въ Россiю, прикоснуться къ русской землѣ. Онъ ищетъ средствъ для совершенiя задуманнаго рискованнаго путешествiя. Но «обывательщина, отсутствiе жертвенной готовности служить общему дѣлу, пассивный патрiотизмъ», которые онъ встрѣчаетъ повсюду, мало утѣшаютъ его. «Гражданъ мало — все обыватели, занятые своими личными интересами». «Сестрочеховская тоска по Москвѣ безъ гражданской доблести» — отмѣчаетъ онъ въ своихъ записяхъ.

Тѣмъ не менѣе мысль и воля крѣпнутъ. Онъ говоритъ: «Многiе отправлялись въ Россiю, нѣкоторыхъ побуждалъ на это и я. Подбивать на дѣло, сопряженное со смертельнымъ рискомъ, имѣетъ право лишь тотъ, кто и самъ въ нужный моментъ готовъ подвергнуться риску...» И, какъ бы покоряя въ себѣ послѣднее колебанiе, онъ говоритъ: «Въ 1917-мъ и 18-мъ годахъ я былъ уже нѣсколько разъ на волосокъ отъ смерти!..»

Такъ слагалось и укрѣплялось его рѣшенiе проникнуть на родную землю.

Его друзья, которымъ онъ повѣдалъ о своемъ намѣренiи, уговаривали, умоляли его не дѣлать безумнаго шага, не пытаться осуществить наивный планъ, обреченный на неудачу... Тщетно! Онъ оставался непреклоннымъ. И отвѣтъ его былъ все тотъ же:

— Тотъ, кто посылаетъ людей на смерть, долженъ и самъ показать примѣръ... Къ тому же я одинокъ, уже старъ. Надо показать примѣръ молодымъ.

Походъ его въ Россію въ 1924-мъ году не удался. Его задержали почти точасъ послѣ перехода имъ границы. Но онъ счастливо избѣгъ гибели. Его не узнали, и вернули назадъ въ Польшу.

Вернувшись, онъ говорилъ, что неудача перваго раза не остановитъ его и онъ снова повторитъ свой походъ въ другомъ мѣстѣ. «О засыпкѣ рва между нами и большевиками — говорилъ онъ — не можетъ быть и рѣчи, слишкомъ велико этико-политическое различіе. Но перепрыгивать черезъ ровъ слѣдуетъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ рискомъ сломить себѣ шею»...

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить одну особенную черту и свойство духа кн. Павла Дмитріевича Долгорукова. Это изумительное безстрашіе. Чувство страха, какъ будто, вовсе не знакомо ему. Онъ самъ говоритъ: «Чѣмъ больше мнѣ угрожала опасность, тѣмъ болѣе я былъ хладнокровенъ». У него, вмѣсто страха, было, скорѣе, какъ бы недоумѣніе, а потомъ какое-то своеобразное любопытство — узнать все, все видѣть самому, все самому испытать, ко всему прикоснуться... И это былъ не надуманный пріемъ, не искусственная тактика, даже не дисциплина духа и воли, а самое подлинное существо его натуры.

Разсказывая о своемъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, онъ говоритъ: «Когда за мной захлопнулась дверь камеры № 72, я былъ скорѣе озадаченъ всѣмъ происшедшимъ въ сегодняшній день. [1]). Неприкосновенность личности, «вся власть Учредительному Собранію», «врагъ народа» и камера № 72. Я какъ то старался выдавить въ себѣ ужасъ, но ничего не ощущалъ. Было только возмущеніе беззаконнымъ арестомъ моей «неприкосновенной» особы и наивно грубой мотивировкой его».

Выпущенный изъ крѣпости, онъ пошелъ по улицамъ Петербурга и на уличныхъ митингахъ громилъ большеви-

[1]) День, 28-го ноября 1917-го года, назначенный для открытія Учредительнаго Собранія. Въ утро этого дня кн. Долгоруковъ былъ арестованъ большевиками, когда пришелъ въ домъ гр. С. В. Паниной.

ковъ, весьма мало заботясь о своей неприкосновенности и безопасности.

Въ другой разъ, вскорѣ послѣ разгрома к.-д. клуба въ Москвѣ и послѣ ареста громаднаго количества московскихъ к.-д., кн. Павелъ Дмитріевичъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ и отвагой проникъ въ самую пасть ЧК на Лубянкѣ, ходилъ по корридорамъ этого учрежденія, заглядывалъ въ камеры арестованныхъ, разыскивая своихъ друзей. Только чудомъ и благодаря тому же хладнокровію ему удалось благополучно выйти изъ этого звѣринаго логова.

Отсутствіе страха было нераздѣльно съ его благодушнымъ юморомъ и къ себѣ и къ окружающему. Однажды, уже въ пору, когда и ему приходилось скрываться въ Москвѣ, проходившій по бульвару знакомый съ изумленіемъ увидѣлъ кн. Долгорукова спокойно сидящимъ на скамьѣ съ газетой въ рукахъ.

— Что вы дѣлаете, князь? Почему вы не скрываетесь?! Вѣдь вамъ угрожаетъ опасность!..

— Развѣ вы не видите, я скрываюсь за газетой — послѣдовалъ благодушный отвѣтъ Павла Дмитріевича.

Уступая, наконецъ, настоянію друзей, и согласившись «законспирироваться», онъ, къ ужасу своихъ пріятелей, въ мѣстѣ скопленія самаго разнообразнаго люда громко заявлялъ по телефону своимъ знакомымъ, что теперь онъ больше не князь Долгоруковъ, а Зайцевъ, и что больше не живетъ въ своемъ домѣ, а поселился тамъ-то. Все это дѣлалось съ величайшимъ благодушіемъ и полнымъ презрѣніемъ къ опасности.

Отвага, безстрашіе, благодушіе, юморъ при нѣсколько какъ бы суровой внѣшности, цѣльность, прямота, не вѣдающая лукавства и фальши — вотъ черты, характерныя для князя Павла Долгорукова. Какъ внѣшне его нельзя было не примѣтить даже среди толпы, такъ и внутренне, въ суматохѣ событій и человѣческой толчеѣ, онъ оставался всегда самимъ собой, непохожій на другихъ, не поддающійся вліянію и воздѣйствію людей и обстановки.

Записи, письма, рѣчи кн. Павла Долгорукова пестрятъ афоризмами и «словечками», которыми онъ отмѣчаетъ перипетіи процесса русской революціи и борьбы.

Онъ негодуетъ на соглашательство и попустительство со стороны интеллигенціи, которая этимъ образомъ дѣйствія ослабляетъ власть и дѣйствуетъ въ пользу тѣхъ, кто стремится вырвать эту власть. Въ другой разъ онъ протестуетъ противъ доктринерства, требующаго защиты завоеваній революціи въ условіяхъ разгорѣвшейся войны. Онъ часто возвращается къ любимой своей метафорѣ, опредѣлявшей для него настроенія новыхъ дѣятелей революціи: «Какъ младенцы, лишенные еще зрительной перспективы, одинаково простираютъ руки къ близкимъ и отдалнным предметамъ, такъ и политическіе младенцы хватаются и за ближайшія, и за отдаленныя задачи, ссорятся изъ за нихъ, а потому ничго не ухватываютъ, упуская ближайшія задачи». Неоднократно онъ возвращается къ своей постоянной мысли, основанной на наблюденіи, что каждый красноармеецъ въ отдѣльности «хорошій парень», что только въ толпѣ, натравленные начальствомъ, они становятся дикими звѣрями. Набрасываетъ жуткій силуэтъ красноармейца «Сережки». Это дитя революціи. Онъ попалъ въ красноармейскую среду 9-лѣтнимъ ребенкомъ. «Изъ него могъ бы выйти хорошій русскій парень. Отвратительный, бѣдный Сережка!» — заканчиваетъ онъ свой разсказъ о своемъ стражѣ. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о чрезмѣрномъ апломбѣ красноармейцевъ, объ ихъ самоувѣренности, о готовыхъ формулахъ мышленія, которыми они пользуются безъ умѣнія мыслить, кн. Долгоруковъ говоритъ: «Онъ такой же русскій человѣкъ, какъ и я. При другихъ условіяхъ, безъ разжиганія въ немъ классовой розни и злобы, на которой ничего нельзя создать, мы съ нимъ оба могли бы быть равноправными русскими гражданами». Въ своемъ послѣднемъ письмѣ изъ Харьковской тюрьмы онъ отмѣчаетъ: «Со мной, какъ старикомъ, надзиратели даже иногда трогательно внимательны. Съ нѣкоторыми изъ нихъ готовъ былъ бы прямо подружиться при другихъ обстоятельствахъ, такіе славные парни».

Нужно отмѣтить еще одну черту, которая неизмѣнно обнаруживалась въ его жизни и часто проглядываетъ и въ его писаніяхъ, — это нѣжное, трогательно-любовное отношеніе къ русской природѣ. Онъ восхищается красотой украинскаго пейзажа, онъ очарованъ милымъ Екатеринодаромъ съ его особнячками, потонувшими въ цвѣтущихъ садахъ, наслаждается видомъ, открывающимся съ террасы, и восклицаетъ:

— Совсѣмъ, какъ у насъ! Какая красота!

Очарованъ ночью Свѣтлой заутрени. Припадаетъ къ родной землѣ, цѣлуетъ ее, твердитъ строки изъ Іоанна Дамаскина при созерцаніи русской природы. . .

Возвращеніе въ Парижъ, послѣ неудачнаго похода въ Россію, не измѣнило настроеній Павла Дмитріевича.

— А парижская общественность все объединяется и возглавляетъ. . . желаетъ создать диктатора въ безвоздушномъ пространствѣ эмиграціи.

Въ Парижѣ онъ поселился на 7-мъ этажѣ, въ холодной мансардѣ съ крутой черной лѣстницей, совершенно темной. Тутъ ютится парижская бѣднота.

«Отвѣчая одному изъ немногихъ моихъ пріятелей, рискнувшихъ подняться ко мнѣ, — отмѣчаетъ кн. Долгоруковъ въ своихъ записяхъ, — указывая на чудный видъ на Тріумфальную арку, я сказалъ, что въ бѣженствѣ я поднимаюсь все выше и выше, а не опускаюсь».

Эти слова, сказанныя съ обычной шутливостью, имѣютъ глубокій смыслъ и символическое значеніе.

Это было его послѣднее пребываніе въ любимомъ имъ Парижѣ.

Далѣе слѣдовало приготовленіе къ новому походу на родину, новое паломничество на родную землю, окончившееся для него мученической смертью.

Опять, какъ тать, пробирается онъ на родину. Идти ночью по крутому, оползающему послѣ ливней берегу Днѣстра, —мучительно. Старикъ выбивается изъ силъ. Старается не шумѣть. Но камни катятся изъ подъ ногъ.

Справа круча. По разсчету, внизу, у берега, постъ пограничника. Идущій впереди умоляетъ не дышать такъ громко. А у него клокочетъ въ груди. Съ трудомъ удерживается отъ кашля. Даже уткнуться въ землю, какъ въ Польшѣ, для кашля здѣсь негдѣ, все камни...

Что же побудило князя Павла Долгорукова вернуться на родную землю?

Конечно, не то, что обозначено въ безстыдномъ сообщеніи ГПУ отъ 9-го іюля 1927-го года. Никакихъ цѣлей «организаціи контръ-революціонныхъ, монархическихъ и шпіонскихъ группъ для подготовки иностранной интервенціи» у него не было. Разстрѣлъ «20 свѣтлѣйшихъ» это вовсе не «необходимая мѣра самообороны революціи», какъ пытались оправдаться передъ европейскимъ пролетаріатомъ кремлевскіе палачи. Это самое обычное преступленіе совѣтской власти — трусливой и кровожадной.

Князь Долгоруковъ самъ писалъ и говорилъ, для чего онъ стремился въ Россію. Онъ говорилъ, что необходимо личное общеніе эмиграціи съ Россіей, что эмиграція теряетъ связь съ Россіей, что нужно самимъ русскимъ людямъ вглядѣться въ то, что тамъ происходитъ, и понять происходящее. Ему нужно было лично, своими глазами увидѣть, что творится въ Россіи, и на опытѣ провѣрить свои представленія о томъ, что ей нужно...

Но, главное, неодолимое, что выше и сильнѣе доводовъ разума, разсужденій и разсчетовъ — это было влеченіе его духа, его сердца. Это была безмѣрная любовь къ Россіи, любовь, что сильнѣе смерти!

«Лучше умереть у себя на родинѣ, чѣмъ прозябать въ изгнаніи»...

Этимъ опредѣлялось его неудержимое стремленіе на родную землю.

«Всѣ его мысли и сердце его были всецѣло обращены къ Россіи, — пишетъ кн. Г. Н. Трубецкой, откликаясь на кончину кн. Павла Долгорукова, — и уходъ его изъ

обстановки безопаснаго, но безплоднаго бѣженства напоминаетъ уходъ Толстого, закончившій такъ логично его жизнь».

Это сопоставленіе съ Толстымъ — не случайно. Оно многимъ приходило на мысль.

А дочь великаго русскаго писателя, Т. Л. Сухотина-Толстая по поводу убійства кн. Долгорукова пишетъ:

«Теперь отецъ, несомнѣнно, сталъ бы рядомъ у стѣнки, локоть о локоть со старымъ княземъ Павломъ Дмитріевичемъ, нашимъ старымъ другомъ».

Страхъ смерти не остановилъ его, хотя онъ зналъ, на что идетъ. Уходя въ Россію, онъ дѣлалъ распоряженія на случай смерти. Изъ Харьковской тюрьмы онъ писалъ:

«Я совершенно спокоенъ и бодръ. Вѣдь я шелъ на это, сознавая, что мало шансовъ не быть узнаннымъ. . .»

Говоря такъ, онъ желалъ своимъ близкимъ быть столь же бодрыми, какъ и онъ самъ.

Онъ поступалъ со спокойствіемъ человѣка, увѣреннаго въ необходимости и справедливости своего рѣшенія. Страхъ смерти не мѣшалъ ему жить и въ жизни дѣйствовать.

Въ своихъ разговорахъ и писаніяхъ онъ неоднократно возвращался къ вопросу о смерти.

Разсказъ о доблестной смерти великаго князя Николая Михайловича запалъ ему въ сердце, и онъ въ такихъ словахъ записываетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ предварилкѣ онъ шутилъ и подбадривалъ другихъ заключенныхъ. Когда же его вывели на разстрѣлъ, онъ отказался отъ завязыванія глазъ, скрестилъ руки, поднялъ голову и такъ вызывающе смотрѣлъ солдатамъ въ глаза, что смутилъ многихъ, и не всѣ стрѣляли».

Свое отношеніе къ убійству Н. Н. Щепкина и другихъ, съ нимъ погибшихъ, онъ опредѣляетъ такими словами: «Велика была наша печаль объ утратѣ нашихъ товарищей. Но теперь, разсуждая хладнокровно, можно ли среди массы невинныхъ жертвъ большевиковъ, винить

ихъ особенно за это убійство? Думаю, что настолько же, насколько и въ убійствѣ бѣлыхъ борцовъ на фронтѣ, насколько вообще убійство на войнѣ допустимо... Оплакивая доблестную смерть нашихъ товарищей на внутреннемъ фронтѣ, мы должны смотрѣть на ихъ смерть такъ, какъ военные смотрятъ на естественную смерть своихъ товарищей въ бою. Особенно въ гражданской войнѣ гражданская доблесть не должна уступать воинской доблести».

Удивительная простота, эпическое спокойствіе въ пріятіи логическихъ послѣдствій совершившихся трагическихъ событій! Вѣдь это слова и разсужденія глубокаго и убѣжденнаго пацифиста и страстнаго противника смертной казни!..

Такое отношеніе къ смерти дало ему мужество сознательно идти на мученичество и смерть.

Говорятъ, передъ разстрѣломъ князь Павелъ Долгоруковъ ободрялъ падавшихъ духомъ. Говорятъ, передъ казнью онъ потребовалъ, чтобы ему дали умыться... Изстари русскіе люди умираютъ, умывшись...

Можно ли сомнѣваться, что онъ безтрепетно встрѣтилъ смерть...

Прямой, нисходящій отъ Рюрика, потомокъ основателя Москвы, потомокъ Михаила Черниговскаго, умученнаго въ Ордѣ, князь Павелъ Долгоруковъ палъ отъ рукъ московскихъ палачей.

Имя князя Павла Дмитріевича Долгорукова, такъ же, какъ и его предковъ, принадлежитъ исторіи. Его яркая, своеобразная, красочная личность займетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ жестокой поры русскаго лихолѣтія первой половины XX вѣка.

Н. Астровъ

ВОСПОМИНАНІЯ
О КНЯЗѢ ПАВЛѢ ДМИТРІЕВИЧѢ ДОЛГОРУКОВѢ

Ce n'est qu'à la fin de ma carrière
Que par un grand trait de lumière
On saura ce qu'on a perdu.

(Только при концѣ моего поприща,
Благодаря большому лучу свѣта,
Узнают, какова утрата).

Эти стихи другого героя свободы, С. И. Муравьева-Апостола, невольно приходятъ въ голову, когда заговоришь о кн. Павлѣ Дмитріевичѣ Долгоруковѣ. Смерть точно заново озарила благородный образъ его.

Воспоминанія о немъ идутъ изъ прошлаго, очень далекаго. Образъ его въ памяти моей рисуется, не очень отдѣленый отъ образа брата его, Петра Дмитріевича.

Кого изъ нихъ, или ихъ обоихъ, видѣлъ я еще въ прошломъ столѣтіи, въ Петербургѣ, въ засѣданіи Вольнаго Экономическаго Общества? Это было во время одной изъ голодовокъ. Обсуждался вопросъ о народномъ продовольствіи. Не помню, чтобы Долгоруковъ или Долгоруковы что нибудь говорили. Но эффектъ отъ этого появленія молодыхъ красавцевъ во фракѣ (очевидно, съ обѣда) былъ огромный. Говорили, что Долгоруковы ѣздили за Волгу помогать голодающимъ.

Эти народолюбцы появились изъ той среды, изъ которой въ обычное время демократовъ не ждутъ. Но давно замѣчено, что во времена крупныхъ народныхъ движеній изъ рядовъ аристократіи нерѣдко выходятъ убѣжденные, безкорыстные, чистые друзья народа.

Конечно, трудно говорить объ аристократіи въ Россіи, гдѣ, по выраженію Императора Павла, вельможа — это тотъ, съ кѣмъ говоритъ Императоръ, и пока говоритъ... Аристократы, сами по себѣ стоящіе независимо, а не по волѣ Императора — рѣдкость въ Россіи. Долгоруковы, несомнѣнно, имѣли право на эту квалификацію.

У нихъ, вопреки мнѣнію марксистовъ, не бытіе опредѣляло сознаніе, а сознаніе опредѣлило бытіе. По бытію имъ бы слѣдовало защищать привиллегіи и власть крупнаго землевладѣнія и богатства, они же были друзьями свободы и соціальной справедливости, принудительнаго отчужденія земли для надѣленія нуждающихся въ землѣ крестьянъ. Князь Павелъ Дмитріевичъ былъ предводителемъ дворянства и отстаивалъ права крестьянства. Невольно вспомнишь, что первыми провозвѣстниками соціализма въ XIX столѣтіи были Сенъ Симонъ, потомокъ Карла Великаго, и Робертъ Оуэнъ, фабрикантъ. А въ Россіи первыми дѣятелями демократіи были декабристы — князья, бояре, воеводы. Еще въ темныя времена, съ начала 80-хъ годовъ XIX столѣтія, когда Россія была нѣма, когда провозглашена была дворянская эра, а розга сдѣлалась орудіемъ управленія, когда на дворянскихъ головахъ снова оказались фуражки съ краснымъ околышемъ, а на дворянскихъ устахъ снова появилась фраза «мои крестьяне» — я тогда предсказывалъ, что режимъ Александра III не можетъ не провалиться, но крушеніе его произойдетъ путемъ медленнаго гніенія. По двумъ причинамъ я считалъ возможнымъ узнать, что «близокъ часъ воли Божіей»: 1) избіеніе студентовъ охотнорядцами сдѣлается невозможнымъ вслѣдствіе измѣненія народнаго настроенія. Это обнаружилось во время студенческихъ демонстрацій 1899 года; 2) друзья народа, друзья свободы появятся не только изъ среды интеллигенціи. Сдвигъ настроенія произойдетъ по всей линіи — въ высшихъ слояхъ общества такъ же, какъ и въ простонародьи. Поэтому я съ радостью воспринималъ слухи о московскихъ собраніяхъ «Бесѣда», происходившихъ въ домѣ князей Долгоруковыхъ. Поэтому я съ радостью встрѣтилъ въ числѣ основоположниковъ «Союза Освобожденія» князя Петра Дмитріевича Долгорукова, а потомъ въ Москвѣ, на Земскихъ Съѣздахъ, его спокойнаго и дѣловитаго брата, Павла Дмитріевича.

Какъ возникли, подъ какимъ вліяніемъ сложились воззрѣнія Долгоруковыхъ, я не знаю. Они учились въ

гимназіи. Оба — студенты Московскаго Университета. Старшій братъ ихъ, Николай, дружилъ съ юнымъ П. Н. Милюковымъ. Милюковъ въ домѣ, гдѣ росли Долгоряковы, былъ свой человѣкъ.

Съ домомъ Долгоруковыхъ (домъ, дворъ и садъ — цѣлая десятина въ центрѣ Москвы) связаны воспоминанія о земскихъ съѣздахъ, которые въ Петербургѣ собирались полуконспиративно (въ квартирахъ Корсакова, Брянчанинова, Набокова). Въ Москвѣ эти собранія не скрывались, и лѣтомъ 1905-го года происходили или въ залѣ Новосильцева, или въ домѣ Долгоруковыхъ. Разъ только собрались въ наемномъ залѣ Романова. Но потомъ рѣшительно перекочевали въ домъ Долгоруковыхъ. Есть фотографія, изображающая многочисленный съѣздъ лѣтомъ 1905-го года на дворѣ дома Долгоруковыхъ. Члены съѣзда сидѣли широкими рядами передъ главнымъ входомъ въ домъ, часть размѣстилась на балконѣ во всю ширину дома. Среди нихъ центральная фигура Павла Дмитріевича.

Онъ спокойно и дѣловито, неторопливо и безъ устали занятъ былъ организаціей собраній. Выступалъ онъ рѣдко. Но симпатіей всеобщей пользовался, и вліяніе его было несомнѣнно. Онъ бралъ прямотой и искренностью. Когда, послѣ Цусимской гибели флота, собрался съѣздъ особенно многолюдный и напряженный, пославшій къ царю делегацію, Павелъ Дмитріевичъ былъ въ числѣ делегатовъ. Большая часть членовъ этой делегаціи была избрана впослѣдствіи въ Государственную Думу. Къ выборамъ уже организовалась конституціонно-демократическая партія, иначе, партія Народной Свободы, въ просторѣчіи «кадеты». Ея организація совпала съ бурными въ Москвѣ октябрьскими днями 1905-го года. Если напряженіе этихъ дней не повлекло за собой кровопролитія, это въ значительной степени заслуга Павла Дмитріевича, служившего посредникомъ между студентами, запертыми въ зданіи Университета, и командованіемъ окружавшихъ зданіе войскъ.

Павелъ Дмитріевичъ былъ избранъ предсѣдателемъ

Центральнаго Комитета партіи, ставшей во главѣ выборной агитаціи въ Москвѣ. Мѣсто въ Государственной Думѣ ему было обезпечено. Но партіи нуженъ былъ въ Думѣ авторитетъ по вопросамъ экономическимъ и финансовымъ и, намѣченный единогласно въ депутаты, Павелъ Дмитріевичъ снялъ свою кандидатуру, уступивъ мѣсто М. Я. Герценштейну, который и былъ, на бѣду свою, выбранъ.

Въ этой уступкѣ сказалась отличительная черта Павла Дмитріевича — его скромность. Онъ никогда не носился съ своей особой, не заявлялъ претензій, не разсказывалъ о тѣхъ треніяхъ, мелкихъ и крупныхъ, которыя обильно доставались на его долю. Онъ молчалъ о нихъ. Исторія, однако, не пройдетъ мимо и воздастъ должное гонителямъ Долгорукова. Довольно сказать, что походъ на него закончился пораженіемъ его въ избирательныхъ правахъ, какъ лица, отрѣшеннаго отъ должности, по приговору Судебной Палаты за превышеніе власти. Московская Судебная Палата иногда не только постановляла рѣшенія, но и оказывала услуги...

Пребываніе кн. Долгорукова во 2-ой Государственной Думѣ не вызываетъ у меня воспоминаній о его публичныхъ выступленіяхъ. Помню его роль въ партійныхъ совѣщаніяхъ, его стойкость въ разъ принятомъ направленіи, его глубокое чувство порядочности въ отношеніи къ противникамъ...

Послѣ 2-ой Думы Павелъ Дмитріевичъ только наѣздами появлялся въ Петербургѣ для предсѣдательствованія въ общихъ собраніяхъ Центральнаго Комитета партіи. Помню собранія въ Москвѣ, которая во время войны сдѣлалась центромъ общественнаго движенія. Помню необыкновенную активность Павла Дмитріевича, необыкновенное достоинство его предсѣдательствованія. Ни разу не прозвучала въ словахъ его ни одна фальшивая нота самолюбія или раздраженія. Всегда ровный, всегда безкорыстный... Только теперь, когда все это сдѣлалось прошлымъ, понимаешь всю цѣну нравственной силы, ко-

торую Павелъ Дмитріевичъ вносилъ въ нашу партійную жизнь.

Послѣ большевицкаго переворота Павла Дмитріевича постигъ рядъ ударовъ, одинъ за другимъ его поразившихъ... За это время у меня — больше воспоминаній о Павлѣ Дмитріевичѣ. Судьба какъ-то больше насъ сводила. . .

Предполагалось открытіе Учредительнаго Собранія. Члены его, принадлежавшіе къ партіи Народной Свободы, уговорились собраться въ домѣ графини С. В. Паниной и оттуда идти въ Городскую Думу, гдѣ предполагалось организовать шествіе къ Таврическому дворцу. Утромъ я подъѣхалъ къ дому гр. Паниной на Сергіевской. У подъѣзда два мальчика лѣтъ 18-ти, съ ружьями.

— Что такое? Дома Софья Владиміровна?

— Войдите, войдите, — съ насмѣшкой говоритъ одинъ изъ мальчиковъ.

Я не вошелъ, а пошелъ по направленію къ Литейному. Сейчасъ же нагналъ меня какой то мужчина и разсказываетъ:

— Панину арестовали, а съ нею Шингарева и Коковцева.. .

Я понялъ, что арестовали не Коковцева, а Кокошкина, что въ домѣ Паниной устроили засаду, и пошелъ не въ Городскую Думу, а въ Таврическій дворецъ. Потомъ оказалось, что въ засаду попалъ и кн. Долгоруковъ.

Я сразу сталъ по телефону искать Ольгу Константиновну Нечаеву. Ольга Константиновна, не медля, собралась въ Смольный, везя арестованнымъ необходимыя вещи. Ее ввели въ большую залу, гдѣ было много разнаго народа. Кто ходилъ, кто сидѣлъ. На стульяхъ у стѣны сидѣли рядомъ Шингаревъ и Кокошкинъ. Видъ у нихъ былъ утомленный. Они оба явно были больны. Павелъ Дмитріевичъ сидѣлъ бодро, выглядѣлъ молодцомъ.

— Я даже доволенъ, если хотите, — говорилъ онъ. — Я служу своему отечеству. Андрей Ивановичъ — ораторъ и экономистъ, Федоръ Федоровичъ — ученый юристъ. Они служатъ отечеству своими знаніями, опы-

томъ. А я служу тѣмъ, что отбываю и буду отбывать свое поневолѣ заключеніе.

Съ ровнымъ спокойствіемъ переносилъ Павелъ Дмитріевичъ свой арестъ въ крѣпости. Онъ былъ въ дружбѣ со своими стражами, пріучилъ ихъ приносить ему воду для ежедневнаго обмыванія, и достойно хранилъ свое бодрое настроеніе... Онъ просидѣлъ въ крѣпости до начала февраля 1918-го года.

Уѣзжая въ Москву, на Николаевскомъ вокзалѣ, среди толпы солдатъ, осаждавшихъ вагоны, я столкнулся на площадкѣ вагона съ Павломъ Дмитріевичемъ. Тутъ разыгралась цѣликомъ сцена изъ тургеневской «Нови»:

— Здравствуйте, Павелъ Дмитріевичъ. Вы какъ тутъ? Очень радъ васъ видѣть...

— « Je ne comprends pas le russe. »

— « Eh bien, je suis bien aise de vous rencontrer. Est-ce que vous partez avec ce train ? »

— « Non capisco il russo ! »

Тутъ я расхохотался, и вспомнилъ, какъ Машурина объясняла Паклину въ «Нови»: «Іо соно ля принчипесса ди Санта-Рокка!». — Не выдержалъ и П. Д. — «Войдемъ, говоритъ, въ вагонъ, тамъ разскажу». И началъ разсказывать:

— Я шелъ сюда по Невскому. На углу Знаменской толпа. И какой-то господинъ проповѣдуетъ, что надо бить буржуевъ. Я сталъ спорить. Вдругъ подходитъ какой-то молодой человѣкъ и спрашиваетъ: Вы князь Долгоруковъ? — Я. — И думаю: неужто попался? — «Вы, князь, чрезвычайно неосторожны, — говоритъ молодой человѣкъ, — узнаютъ Васъ и придется Вамъ плохо. Уходите скорѣй». Я послушался и рѣшилъ соблюдать инкогнито. Соблюдалъ, какъ видите, не очень настойчиво.

Въ Москву онъ пріѣхалъ въ свой домъ. Но черезъ нѣкоторое время пришлось его оставить. Домъ большевики заняли не сразу. Когда въ первый разъ пришли матросы изгонять жильцовъ и занимать домъ, управляющій Долгоруковыхъ смутилъ ихъ:

— Да вы знаете ли, кто хозяинъ этого дома? Князь

Долгоруковъ. Его предокъ Москву основалъ, а вы тутъ хозяйничать хотите!..

На первый разъ матросы смутились и ушли, ничего не сдѣлавъ.

Пробылъ я въ Москвѣ до мая мѣсяца. Долгоруковъ уже давно долженъ былъ покинуть свой домъ. Его искали. И онъ по своему «скрывался». Не переставалъ созывать засѣданія Комитета, теперь уже секретныя, появлялся въ домахъ своихъ пріятелей, прохаживался по бульварамъ въ центрѣ города. Помню, какъ разъ, на пересѣченіи двухъ трамвайныхъ линій Павелъ Дмитріевичъ разговаривалъ со мной больше четверти часа. Мнѣ это не было опасно. Меня въ Москвѣ мало знали. А Долгорукова всякій извозчикъ звалъ по имени и отчеству! Онъ рѣшительно не умѣлъ прятаться.

Потомъ я встрѣтился съ Долгоруковымъ на югѣ. Тутъ онъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ — другомъ народа, рыцаремъ свободы, проникнутымъ чувствомъ равенства. Уже въ Екатеринодарѣ онъ перешелъ на бѣженское, пролетарское положеніе. Съ необыкновенной простотой онъ опростился. Жилищемъ его былъ диванъ въ домѣ С. Съ великимъ удовлетвореніемъ онъ открылъ портного, который вывернулъ ему пиджакъ за очень небольшую плату. Въ вопросахъ питанія онъ сталъ на положеніе птицы небесной. И все это не только безропотно, но почти безсознательно, съ совершеннымъ равнодушіемъ.

Въ Екатеринодарѣ Павелъ Дмитріевичъ съ неустанной аккуратностью исполнялъ обязанности предсѣдателя комитета, устраивалъ совѣщанія, публичныя собранія.

Снова я встрѣтился съ нимъ уже въ Парижѣ, на томъ собраніи Центральнаго Комитета, на которомъ произошло его раздвоеніе. Павелъ Дмитріевичъ не хотѣлъ отклоняться отъ той линіи, которая была намѣчена въ Екатеринодарѣ. Позднѣйшихъ отклоненій отъ нея онъ не замѣчалъ. Расхожденіе было даже не столько тактическое, сколько душевное, расхожденіе не идей, а настроеній. Па-

велъ Дмитріевичъ не хотѣлъ отходить отъ людей, съ которыми дѣлилъ не ошибки ихъ, а труды, страданія и боль.

Онъ вернулся въ Бѣлградъ, къ остаткамъ Добровольческой Арміи, и пробовалъ работать ей на пользу. Скоро стало ясно ,что надеждамъ на военныя дѣйствія насталъ конецъ. Павелъ Дмитріевичъ переселился въ Парижъ. Тамъ онъ жилъ въ совершеннѣйшей бѣдности, въ нетопленой мансардѣ семиэтажнаго дома. Люди, посѣщавшіе его, были поражены безусловной оголенностью этого логовища. Онъ гордо исполнялъ подвигъ совершенной нищеты.

Не боевая предпріимчивость охватила его, а тоска по родинѣ, желаніе пожить жизнью родной страны, почувствовать ея природу, ощутить біеніе сердца народнаго, понять его, опознаться среди крушенія и развала.

Черезъ Польшу, Павелъ Дмитріевичъ пробрался въ Россію подъ видомъ стараго дьячка. Его не узнали, но выпроводили обратно. Онъ разсказалъ краткую исторію этой попытки. Политики въ его настроеніи не было. Передавая чувства свои послѣ перехода русской границы, Павелъ Дмитріевичъ повторялъ стихи гр. А. К. Толстого изъ «Іоанна Дамаскина»:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды. . .
. . . .
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!

Не политическія фантазіи влекли Павла Дмитріевича въ Россію. Чувство родины владѣло имъ. Казалось, ему нѣтъ выхода, кромѣ возвращенія домой.

И Павелъ Дмитріевичъ возвратился. Не умѣя притворяться и скрываться, онъ чуть не во всеуслышаніе объявлялъ, что ѣдетъ въ Россію. Его впустили, и, когда понадобилось, безъ хлопотъ, накрыли. Скитанія кончились. . .

Онъ не былъ ни заговорщикомъ, ни агитаторомъ, ни воиномъ. Его не судили. Большевики просто его убили.

Онъ умеръ, какъ жилъ — достойно и мужественно. По разсказамъ, онъ передъ смертью старался ободрять своихъ товарищей смертниковъ, а самъ шелъ на смерть радостно и торжественно, потребовавъ воды для умыванія, оправивъ, сколько могъ, свою одежду.

Подобно тому, какъ сидя подъ арестомъ въ Смольномъ, Долгоруковъ говорилъ, что, отбывая заключеніе, онъ служитъ Россіи, онъ могъ, идя на смерть, съ полнымъ правомъ сказать, что, умирая, онъ служитъ дѣлу свободы Россіи.

Свободѣ посвящена была его жизнь. Ради нея онъ и умеръ.

Смерть его раскрыла глаза многимъ въ Европѣ на духовную сущность убившей его тираніи.

Ф. Родичевъ

Изъ 55-ти членовъ партіи Народной Свободы, которымъ посвящены статьи этого Сборника, 49 были убиты большевиками, а шестеро, хотя и не были убиты, но умерли либо въ тюрьмѣ (кн. А. С. Кропоткинъ, Н. А. Благовѣщенскій, В. А. Медвѣдевъ), либо, какъ 86-лѣтній старикъ, В. К. Винбергъ, вскорѣ послѣ освобожденія изъ тюрьмы, либо погибли еще болѣе трагически: А. Н. Зембицкій, измученный тюремными скитаніями, покончилъ съ собой, И. А. Антоновъ сошелъ съ ума. Такихъ медленно замученныхъ людей среди нашихъ товарищей по партіи было множество.

Явными жертвами большевицкаго режима нужно считать и тѣхъ, чей хрупкій организмъ не могъ вынести испытаній голода и тяжкаго физическаго труда, непривычнаго для работниковъ мысли.

Блестящій профессоръ Московскаго Университета, І. А. Покровскій умеръ отъ разрыва сердца, волоча на пятый этажъ вязанку дровъ. Въ 1919-мъ году умеръ, упавъ на улицѣ отъ истощенія, профессоръ Московскаго Университета, В. Н. Щепкинъ, братъ разстрѣляннаго Н. Н. Щепкина, выдающійся историкъ и археологъ. Отъ истощенія же умерли петербургскій профессоръ физики, Н. А. Гезехусъ, и академикъ А. А. Шахматовъ, предсѣдатель отдѣла русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. А. А. Шахматовъ былъ ученымъ съ міровымъ именемъ и составлялъ гордость и славу русской науки.

Всѣ, имѣющіе представленіе о томъ, какъ жили въ Россіи въ періодъ военнаго коммунизма, знаютъ, какое множество людей погибло отъ ужасающихъ, созданныхъ большевиками, условій жизни, въ тюрьмахъ и на свободѣ, отъ всевозможныхъ эпи-

демическихъ болѣзней, отъ голода и истощенія, не выдержавъ моральныхъ и физическихъ мученій.

И, можетъ быть, многіе изъ нихъ, умирая медленной, томительной смертью, позавидовали участи казненныхъ въ большевицкихъ застѣнкахъ. . .

Передъ читателями прошли имена лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ по своей общес венной и политической дѣятельности. У однихъ изъ нихъ кругъ дѣйствій и вліянія былъ шире, у другихъ — уже. Степень знанія, талантовъ, прак ическаго умѣнія у нихъ была разная, такъ-же, какъ и сфера ихъ общественной работы, характеръ ихъ занятій и т. д. Но всѣмъ имъ въ годы испытаній оказалась присуща одна черта: готовность пожертвовать жизнью за благо родины на томъ посту, на которомъ каждый стоялъ. Окончи они свою жизнь въ обстановкѣ мирной работы, — никто не узналъ бы о той степени самопожертвованія и героизма, на которую каждый былъ способенъ. . .

Они всѣ принадлежали къ партіи, которая понимала невозможность облагодѣтельствованія Россіи путемъ немедленнаго насильственнаго переворота. Эта партія готовила своихъ членовъ къ долгой систематической мирной борьбѣ за общія всѣмъ идеи. Она не посылала ихъ на «пропаганду посредствомъ дѣйствій», не закаляла ихъ воли для выполненія опасныхъ подпольныхъ порученій. Она всегда хотѣла дѣйствовать и дѣйствовала при свѣтѣ дня.

Но обстоятельства сложились такъ, что тяжелыя задачи, которыя партійная дисциплина не думала возлагать на членовъ партіи Народной Свободы, легли на нихъ вслѣдствіе исключительныхъ, небывалыхъ въ исторіи обстоятельствъ. И высокое нравственное удовлетвореніе доставляетъ тотъ фактъ, что никто изъ нихъ не согнулся подъ тяжестью выпавшаго на ихъ долю жизненнаго подвига. Всѣ они мужественно выпили свою смертную чашу. Болѣе того, умирая, никто изъ нихъ не отказался отъ вѣры въ то, что дѣло, за которое они отдавали свою жизнь, есть дѣло правое, что ему, этому дѣлу, въ концѣ концовъ суждена побѣда и что смерть ихъ не пропадетъ даромъ для достиженія этой побѣды. . .

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПОГИБШИХЪ ЧЛЕНОВЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ, ИМЕНА КОТОРЫХЪ УПОМИНАЮТСЯ ВЪ СБОРНИКѢ

Стр.

1. **Алферова, А. С.** Начальница женской гимназіи въ Москвѣ. 100
2. **Алферовъ, А. Д.** Педагогъ и гласный Московской Городской Думы. 100
3. **Антоновъ, И. А.** Городской голова г. Рязани. 175
4. **Астровъ, А. И.** Профессоръ Московск. Техническ. училища. 121
5. **Астровъ, Б. В.** Студентъ. 120
6. **Астровъ, В. И.** Мировой судья г. Москвы и гласный Московской Городской Думы. 117
7. **Бардижъ, К. А.** Членъ Государственной Думы отъ Кубанской области, комиссаръ Временнаго Правительства на Кубани. 54
8. **Бартеневъ, В. В.** Служащій акцизнаго вѣдомства въ Архангельской губерніи. 170
9. **Бартъ, А. П.** Управляющій казенной Палатой Таврической губерніи, былъ министромъ Крымскаго Правительства. . . 196
10. **Благовѣщенскій, Н. А.** Земскій статистикъ, писатель экономистъ. 150
11. **Быковъ, А. Н.** Фабричный инспекторъ, профессоръ Политехникума, гласный Петербургской Городской Думы, писатель и журналистъ. 139
12. **Бѣлостоцкій, Г. Л.** Петербургскій присяжный повѣренный. . . 199
13. **Виленкинъ, А. А.** Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ, одинъ изъ главныхъ организаторовъ возстаній противъ большевицкой власти. 45
14. **Винбергъ, В. К.** Членъ Гоударственной Думы, земскій дѣятель Таврической губерніи. 178
15. **Волковъ, А. А.** Ученый математикъ, приватъ-доцентъ Московскаго Университета. 137
16. **Гезехусъ, Н. А.** Профессоръ физики Петербургскаго Технологическаго Института. . . . .
17. **Герасимовъ, П. В.** Членъ Государственной Думы отъ Костромской губерніи. Присяжный повѣренный. 133

18. **Герценштейнъ, М. Я.** Членъ первой Государственной Думы, экономистъ, гласный Московской Городской Думы, членъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей». 8
19. **Добровольскій, В. И.** Петербургскій присяжный повѣренный. 151
20. **Долгоруковъ, кн. П. Д.** Членъ 2-ой, Государственной Думы, земскій дѣятель Московской губерніи, тов. предсѣдателя Центральнаго Комитета партіи Народной Свободы. . . . 205
21. **Дроздовъ, А. К.** Членъ суда въ г. Симферополѣ, гласный Симферопольской городской Думы. 202
22. **Дубосарскій, Э. А.** Петербургскій присяжный повѣренный. . . 172
23. **Жардецкій, В. А.** Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ, одинъ изъ организаторовъ правительства адм. Колчака. 170
24. **Жирновъ, І. М.** Вятскій земскій дѣятель. 57
25. **Зайцевъ, Н. Г.** Служащій Казенной Палаты Таврической губ., гласный Симферопольской городской Думы. 66
26. **Зембицкій, А. Н.** Членъ Московской городской Управы. 176
27. **Іоллосъ, Г. Б.** Журналистъ, одинъ изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей», членъ 1-ой Государств. Думы. . . . 8
28. **Клафтонъ, А. К.** Секретарь Самарской губернской Земской Управы, политическій дѣятель въ Сибири, при адмиралѣ Колчакѣ. 166
29. **Князьковъ, С. А.** Историкъ, авторъ многихъ сочиненій по русской исторіи. 134
30. **Кокошкинъ, Ф. Ф.** Профессоръ государственнаго права, московскій земскій дѣятель, публицистъ, членъ 1-ой Гос. Думы, министръ Временнаго Правительства. 9
31. **Колли, А. Р.** Выдающійся ученый, профессоръ физики Университета въ Ростовѣ на Дону. 50
32. **Колюбакинъ, А. М.** Земскій дѣятель Новгородской губерніи, членъ 3-ей Госуд. Думы, секретарь думской фракціи партіи Народной Свободы. 8
33. **Королевъ, Н. А.** Торговецъ въ г. Суджѣ, Курской губ. Мѣстный общественный дѣятель. 65
34. **Крапоткинъ, кн. А. С.** Мировой судья г. Москвы. 155
35. **Лазаревскій, Н. И.** Профессоръ государственнаго права въ Петербургѣ, писатель по юридическимъ вопросамъ. 186
36. **Леонтовичъ, А. К.** Присяжный повѣренный, общественный дѣятель въ г. Баку. 175
37. **Медвѣдевъ, А. В.** Земскій дѣятель Курской губерніи. 143
38. **Набоковъ, В. Д.** Членъ 1-ой Госуд. Думы, публицистъ, Управляющій дѣлами Временнаго Правительства, министръ Крымскаго правительства. 8
39. **Науменко, В. П.** Педагогъ, писатель, Попечитель Кіевскаго учебнаго округа при Временномъ Правительствѣ, министръ правительства гетм. Скоропадскаго. 146
40. **Ница, А. Ф.** Уфимскій общественный дѣятель, редакторъ газеты «Уфимская Жизнь». 59
41. **Огневъ, Н. В.** Бывшій священникъ, членъ 1-ой Государств. Думы, присяжный повѣренный въ г. Вяткѣ. 57
42. **Огородниковъ, А. А.** Студентъ. 131
43. **Огородниковъ Н. А.** Членъ 1-ой Государственной Думы отъ Костромской губ., присяжный повѣренный. 131
44. **Пепеляевъ, В. Н.** Членъ Государств. Думы отъ Томской губ., педагогъ, Предсѣдатель Совѣта Министровъ правительства адм. Колчака. 157

45. **Покровскій, І. А.** Профессоръ римскаго права Московскаго Университета. . . . .
46. **Полидоровъ, А. Н.** Присяжный повѣренный, уфимскій общественный дѣятель. 59
47. **Раппъ, А. В.** Мировой судья г. Курска. 155
48. **Сапуновъ, И. П.** Крупный мукомолъ, гласный Курской городской Думы. 69
49. **Суховъ, Г. Н.** Желѣзнодорожный служащій въ Петербургѣ. 138
50. **Толстой, гр. П. П.** Членъ Государственнаго Совѣта отъ Уфимской губерніи. 59
51. **Трифоновъ, И. Н.** Молодой ученый, физикъ. 63
52. **Хаджи, А. Я.** Присяжный повѣренный, гласный Симферопольской городской Думы. 193
53. **Червенъ-Водали, А. А.** Тверской нотаріусъ, министръ правительства адм. Колчака. 162
54. **Черносвитовъ, К. К.** Членъ Государственной Думы отъ Ярославской губерніи. 113
55. **Шахматовъ, А. А.** Извѣстный ученый. Предсѣдатель отдѣла русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. . . . . .
56. **Шацъ, А. О.** Крупный мукомолъ г. Одессы, еврейскій общественный дѣятель. 72
57. **Шингаревъ, А. И.** Врачъ, писатель, членъ Государственной Думы отъ г. Петербурга, министръ Временнаго Правительства. 26
58. **Шнейдеръ, Ф. Ф.** Крупный землевладѣлецъ Таврической губ., гласный Симферопольскаго земства. 71
59. **Штейнингеръ, В. И.** Инженеръ, гласный Петербургской городской Думы. 127
60. **Штейнингеръ, К. И.** Инженеръ. 127
61. **Штромбергъ, бар. А. А.** 83
62. **Щепкинъ, В. Н.** Профессоръ, археологъ. 84
63. **Щепкинъ, Н. Н.** Членъ Государственной Думы отъ г. Москвы, дѣятель Московскаго городского самоуправленія. . . . 84
64. **Щуровичъ, П. А.** Земскій дѣятель Вятской губерніи. 57
65. **Якубовская, М. А.** Учительница въ Москвѣ. 137

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ Редакціи 5

I. ПЕРВЫЯ ЖЕРТВЫ

А. Кизеветтеръ. Ф. Ф. Кокошкинъ. 9
П. Милюковъ. А. И. Шингаревъ. 26

II. УБИТЫЕ въ 1918 ГОДУ

Н. В. Тесленко. Воспоминанія объ А. А. Виленкинѣ. 45
Влад. Зеелеръ. А. Р. Колли. 50
В. А. Харламовъ. К. Л. Бардижъ. 54
П. А. Вятскіе члены партіи: Н. В. Огневъ, П. А. Щуровичъ, І. М. Жирновъ. 57
Камскій. Уфимскіе заложники: А. Н. Полидоровъ, гр. П. П. Толстой, А. Ф. Ница. 59
Б. Г. Катеневъ. И. Н. Трифоновъ. 63
В. А. Евреиновъ. Н. А. Королевъ. 65
Н. Богдановъ. Н. Г. Зайцевъ. 66
В. А. Евреиновъ. И. П. Сапуновъ. 69
В. Оболенскій. Ф. Ф. Шнейдеръ. 71
Ц. А. О. Шацъ. 72

III. УБИТЫЕ въ 1919 ГОДУ

Разстрѣлянные въ Москвѣ по дѣлу Національнаго Центра

П. Мельгунова-Степанова. Трагедія Неопалимовскаго переулка. . . 74
Н. Астровъ. Н. Н. Щепкинъ. 84
Влад. Розенбергъ. Алферовы А. Д. и А. С. 100
С. Смирновъ. Какъ были арестованы и разстрѣляны Н. Н. Щепкинъ, А. Д. и А. С. Алферовы. 108
П. П. Гронскій. К. К. Черносвитовъ. 113
В. Н. Челищевъ. В. И. Астровъ. 117
П. П. Юреневъ. А. И. Астровъ. 121
А. Ломшаковъ. Братья В. и К. Штейнингеры. 127

Н. В. Тесленко. Воспоминанія о Н. А. Огородниковѣ. 131
В. О. П. В. Герасимовъ. 133
Б. Г. Катеневъ. С. А. Князьковъ. 134
Н. А. А. А. Волковъ. 137
Б. К. Г. Н. Суховъ. 138

Другія жертвы ЧК 1919 года

Влад. Розенбергъ. А. Н. Быковъ. 139
В. А. Евреиновъ. А. В. Медвѣдевъ. 143
А. Жекулина. В. П. Науменко. 146
В. А. Евреиновъ. Н. А. Благовѣщенскій. 150
Б. Г. Катеневъ. В. И. Добровольскій. 151
В. А. Евреиновъ. А. В. Раппъ. 155
Н. А. Князь А. С. Крапоткинъ. 155

IV. УБИТЫЕ въ 1920 ГОДУ

П. П. Гронскій. В. Н. Пепеляевъ. 157
Н. Астровъ. А. А. Червенъ-Водали. 162
Н. А. А. К. Клафтонъ. 166
В. О. В. А. Жардецкій. 170
В. Оболенскій. В. В. Бартеневъ. 170
Н. В. Тесленко. Э. А. Дубосарскій. 172
П. А. К. Леонтовичъ. 175
Н. А. И. А. Антоновъ. 175
Н. А. А. Н. Зембицкій. 176

V. УБИТЫЕ въ 1921 и въ ПОСЛѢДУЮЩІЕ ГОДЫ

В. Оболенскій. В. К. Винбергъ. 178
Сергѣй Завадскій. Памяти Н. И. Лазаревскаго. 186
Бестужевка. Н. И. Лазаревскій — учитель права. 191
В. Оболенскій. А. Я. Хаджи. 193
В. Оболенскій. А. П. Бартъ. 196
Н. Астровъ. Г. Л. Бѣлостоцкій. 199
П. Б. А. К. Дроздовъ. 202

VI. КН. ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ДОЛГОРУКОВЪ

Н. Астровъ. Жизнь и смерть кн. П. Д. Долгорукова. 205
Ф. Родичевъ. Воспоминанія о кн. П. Д. Долгоруковѣ. 221

Алфавитный указатель погибшихъ членовъ партіи Народной Свободы, имена которыхъ упоминаются въ Сборникѣ 233

Составители сборника просятъ сообщить имъ имена убитыхъ членовъ партіи Народной Свободы, которые не упомянуты въ настоящемъ сборникѣ, а также указать факты, пополняющіе свѣдѣнія, изложенныя въ его статьяхъ и замѣткахъ.

IMPRIMERIE DE LA SOCIÉTÉ NOUVELLE D'EDITIONS FRANCO-SLAVES, 32, RUE DE — MENILMONTANT, PARIS 20e. —

Складъ изданія: Книжное Дѣло «РОДНИКЪ»
« LA SOURCE » 106, rue de la Tour, **Paris** (16).